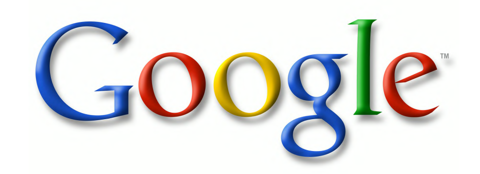
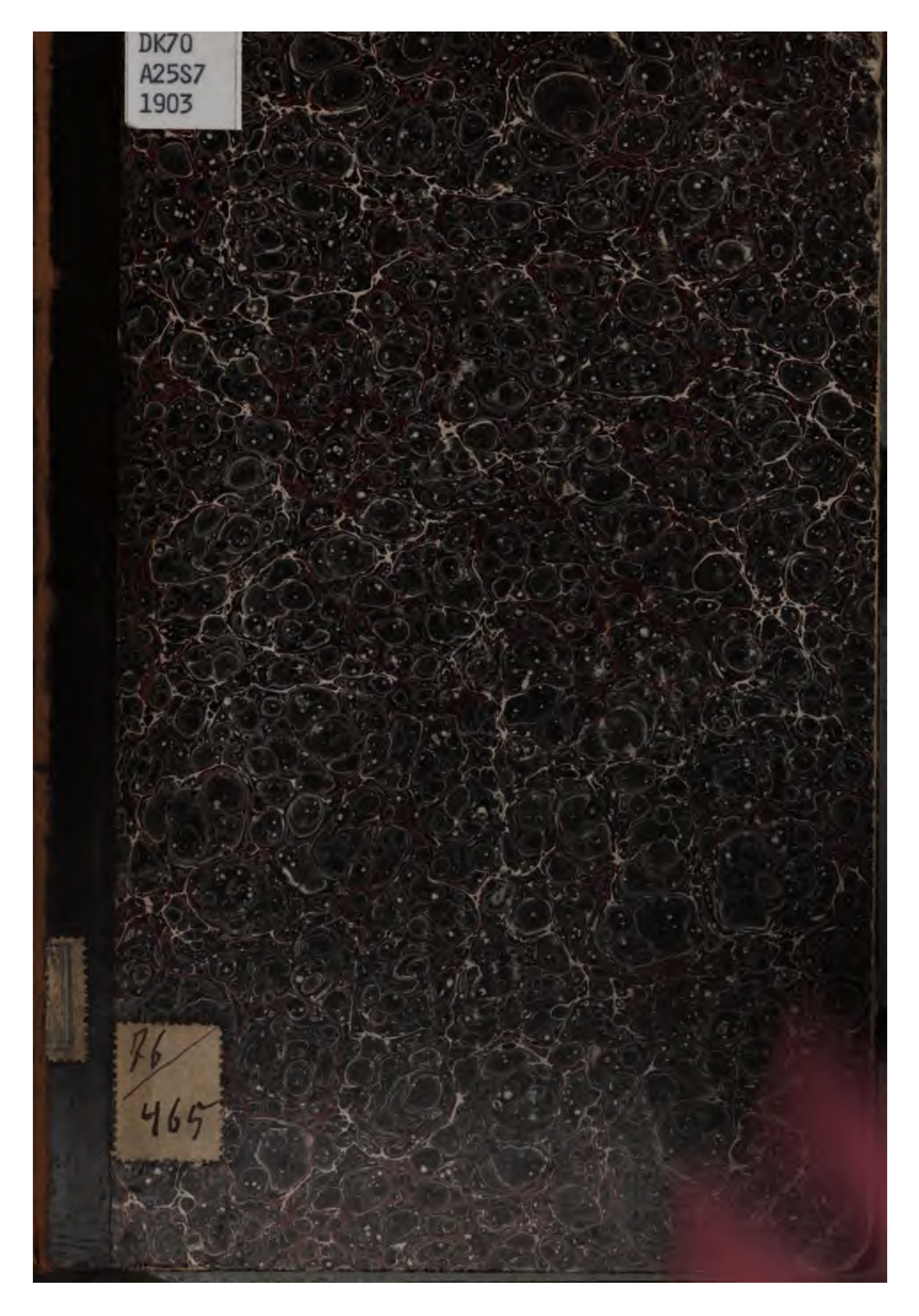
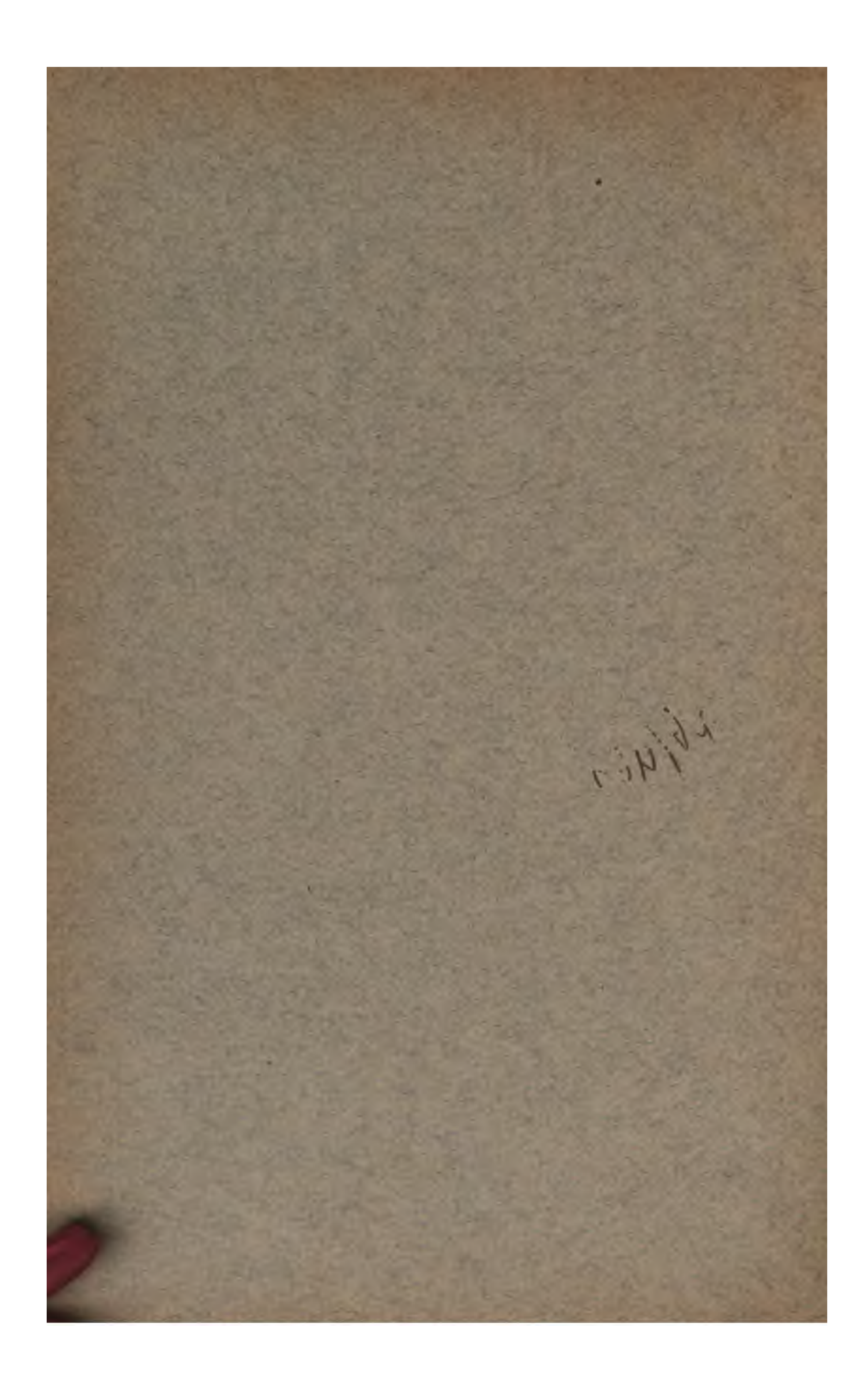



DK70
A25S7
1903
76
465



СТАТЬИ

о

ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ

(1853—1866).

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

СТАТЬИ

О ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Въ настоящее изданіе вошло два труда И. И. Срезневскаго: 1) «Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ» и 2) «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ».

Первый трудъ, относящійся къ 1853 году, былъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. 2, ст. 19—27 и 70—79, и въ сборникѣ «Изъ библіографическихъ статей (1853—1856)» И. И. Срезневскаго (СПб. 1890), с. 73—96.

Второй трудъ состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ, въ разное время написанныхъ статей: 1) «Памятники X-го вѣка до Владиміра святого», напечат. въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ по отд. русскаго языка и словесности, 1854, т. 3, стлб. 49—90, и въ Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го отд. Академіи наукъ за 1854 и 1855 гг., с. 1—26, 2) «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, чтенія I—III», напечат. въ приложеніи ко 2-му т. Записокъ Имп. Академіи наукъ, № 4 (сюда вошла въ переработкѣ статья «Памятники X-го в. до Владиміра святого»); и 3) «Повѣсть временныхъ лѣтъ» — продолженіе Чтеній о лѣтописяхъ (въ 1860-хъ годахъ, вѣроятно, до 1866 г.) приготовленная къ печати и даже въ свое время набранная для корректуры, эта послѣдняя статья увидѣла свѣтъ только въ текущемъ 1908-мъ году въ 1-й кн. Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ, с. 120—173; нѣсколько отрывковъ изъ третьяго чтенія ея были напечатаны, вѣроятно по запискамъ университетскихъ лекцій, въ Исторической хрестоматіи В. Покровскаго (Москва, 1887, в. 2, с. 141—144).

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЛѢТОПИСЯХЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

1853.

Благодаря усердію нашего трудолюбиваго и ученаго сочлена Я. И. Бередникова, сѣверныя лѣтописи наши сдѣлались доступны всѣмъ изслѣдователямъ древностей Русскаго быта и языка; въ III томѣ Полнаго собранія лѣтописей помѣщена первая, вторая и третья Новгородскія, въ IV-мъ четвертая Новгородская и первая Псковская, въ V-мъ вторая Псковская и первая часть первой Софійской, въ VI-мъ помѣщается вторая часть первой Софійской и вторая Софійская; любопытныя и разнообразныя замѣчанія, приложенныя редакторомъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, во многомъ облегчили разумѣніе текста. Вникая въ составъ и языкъ этихъ важныхъ памятниковъ, наши ученые уже начали высказывать свои наблюденія надъ ними не только случайно, по поводу тѣхъ и другихъ историческихъ и филологическихъ вопросовъ, но и съ цѣлію исключительнаго объясненія самыхъ лѣтописей. Таковъ трудъ г. Прозоровскаго о первомъ писателѣ первой Новгородской лѣтописи (см. Жур. мин. нар. просв., 1852, іюль). Таковъ трудъ г. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей», только что вышедшій. Нѣсколько подобныхъ готовятся къ скорому выходу. Принимая живое участіе въ нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ, я считаю нелишнимъ съ своей стороны обратить вниманіе читателей какъ на эти труды, такъ и на нѣкоторые изъ вопросовъ, которые представляются изслѣдователю сѣверныхъ памятниковъ нашей лѣтописной дѣятельности, — и по поводу выхода книги г. Лавровскаго, остановлюсь пока на двухъ: на вопросѣ о древности Новгородскихъ лѣтописей и на вопросѣ о древнемъ лѣтописномъ языкѣ Новгородскомъ. Г. Лавровскій касается только второго изъ этихъ во-

просовъ [1]); но едва ли онъ можетъ быть поставленъ въ безукоризненно ясномъ свѣтѣ безъ предварительнаго уясненія перваго вопроса. Съ этимъ согласится, конечно, всякій, кто вспомнитъ, что древнѣйшіе изъ списковъ нашихъ лѣтописей относятся къ XIV или много что къ концу XIII вѣка, и что въ нихъ не всегда можно ожидать дословнаго повторенія сказаній болѣе древнихъ, такъ же какъ въ спискахъ XVI—XVII вѣка дословнаго повторенія сказаній XIII — XIV вѣка. Притомъ же сказанія о событіяхъ древнихъ могли быть прямо сочинены лѣтописцами XIV вѣка и даже позднѣйшими, такъ что искать въ нихъ признаковъ языка древняго столько же было бы напрасно, какъ и въ сочиненіяхъ новыхъ историковъ. Само собою разумѣется, что вопросъ о древности лѣтописей важенъ и для исторіи литературы и исторіи просвѣщенія.

Но вопросъ о древности Новгородскихъ лѣтописей, по стеченію случайностей, не можетъ быть разобранъ во всемъ его объемѣ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ нашего древняго лѣтописанія—Новгородская лѣтопись I-я, какъ назвалъ ее Я. И. Бередниковъ въ Полномъ собраніи Русскихъ лѣтописей—представляетъ собою горестный образецъ того, какъ во многомъ зависитъ отъ случая сохраненіе памятниковъ древности. Оба списка этой лѣтописи — и Синодальный харатейный и Академическій—сохранились не только безъ многихъ листовъ, но и безъ начала. Списокъ Синодальный, важный и по древности и по содержанію, начинается съ шестнадцатой тетради, вѣроятно съ 121 листа (судя по тому, что сохранившіяся тетради заключаютъ большею частію по 8 листовъ); на первомъ изъ сохранившихся листовъ оканчивается описаніе 1016 года. Что же было

1) Ему посвящаетъ онъ весь первый отдѣлъ своей книги (стр. 24 — 116), гдѣ разсматриваетъ «отличительныя свойства Русскаго языка древняго», выбирая факты изъ Новгородскихъ лѣтописей и частію изъ актовъ. Нѣсколько данныхъ, сюда же относящихся, помѣщено имъ и въ третьемъ отдѣлѣ объ особенностяхъ Новгородскаго нарѣчія (стр. 128 — 138), и въ заключеніи (стр. 149—156).

на потерянныхъ листахъ? Отвѣта на это нѣтъ въ Академическомъ спискѣ, въ которомъ та же лѣтопись начинается съ 1077 года. Тѣмъ менѣе можетъ быть найденъ прямой отвѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, отличающихся отъ этой I-й многими чертами. На потерянныхъ листахъ могла помѣститься почти вся лѣтопись Нестора до 1016 года; но утверждать, что она то и была тамъ, нѣтъ никакого повода: если она была переписана до 1016 года, то почему же съ 1016 продолжается не она, а совсѣмъ другая, отличная и по подбору событій, и по изложенію? Если же не она, то какая же другая? Ужели и въ Новгородѣ была составляема о древнѣйшихъ временахъ Руси такая же обширная лѣтопись, какъ и Несторова? Конечно, можетъ быть и была, но этого ничѣмъ нельзя доказать: другія лѣтописи или передаютъ событія до 1016 года очень коротко, или повторяютъ Нестора. Такъ первые 120 листовъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Русскихъ утрачены навсегда. Одного, и можетъ быть самого важнаго, пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода Новгородскихъ лѣтописей нѣтъ и, какъ кажется, послѣ тщательныхъ изысканій Я. И. Бередникова, нѣтъ навсегда: другихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи, которые бы помогли разгадать загадку, до сихъ поръ не найдено.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какимъ временемъ начинались древнія лѣтописи о событіяхъ Новгородскихъ и что заключали въ себѣ, можетъ быть рѣшенъ только по предположеніямъ.

Одно изъ вспомогательныхъ средствъ для этого есть сравненіе лѣтописи Нестора съ другими, описывающими то же время, сходными съ нею и не сходными. Это сравненіе представляетъ слѣдующее:

1. Въ лѣтописи Нестора, какъ она извѣстна по древнѣйшимъ спискамъ, которыми воспользовались при ея изданіи Р. Ѳ. Тимковскій и Я. И. Бередниковъ, нѣтъ многихъ изъ данныхъ, которыя заключаются въ другихъ лѣтописяхъ, между прочимъ и

въ такихъ, которыя составлены были при ея помощи. Такъ нѣтъ въ ней ни слова о первыхъ годахъ Новагорода: Словѣне... сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ, и посадиша старѣишину Гостомысла (Соф. I. 83; Ник. 6). Нѣтъ въ ней нѣкоторыхъ подробностей изъ княженія Рюрика: такъ напр. о возмущеніи Новгородцевъ въ 6372—864, въ которомъ принималъ участіе какой то Вадимъ (можетъ быть, христіанинъ, судя по имени), о наказаніи его и его соучастниковъ, о бѣгствѣ нѣкоторыхъ Новгородцевъ въ 6375—867 въ Кіевъ (Ник. 16). Нѣтъ въ ней подробностей о битвахъ воеводы Игорева съ Угличами въ 6422—916 (Соф. I. 97). Нѣтъ въ ней (тамъ, гдѣ дѣло идетъ о назначеніи Владимиромъ удѣловъ своимъ дѣтямъ), что Судиславу данъ Псковъ, а Станиславу Смоленскъ (Соф. 120), и что въ томъ же 6498—990 году Владимиръ построилъ городъ Владимиръ. Нѣтъ и слѣдующаго замѣчательнаго мѣста: 6499—991. Крестився Володимеръ, и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина, а по инѣмъ градомъ епискупы и попы и діяконы, иже крестиша всю землю Русьскую. И бысть радость всюду. И приде къ Новугороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, и повелѣ ввврещи въ Волховъ. И повязавше ужи, влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе; и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ! и вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозѣ великый мостъ, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминаютъ Новгородскыя дѣти! Ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переняти его. Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь. Плы изъ свѣта некощное. (Соф. I. 121. Новг. II. 121. Новг. III. 207 и пр. Ср. Воскр. 154). Хотя этотъ разсказъ и не можетъ быть почитаемъ по

своему изложенію первообразнымъ, тѣмъ не менѣе трудно доказать, что онъ составленъ не по источнику древнему, почти современному съ событіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ позволяетъ думать выраженіе о палицѣ Перуна: «ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ». Это *нынѣ* не было бы не на своемъ мѣстѣ и въ преданіи, даже позднемъ, но только не Новгородскомъ, а въ преданіи тѣхъ людей, которые не близко знали послѣдствія паденія Перуна въ Новѣгородѣ и могли смѣшивать вѣка прошедшихъ событій по незнанію или по равнодушію къ нимъ. Въ такомъ случаѣ пересказъ его въ лѣтописяхъ Новгородскихъ могъ появиться только какъ выписка изъ другихъ лѣтописей. Но можно-ли считать его дѣйствительной выпискою, занесенною въ Новгородскія лѣтописи? Кажется, что нѣтъ; потому что онъ есть исключительная собственность лѣтописей Новгородскихъ и уже изъ нихъ перешелъ въ позднія лѣтописи не Новгородскія (напр. въ Ник. 105, Густ. 258 — 259). Если же этотъ разсказъ записанъ въ Новгородѣ, то не позже того времени, когда палица Перуна потеряла для Новгородцевъ все свое значеніе, когда уже она не могла беречься въ Новгородѣ какъ общественное достояніе, безъ чего не могъ быть совершаемъ обрядъ, о которомъ говорится въ разсказѣ, т. е. тогда, когда христіанство и сила вліянія пастырей церкви въ Новгородѣ еще не утвердились и язычество не совершенно пало.

2. Съ другой стороны въ лѣтописи Нестора есть многое, что относится къ Новгороду и изъ чего только часть входитъ въ составъ лѣтописей Новгородскихъ. Кто не знаетъ, что безъ помощи Нестора не возможно составить общаго перечня Новгородскихъ событій, что большая часть ихъ извѣстна только изъ Нестора? При этомъ можемъ замѣтить, что, не смотря на все несходство этихъ лѣтописей Новгородскихъ съ Несторовою, нѣкоторыя изъ мѣстъ въ нихъ очень сходны, какъ будто и въ эту и въ тѣ онѣ выписаны изъ одного общаго источника. Такъ напр. Новгородская II-я, начинаясь 911 годомъ, повторяетъ подъ нимъ почти дословно то, что читаемъ у Нестора въ томъ же мѣстѣ:

Напечатано по распоряженію **Императорской Академіи Наукъ**.
Декабрь 1903 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СТАТЬИ

О ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Въ настоящее изданіе вошло два труда И. И. Срезневскаго: 1)«Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ» и 2) «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ».

Первый трудъ, относящійся къ 1853 году, былъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. 2, ст. 18—27 и 70—78, и въ сборникѣ «Изъ библіографическихъ статей (1852—1855)» И. И. Срезневскаго (СПб. 1899), с. 73—96.

Второй трудъ состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ, въ разное время написанныхъ статей: 1) «Памятники X-го вѣка до Владимира святого», напечат. въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ по отд. русскаго языка и словесности, 1854, т. 3, стлб. 49—60, и въ Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го отд. Академіи наукъ за 1854 и 1855 гг., с. 1—26, 2) «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, чтеніе I — III», напечат. въ приложеніи ко 2-му т. Записокъ Имп. Академіи наукъ, № 4 (сюда вошла въ переработкѣ статья «Памятники X-го в. до Владимира святого») и 3) «Повѣсть временныхъ лѣтъ»—продолженіе Чтеній о лѣтописяхъ; въ 1860-хъ годахъ (вѣроятно, до 1866 г.) приготовленная къ печати и даже въ свое время набранная для корректуры, эта послѣдняя статья увидѣла свѣтъ только въ текущемъ 1903-мъ году въ 1-й кн. Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ, с. 120—173; нѣсколько отрывковъ изъ третьяго чтенія ея были напечатаны, вѣроятно по запискамъ университетскихъ лекцій, въ Исторической хрестоматіи В. Покровскаго (Москва, 1887), в. 2, с. 141 — 144.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЛѢТОПИСЯХЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

[illegible].

Въ настоящее изданіе вошло два труда И. И. Срезневскаго: 1)«Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ» и 2) «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ».

Первый трудъ, относящійся къ 1853 году, былъ напечатанъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. 2, ст. 18—27 и 70—78, и въ сборникѣ «Изъ библіографическихъ статей (1852—1855)» И. И. Срезневскаго (СПб. 1899), с. 73—96.

Второй трудъ состоитъ изъ трехъ самостоятельныхъ, въ разное время написанныхъ статей: 1) «Памятники X-го вѣка до Владимира святого», напечат. въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ по отд. русскаго языка и словесности, 1854, т. 3, стлб. 49—60, и въ Историческихъ чтеніяхъ о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го отд. Академіи наукъ за 1854 и 1855 гг., с. 1—26, 2) «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, чтеніе I — III», напечат. въ приложеніи ко 2-му т. Записокъ Имп. Академіи наукъ, № 4 (сюда вошла въ переработкѣ статья «Памятники X-го в. до Владимира святого») и 3) «Повѣсть временныхъ лѣтъ»—продолженіе Чтеній о лѣтописяхъ; въ 1860-хъ годахъ (вѣроятно, до 1866 г.) приготовленная къ печати и даже въ свое время набранная для корректуры, эта послѣдняя статья увидѣла свѣтъ только въ текущемъ 1903-мъ году въ 1-й кн. Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ, с. 120—173; нѣсколько отрывковъ изъ третьяго чтенія ея были напечатаны, вѣроятно по запискамъ университетскихъ лекцій, въ Исторической хрестоматіи В. Покровскаго (Москва, 1887), в. 2, с. 141—144.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЛѢТОПИСЯХЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

(1853).

Благодаря усердію нашего трудолюбиваго и ученаго сочлена Я. И. Бередникова, сѣверныя лѣтописи наши сдѣлались доступны всѣмъ изслѣдователямъ древностей Русскаго быта и языка; въ III томѣ Полнаго собранія лѣтописей помѣщена первая, вторая и третья Новгородскія, въ IV-мъ четвертая Новгородская и первая Псковская, въ V-мъ вторая Псковская и первая часть первой Софійской, въ VI-мъ помѣщается вторая часть первой Софійской и вторая Софійская; любопытныя и разнообразныя замѣчанія, приложенныя редакторомъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, во многомъ облегчили разумѣніе текста. Вникая въ составъ и языкъ этихъ важныхъ памятниковъ, наши ученые уже начали высказывать свои наблюденія надъ ними не только случайно, по поводу тѣхъ и другихъ историческихъ и филологическихъ вопросовъ, но и съ цѣлію исключительнаго объясненія самыхъ лѣтописей. Таковъ трудъ г. Прозоровскаго о первомъ писателѣ первой Новгородской лѣтописи (см. Жур. мин. нар. просв., 1852, іюль). Таковъ трудъ г. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей», только что вышедшій. Нѣсколько подобныхъ готовятся къ скорому выходу. Принимая живое участіе въ нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ, я считаю нелишнимъ съ своей стороны обратить вниманіе читателей какъ на эти труды, такъ и на нѣкоторые изъ вопросовъ, которые представляются изслѣдователю сѣверныхъ памятниковъ нашей лѣтописной дѣятельности, — и по поводу выхода книги г. Лавровскаго, остановлюсь пока на двухъ: на вопросѣ о древности Новгородскихъ лѣтописей и на вопросѣ о древнемъ лѣтописномъ языкѣ Новгородскомъ. Г. Лавровскій касается только второго изъ этихъ во-

просовъ[1]); но едва ли онъ можетъ быть поставленъ въ безукоризненно ясномъ свѣтѣ безъ предварительнаго уясненія перваго вопроса. Съ этимъ согласится, конечно, всякій, кто вспомнитъ, что древнѣйшіе изъ списковъ нашихъ лѣтописей относятся къ XIV или много что къ концу XIII вѣка, и что въ нихъ не всегда можно ожидать дословнаго повторенія сказаній болѣе древнихъ, такъ же какъ въ спискахъ XVI—XVII вѣка дословнаго повторенія сказаній XIII — XIV вѣка. Притомъ же сказанія о событіяхъ древнихъ могли быть прямо сочинены лѣтописцами XIV вѣка и даже позднѣйшими, такъ что искать въ нихъ признаковъ языка древняго столько же было бы напрасно, какъ и въ сочиненіяхъ новыхъ историковъ. Само собою разумѣется, что вопросъ о древности лѣтописей важенъ и для исторіи литературы и исторіи просвѣщенія.

Но вопросъ о древности Новгородскихъ лѣтописей, по стеченію случайностей, не можетъ быть разобранъ во всемъ его объемѣ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ нашего древняго лѣтописанія—Новгородская лѣтопись I-я, какъ назвалъ ее Я. И. Бередниковъ въ Полномъ собраніи Русскихъ лѣтописей—представляетъ собою горестный образецъ того, какъ во многомъ зависитъ отъ случая сохраненіе памятниковъ древности. Оба списка этой лѣтописи — и Синодальный харатейный и Академическій—сохранились не только безъ многихъ листовъ, но и безъ начала. Списокъ Синодальный, важный и по древности и по содержанію, начинается съ шестнадцатой тетради, вѣроятно съ 121 листа (судя по тому, что сохранившіяся тетради заключаютъ большею частію по 8 листовъ); на первомъ изъ сохранившихся листовъ оканчивается описаніе 1016 года. Что же было

---

1) Ему посвящаетъ онъ весь первый отдѣлъ своей книги (стр. 24 — 116), гдѣ разсматриваетъ «отличительныя свойства Русскаго языка древняго», выбирая факты изъ Новгородскихъ лѣтописей и частію изъ актовъ. Нѣсколько данныхъ, сюда же относящихся, помѣщено имъ и въ третьемъ отдѣлѣ объ особенностяхъ Новгородскаго нарѣчія (стр. 128 — 138), и въ заключеніи (стр. 149—156).

на потерянныхъ листахъ? Отвѣта на это нѣтъ въ Академическомъ спискѣ, въ которомъ та же лѣтопись начинается съ 1077 года. Тѣмъ менѣе можетъ быть найденъ прямой отвѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, отличающихся отъ этой I-й многими чертами. На потерянныхъ листахъ могла помѣститься почти вся лѣтопись Нестора до 1016 года; но утверждать, что она то и была тамъ, нѣтъ никакого повода: если она была переписана до 1016 года, то почему же съ 1016 продолжается не она, а совсѣмъ другая, отличная и по подбору событій, и по изложенію? Если же не она, то какая же другая? Ужели и въ Новгородѣ была составляема о древнѣйшихъ временахъ Руси такая же обширная лѣтопись, какъ и Несторова? Конечно, можетъ быть и была, но этого ничѣмъ нельзя доказать: другія лѣтописи или передаютъ событія до 1016 года очень коротко, или повторяютъ Нестора. Такъ первые 120 листовъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Русскихъ утрачены навсегда. Одного, и можетъ быть самого важнаго, пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода Новгородскихъ лѣтописей нѣтъ и, какъ кажется, послѣ тщательныхъ изысканій Я. И. Бередникова, нѣтъ навсегда: другихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи, которые бы помогли разгадать загадку, до сихъ поръ не найдено.

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, какимъ временемъ начинались древнія лѣтописи о событіяхъ Новгородскихъ и что заключали въ себѣ, можетъ быть рѣшенъ только по предположеніямъ.

Одно изъ вспомогательныхъ средствъ для этого есть сравненіе лѣтописи Нестора съ другими, описывающими то же время, сходными съ нею и не сходными. Это сравненіе представляетъ слѣдующее:

1. Въ лѣтописи Нестора, какъ она извѣстна по древнѣйшимъ спискамъ, которыми воспользовались при ея изданіи Р. Ѳ. Тимковскій и Я. И. Бередниковъ, нѣтъ многихъ изъ данныхъ, которыя заключаются въ другихъ лѣтописяхъ, между прочимъ и

въ такихъ, которыя составлены были при ея помощи. Такъ нѣтъ въ ней ни слова о первыхъ годахъ Новагорода: Словѣне... сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ, и съдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла (Соф. I. 83; Ник. 6). Нѣтъ въ ней нѣкоторыхъ подробностей изъ княженія Рюрика: такъ напр. о возмущеніи Новгородцевъ въ 6372—864, въ которомъ принималъ участіе какой то Вадимъ (можетъ быть, христіанинъ, судя по имени), о наказаніи его и его соучастниковъ, о бѣгствѣ нѣкоторыхъ Новгородцевъ въ 6375—867 въ Кіевъ (Ник. 16). Нѣтъ въ ней подробностей о битвахъ воеводы Игорева съ Угличами въ 6422—916 (Соф. I. 97). Нѣтъ въ ней (тамъ, гдѣ дѣло идетъ о назначеніи Владимиромъ удѣловъ своимъ дѣтямъ), что Судиславу данъ Псковъ, а Станиславу Смоленскъ (Соф. 120), и что въ томъ же 6498—990 году Владимиръ построилъ городъ Владимиръ. Нѣтъ и слѣдующаго замѣчательнаго мѣста: 6499—991. Крестивcя Володимеръ, и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина, а по инѣмъ градомъ епискупы и попы и діяконы, иже крестиша всю землю Русьскую. И бысть радость всюду. И приде къ Новугороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, и повелѣ ввърещи въ Волховъ. И повязавше ужи, влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе; и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ! и вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозѣ великый мостъ, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминаютъ Новгородскыя дѣти! Ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переняти его. Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь. Плы изъ свѣта некощное. (Соф. I. 121. Новг. II. 121. Новг. III. 207 и пр. Ср. Воскр. 154). Хотя этотъ разсказъ и не можетъ быть почитаемъ по

своему изложенію первообразнымъ, тѣмъ не менѣе трудно доказать, что онъ составленъ не по источнику древнему, почти современному съ событіемъ. Такъ по крайней мѣрѣ позволяетъ думать выраженіе о палицѣ Перуна: «ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ». Это *нынѣ* не было бы не на своемъ мѣстѣ и въ преданіи, даже позднемъ, но только не Новгородскомъ, а въ преданіи тѣхъ людей, которые не близко знали послѣдствія паденія Перуна въ Новѣгородѣ и могли смѣшивать вѣка прошедшихъ событій по незнанію или по равнодушію къ нимъ. Въ такомъ случаѣ пересказъ его въ лѣтописяхъ Новгородскихъ могъ появиться только какъ выписка изъ другихъ лѣтописей. Но можно-ли считать его дѣйствительной выпискою, занесенною въ Новгородскія лѣтописи? Кажется, что нѣтъ; потому что онъ есть исключительная собственность лѣтописей Новгородскихъ и уже изъ нихъ перешелъ въ позднія лѣтописи не Новгородскія (напр. въ Ник. 105, Густ. 258 — 259). Если же этотъ разсказъ записанъ въ Новгородѣ, то не позже того времени, когда палица Перуна потеряла для Новгородцевъ все свое значеніе, когда уже она не могла беречься въ Новгородѣ какъ общественное достояніе, безъ чего не могъ быть совершаемъ обрядъ, о которомъ говорится въ разсказѣ, т. е. тогда, когда христіанство и сила вліянія пастырей церкви въ Новгородѣ еще не утвердились и язычество не совершенно пало.

2. Съ другой стороны въ лѣтописи Нестора есть многое, что относится къ Новгороду и изъ чего только часть входитъ въ составъ лѣтописей Новгородскихъ. Кто не знаетъ, что безъ помощи Нестора не возможно составить общаго перечня Новгородскихъ событій, что большая часть ихъ извѣстна только изъ Нестора? При этомъ можемъ замѣтить, что, не смотря на все несходство этихъ лѣтописей Новгородскихъ съ Несторовою, нѣкоторыя изъ мѣстъ въ нихъ очень сходны, какъ будто и въ эту и въ тѣ онѣ выписаны изъ одного общаго источника. Такъ напр. Новгородская II-я, начинаясь 911 годомъ, повторяетъ подъ нимъ почти дословно то, что читаемъ у Нестора въ томъ же мѣстѣ:

Явися знаменіе велико на запади копейнымъ образомъ (Новг. II. стр. 121. Нест. 13). За тѣмъ, послѣ пересказа преданія о паденіи Перуна въ Новѣгородѣ подъ 991 годомъ, она передаетъ коротко, но тѣми же словами, какъ и у Нестора, свидѣтельство о построеніи крѣпости Кіевской Ярославомъ: Заложи Ярославъ градъ великій Кіевъ, и Златыя врата постави, и церковь святыа Софіа заложи (Нов. II. 121. Нест. 65). Разница между этими двумя лѣтописями только въ обозначеніи года: у Нестора обозначенъ 6545—1037, а въ Новг. II-й 6525—1017 годъ.

Въ I-й Новгородской разсказъ о 6524—1016 сходенъ съ Несторовымъ, но есть и важныя отличія: такъ у Нестора Святополкъ «бѣжа въ Ляхы», а въ I-й Новгор: «въ Печенѣгы»; совсѣмъ нѣтъ у Нестора важнаго мѣста: «И начя вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривнъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся», что отнесено въ Соф. къ 6527—1019, съ прибавленіемъ: «и давь имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите яко же списахъ вамъ»; и т. д. Наоборотъ у Нестора есть напр. подробности о войнѣ Брячислава съ Новгородомъ и Ярославомъ, (6529—1021), о заключеніи Судислава (6544—1036) и его освобожденіи (6567—1059), о походѣ Володимира на Ямь (6550—1042), о войнахъ Всеслава (6574 и слѣд.), которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ.

3. Позднѣйшіе лѣтописцы наши пользовались очевидно лѣтописью Нестора какъ главнымъ источникомъ, то выписывая изъ него дословно, то сокращая по своему разсказъ его, то дополняя его по другимъ источникамъ, отдѣльно до насъ не дошедшимъ. Такова напр. лѣтопись Софійская, III-я Новгородская и т. д. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что показанія этихъ лѣтописей не противорѣчатъ показаніямъ лѣтописи Нестора. Напротивъ того, есть противорѣчія не только въ годахъ, что могло быть даже и по опискѣ, но и въ самомъ содержаніи событій.

Изо всего этого очевидно слѣдуетъ — во первыхъ, что въ одно и то же время ведены были Русскія лѣтописи въ разныхъ

мѣстахъ различныя, и что Несторъ воспользовался многими изъ этихъ лѣтописей, но не всѣми;—во вторыхъ, что въ послѣдствіи за лѣтописью Нестора — потому ли что она была лучше всѣхъ или по какой другой причинѣ — осталось первенство, а другія были употребляемы только какъ пособіе для пополненія сказаній Нестора; — въ третьихъ, что лѣтописцы Новгородскіе, даже и поздніе, не всѣ знали или хотѣли пользоваться Несторомъ, а держались только своихъ мѣстныхъ записокъ, и нерѣдко пользовались только кое чѣмъ, а не всѣмъ, что должно было бы имъ показаться умѣстнымъ, если бы всѣ пособія были у нихъ подъ руками. А такъ какъ изъ числа Новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ лѣтописяхъ, есть нѣсколько не только изъ X вѣка, но и до X-го, то нельзя не заключить, что лѣтописи Новгородскія начинались годами этого отдаленнаго времени и заключали въ себѣ не только краткія указанія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кое-какія подробности. Какія же именно и въ какомъ именно видѣ занесены онѣ были въ первый разъ, это остается загадкой.

Загадкой остается и вопросъ, въ какое время начата была Новгородская лѣтопись въ первый разъ.

Не останавливаясь на немъ, мы перейдемъ къ вопросу не столь трудному: въ какое время ведены были Новгородскія лѣтописи не тѣми, которымъ были извѣстны событія только по преданію, а современниками, самими свидѣтелями этихъ событій. Въ лѣтописяхъ Новгородскихъ находимъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вотъ онъ:

Событія записывались въ Новгородѣ, скоро послѣ того какъ случились, не только въ XII вѣкѣ, но и въ XI-мъ и даже въ X-мъ.

Вотъ и доказательства, подтверждающія справедливость этого отвѣта:

Событія X—XII вѣка обозначены въ лѣтописяхъ Новгородскихъ большею частію кратко, какъ будто для памяти того, кто ихъ зналъ подробно, безъ объясненій, кто именно были тѣ или другія изъ лицъ въ нихъ участвовавшихъ, съ обозначеніемъ только ихъ именъ, какъ общеизвѣстныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ мелоч-

ными подробностями, которыя не могли бы не быть скоро забыты, если бы удерживались одною памятью. Таковы подробности о цѣнахъ хлѣба и бѣдствіяхъ во время неурожая, о пожарахъ, о построеніи церквей, о поставленіи и кончинѣ князей, епископовъ, игуменовъ, посадниковъ, сотниковъ и пр., о битвахъ, мятежахъ, небесныхъ явленіяхъ и пр. Изъ X-го вѣка ихъ очень немного, но, какъ мы видѣли, есть; изъ XI-го ихъ гораздо болѣе; изъ XII-го и т. д. еще болѣе.

Таковы же подробности, еще рѣзче выдающіяся, о дняхъ и даже часахъ событій. Вотъ для примѣра нѣсколько замѣтокъ въ этомъ родѣ изъ XI вѣка.

— 6553—1045. Сьгорѣ св. Софія въ суботу по заутрьнии въ часъ 3, мѣсяца марта въ 15-е (Новг. I). То же въ другихъ лѣтописяхъ подъ 6557—1049: Поднялась церковь святая Софія отъ огня, мѣсяца марта въ 4, въ суботныи день, бывше честно устроена и украшена, а стояше конецъ Епископли улици, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже нынѣ поставилъ Сотко сотникъ церковь св. страстотерпецъ князей Русскихъ Бориса и Глѣба (Новг. II подъ 6497 [1]; ср. Соф. подъ 6557). Трудно разгадать, отъ чего произошла разность показаній въ числѣ мѣсяца; но вѣроятно, что тутъ кроется или описка или дурное чтеніе, напр. въ томъ родѣ, какъ если бы глаголическое |< или ✕ (г = 4) писцомъ, не знавшимъ глаголицы, принято было за ѓе (= 15): въ 6553 году 4-е марта приходилось именно въ суботу, а въ 6557—въ четвергъ, субота же приходилась не 15-го, а 18-го марта. Что касается до года, то 6553 долженъ быть предпочтенъ 6557 году, не только по соображеніямъ мартовскихъ суботнихъ чиселъ и указаній лѣтописцевъ, но и потому что въ томъ же 6553 князь Новгородскій Владимиръ Ярославичъ заложилъ другую церковь св. Софіи (Нестор. 67; Новг. I. стр. 2; Новг. II. стр. 121; Новг. III. стр. 211).

1) Ошибка эта въ Полн. собр. лѣт. исправлена (вмѣсто 6497 года поставленъ 6553), а произошла оттого, что обозначенъ годъ не пожара церкви, а ея постройки, который показанъ вездѣ одинаково 6497 — 989.

— 6560—1051. Преставися Володимиръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, мѣсяця октября въ 4-е (Новг. I), въ недѣлю, и положенъ бысть во св. Софіи, юже бѣ самъ создалъ (Новг. II и III; Соф. I), а жилъ 32 лѣта, а княжилъ въ В. Новѣградѣ 18 лѣтъ (Новг. III).

— 6577—1068 мѣсяця октября въ 23, на св. Якова брата Господня, въ пятничю, въ часъ 6 дни опять приде Все(славъ) къ Новугороду..., а на заутріе обрѣтеся крестъ честныи Володимирь Новѣгородѣ у св. Софіѣ, при епископѣ Ѳедорѣ (Новг. I; ср. Соф. I. стр. 143, гдѣ о крестѣ прибавлено: обрѣтеся на полатахъ, его же взялъ бѣ князь Всеславъ ратію въ св. Софіи).

— 6605—1097. Слѣпленъ бысть Василко. Въ то же лѣто зимѣ побѣди Мьстиславъ съ Новгородьци Олга на Кулацькѣ въ великое говѣніе. Томъ же лѣтѣ на весну погорѣ онъ полъ, а 3-и день дѣтиньць съгорѣ городъ, и кнпну чядь избишя.

Такихъ мелочныхъ замѣтокъ въ лѣтописяхъ Новгородскихъ очень много.

Не менѣе любопытны въ разсматриваемомъ отношеніи и тѣ замѣчанія, въ которыхъ виднѣется личность лѣтописца, какъ современника описываемаго событія. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

— 6566—1058. Архіепископъ Лука пріа столъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть. Дудици же холопу (его оклеветавшему) оскомины бѣша: урѣзаша ему носа и руцѣ отсѣкоша, и сбѣже въ Нѣмци (Новг. II; Ник. подъ 1057 г.; устну и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ усѣкоша — Соф. I). Сице же и его лукавымъ совѣтникомъ Козмѣ и Даміану достоиное воздаша по злодѣанію ихъ (Ник.). Мнѣ кажется, что это событіе почти такъ, какъ оно занесено въ Новг. II, было записано прежде чѣмъ архіепископъ Лука, оправданный отъ доноса Дудика въ Кіевѣ и уже возвращавшійся въ Новгородъ, «преставися октовріа въ 15 день на Копысѣ Нов. III.): иначе бы, кажется, лѣтописецъ не записалъ, что Лука уже «пріа столъ свой». Въ словѣ «оскомины» выразилось личное его негодованіе на злодѣя Дудика и сочувствіе къ наказанію имъ понесенному, такъ же какъ подоб-

ное чувство непріязни выразилось и въ лѣтописцѣ Волынскомъ, когда онъ, передавая переговоры Мстислава Володимирскаго съ братомъ Львомъ и съ другими князьями (1289), замѣтилъ страхъ Льва: «сице бо ему не сошла оскомина Телебужины рати» (Ипат. 224). Наказаніе, къ которому приговоренъ былъ Дудикъ по законамъ церковнымъ, могло быть записано только тогда, когда еще не было забыто современниками.

— 6646 — 1138. Мѣсяця марта въ 9 день на 40 святыхъ бысть громъ велій, яко *слышахомъ* чисто, въ истьбѣ сидяще (Новг. I).

— 6652—1144. Постави *мя* попомъ архепископъ св. Нифонтъ. Если это записано не самимъ лѣтописцемъ, а переписчикомъ лѣтописи или ея владѣтелемъ, то все же современникомъ.

— 6653—1145. Стояста 2 недѣли пълнѣ яко искря жгуце, теплѣ велми, переже жатвы; потомъ наиде дъжгь, яко не *видѣхомъ* ясна дни ни до зимы, и много бы уимѣ житъ, и сѣна не удѣлаша, а вода бы *больши третьяго лѣта* на ту осень (Новг. I).

— 6664—1156. Преставися архепископъ Нифонтъ априля въ 21, шьлъ бяше Кыеву противу митрополита; иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ св. Софію пошьлъ Царюграду; и много глаголаху на нь, но собѣ на грѣхъ. Семъ бы разумѣти *комуждо насъ*, который епископъ тако украси св. Софію..., *мьню бо*, яко не хотя Богъ по грѣхомъ *нашимъ* дати намъ на утѣху гроба его, отведе и Кыеву, и тамо преставися (Новг. I.).

— 6669 — 1161. Стоя все лѣто ведромъ, и пригорѣ все жито, а на осень уби всю ярь морозъ. Еще же за грѣхы *наша* не то зло оставися, но пакы на зиму ста вся зима тепломъ и дъжгемъ, и громъ бысть, и *купляхомъ* кадку малую по 7 кунъ. О велика скърбь бяше въ людьхъ и нужа! (Новг. I).

— 6675—1167. На ту же весну заложи Сѣдко Сытиниць[1]) церковь камену святую мученику Бориса и Глѣба (Новг. I).

1) Прозваніе Содка Сытиничемъ занесено и въ Новг. II подъ 6553 несвязною замѣткою: Сотко Сытиничъ и Сытинѣ. (Новг. II, стр. 121, прим. е).

Обозначая это, припоминаю то мѣсто, которое выписано выше (6553), гдѣ между прочимъ сказано, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла св. Софія надъ Волховомъ, поставилъ *нынѣ* Сотко сотникъ церковь. Записка о построеніи церкви Борисоглѣбской въ 1167 году, очевидно, занесена въ лѣтопись подъ 1045 годомъ немного позже 1167 года.

— 6696 — 1188. Преставися рабъ Божій Германъ, іереи св. Якова, зовемыи Воята, служивъшю ему у св. Іякова полъпятадьсятъ лѣтъ... Поя съ собою Пльскову архепископъ Гаврила, и дошьдъ Пльскова разболѣся, и постриже и владыка и въ скиму, и преставися мѣсяця октября въ 13..., и положиша и у св. Спаса въ манастыри. Покои Господи душю раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрѣшенія вольная и невольная (Новг. І).

Подобныхъ мѣстъ, гдѣ такъ или иначе выражается личность тѣхъ, кто принялъ участіе въ составѣ лѣтописи, наберется много. Нельзя не считать въ числѣ ихъ и того, которое занесено подъ 6738 — 1230: Възведоша съ Хутина отъ св. Спаса Арсенія игумена, мужа кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спиридонъ и весь Новгородъ, и даша игуменьство у св. Георгія; а Саву лишиша, посадиша и въ келіи; и разболѣся, лежавъ 6 недѣль, и преставися марта въ 15, въ суботу, предъ обѣдьнею, и тако погребенъ бысть игуменомъ Арсеніемъ и всею братьею. А даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ *и мнѣ грѣшному Тимоѳею понаманарю* (Новг. І. Синод. сп.), или, какъ въ другомъ спискѣ (Акад.): *и мнѣ грѣшному Іоанну попови*. Личность лѣтописца выразилась и тутъ, однако не въ словахъ: «и мнѣ грѣшному». Могъ сказать лѣтописецъ и это; но могъ и не сказать. Если же и сказалъ, то еще ни какъ нельзя утверждать, что онъ то и былъ Тимоѳей пономарь или Іоаннъ попъ. Если онъ и былъ кто нибудь изъ нихъ двухъ, то непремѣнно одинъ только, и ни изъ чего не видно, кто именно, и кто потомъ подставилъ свое имя, когда переписывалъ лѣтопись. А какъ можно допустить, что одинъ изъ этихъ двухъ подставилъ свое имя, переписывая лѣтопись, такъ можно допустить, что и оба они подставили одинъ

за другимъ или даже независимо одинъ отъ другого имя свое вмѣсто имени лѣтописца, когда переписывали лѣтопись. И случиться это могло всегда—въ XIV вѣкѣ, такъ же какъ и въ XIII.

Отстраняя такимъ образомъ и попа Іоанна и пономаря Тимоѳея изъ числа несомнѣнныхъ лѣтописцевъ нашихъ, мы, впрочемъ, ничего не теряемъ. Лѣтописцевъ бывшихъ на земли Русской было, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ сколько есть именъ, несомнѣнно имъ принадлежавшихъ. Если возможно и должно видѣть во многихъ лѣтописныхъ замѣткахъ, не только XI вѣка, но и X-го, что онѣ занесены были въ лѣтопись скоро послѣ событій, и многія такъ, что въ нихъ отразилась личность лѣтописца; то возможно и должно думать, что эти лѣтописцы жили одинъ въ слѣдъ за другимъ или даже и въ одно время, одни въ X—XI вѣкѣ, другіе въ XII, XIII и т. д. Они записывали событія, не заботясь о сохраненіи своего имени, а теперь изъ того, что они написали, не возможно отгадать даже и того, сколько ихъ было, а тѣмъ менѣе, что̀ принадлежитъ каждому, или кто именно они были.

Событія записывались въ Новѣгородѣ скоро послѣ того какъ случились — не только въ XI, но даже и въ X-мъ вѣкѣ. Въ какомъ же видѣ записывались они въ лѣтопись въ первый разъ, и въ такомъ ли первоначальномъ видѣ замѣтки о нихъ удержались и въ тѣхъ спискахъ лѣтописей, которые дошли до насъ?

Разбирая первую половину этого вопроса, прежде всего вспомнимъ, что всѣ Русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописцевъ», «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п. изобличаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначаемо время каждаго событія, если бы лѣта, годы не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, съ VIII вѣка, въ монастыряхъ Романской и Германской

Европы—независимо отъ историческихъ образцевъ классической древности. Первоначальной основой этихъ анналовъ были пасхальныя таблицы, приготовленныя сначала аббатами Діонисіемъ и Феликсомъ и епископомъ Исидоромъ и переработанныя Бедой[1]). Перечень лѣтъ изъ года въ годъ въ этихъ таблицахъ давалъ легкую возможность охотникамъ дѣлать замѣтки о событіяхъ на поляхъ ихъ. Въ послѣдствіи стали отдѣлять историческія замѣтки отъ записокъ пасхальныхъ: ихъ переписывали въ особенныхъ тетрадяхъ, но держась прежняго строгаго порядка лѣтъ изъ года въ годъ. Гораздо позже стали заботиться о подробностяхъ описанія событій и позволили себѣ не заботиться о перечнѣ лѣтъ, опуская тѣ изъ нихъ, подъ которыми не было никакихъ замѣтокъ. Въ Monumenta Germaniae Historica Г. Перца любопытный читатель найдетъ полный сборникъ первоначальныхъ лѣтописей Франкскихъ и Германскихъ. Здѣсь для образца довольно привести нѣсколько строкъ. Вотъ начало Амандской лѣтописи (Annales s. Amandi):

— Anni incarnationis dominicae.
687. bellum Pippino in Testricio, ubi superavit Francos.
688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701.
702. obitus Hildeberti regis.
703. 704. 705. 706. 707.
708. quando Droco mortuus fuit in vernale tempore.
709. quando Pipinus perrexit in Suavis contra Vilario.
710. iterum Pipinus in Suavis contra Vilario.

Такъ написана вся лѣтопись Амандская, доведенная съ тремя продолженіями до 810; такъ написаны и всѣ другія древнія лѣтописи западной Европы[2]). Во многихъ удержана форма таблич-

1) Римскій аббатъ Dionisius Exiguus приготовилъ ихъ на годы 532—626; аббатъ Феликсъ и епископъ Исидоръ—на годы 627 — 721; Беда, переработавшій ихъ, довелъ впередъ до 1063 г. *Ideler*, Handbuch der Chronologie, II. стр. 285, 366, 368 и пр.

2) Древнѣйшая изъ нихъ, повторившаяся въ другихъ, продолжается до 770 года. Нельзя опустить изъ виду въ этомъ отношеніи и хронику Англосаксонскую, начинающуюся событіями V вѣка и начатую, вѣроятно, въ IX вѣкѣ. The Saxon Chronicle, ed. Rev. James Ingram. 1823.

ная; въ другихъ годы не описанные занесены въ строку, оставаясь какъ слѣдъ табличной формы[1]). Рано впрочемъ стали и пропускать годы, не отмѣченные событіями, хотя и сохраняя табличную форму[2]).

Что тому же порядку въ формѣ работы и въ ея видоизмѣненіяхъ слѣдовали и наши лѣтописцы, въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто всмотрится въ наши лѣтописи съ этой стороны. У насъ нѣтъ уже лѣтописей въ таблицахъ; но что первая форма ихъ была именно табличная, это свидѣтельствуютъ перечни лѣтъ, при которыхъ не отмѣчено никакихъ событій. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора:

— Въ лѣто 6360. индикта 15 (день). Наченьшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля (и пр.). Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6665. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде съ вои брегомъ и моремъ на Болгары (и пр.). Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья (и пр.). Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изъгнаша Варяги за море (и пр.).

Эта форма соблюдена вполнѣ во всей лѣтописи Нестора: послѣдній годъ, занесенный въ ней одной цифрой безъ событія, есть 6595 (1087). Въ Лаврентьевскомъ продолженіи Нестора господствуетъ та же форма, какъ видно изъ лѣтъ 6670, 6671, 6699, 6768, 6794, вставленныхъ безъ надобности. Она господ-

1) Это сдѣлано и въ спискахъ лѣтописи Амандской, и въ Annales Sangallenses, и въ другихъ.

2) Вотъ напр. лѣтопись Ильдефонса Аркскаго, которая вся помѣстилась на одиннадцати строкахъ:
814. imperator Carolus obiit.
816. Gozbertus abba efficitur.
830. initium basilicae sancti Galli.
874. Pernoldus prepositus factus est.
875. hl. (=Hludovicus) obiit.
876. Hludovicus rex Germaniae.
877. Carolus Suevis imperat.
880. Carolus Italiam subjugat.
888. Carolus piissimus imperator obiit.
958. Liutolfus Ottonis regis filius in Italia migravit. Ruodolfus et Engil obierunt.
961. Ratbertus prepositus efficitur.

ствуетъ и въ I-й Новгородской, такъ что даже и годы начала XIV вѣка, 6814 и 6815, отмѣчены безъ всякихъ данныхъ, а на первыхъ изъ ея листовъ, сохранившихся въ Синодальномъ спискѣ, занесены годы безъ событій цѣлыми рядами; напр.

— Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію, и заложена бысть св. Софія Кыевѣ. Въ лѣто 6526. Въ лѣто 6527. Въ лѣто 6528. Родися Володимиръ сынъ у Ярослава. Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава. Въ лѣто 6530. Въ лѣто 6531. Въ лѣто 6532. Въ лѣто 6533. Въ лѣто 6534. Въ лѣто 6535. Въ лѣто 6536...

Вообще отъ 6525 до года смерти Святополка-Михаила (6622) изъ общаго числа 97 лѣтъ описано въ этой лѣтописи 50 лѣтъ, слѣдовательно только половина.—Въ послѣдствіи времени неопущенье чиселъ годовыхъ безъ событій могло сдѣлаться и простымъ слѣдствіемъ обычая; но въ началѣ первою причиною ихъ занесенья не могло быть, кажется, ни что другое, кромѣ переписыванія ихъ изъ погодныхъ таблицъ.

Не всѣ лѣтописцы и у насъ, какъ на западѣ, слѣдовали обычаю занесенья этихъ пустыхъ годовъ; но и тѣ, которые не слѣдовали ему, нѐ хотя измѣняя себѣ, нечаянно высказывали тайну первоначальной табличной формы лѣтописи. Такъ въ Новгородской II-й видимъ на первыхъ же строкахъ пропуски огромные: въ ней отмѣчены только годы 6419, 6499, 6525, 6535—четыре изъ 125,—и однако 6535-й занесенъ напрасно, безъ всякой замѣтки, такъ же какъ и далѣе 6610-й. Пропуски годовъ поражаютъ наблюдателя и въ лѣтописи Псковской; однако и въ ней, какъ нечаянные остатки табличной формы, занесены безъ отмѣтокъ событій годы 6368, 6369.

Какъ бы, впрочемъ, ни было, Русскія лѣтописи никогда не утрачивали своего лѣтописнаго характера. Только вступленіе Нестора осталось безъ хронологической сѣти, а въ слѣдъ за нимъ и еще кое какія замѣтки позднихъ лѣтописцевъ, каково напр. вступленіе въ Софійскій временникъ, житія, повѣсти и т. п. вставки.

Многіе думаютъ, что лѣтописная сѣть въ первый разъ проведена Несторомъ. На эту мысль наводитъ общій перечень лѣтъ отъ перваго года царя Михаила до смерти князя Святополка-Михаила, помѣщенный послѣ вступленія въ лѣтопись: «Въ лѣто 6360 индикта 15 день. Наченьшю Михаилу царствовати нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишеться въ лѣтописаньи Гречьстѣмь: тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ» и пр. Утверждая, что съ помощью этого общаго перечня лѣтописецъ выставилъ послѣ годы въ самой лѣтописи, конечно, надобно согласиться съ тѣмъ, что Русскія лѣтописи до этого времени были безъ лѣтописной сѣти; но едва ли можно придавать такую важность перечню. Конечно, изъ перечня очевидно, что по мнѣнію составителя его можно было начать рядъ лѣтъ Русской лѣтописи съ 6360, какъ съ года нападенія Русскихъ на Цареградъ и вступленія царя Михаила на престолъ, что помощію 6360 года составитель его находилъ возможнымъ связать общую хронологію съ частной Русской; но и не болѣе. Ошибка въ годѣ начала царствованія Михаила ясно указываетъ, что у составителя перечня не было подъ рукою хорошаго Византійскаго хронографа, что напротивъ онъ сопоставилъ подъ одинъ годъ два разные факта (о Михаилѣ и о Руси) изъ двухъ разныхъ источниковъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ невѣренъ. Сравненіе начала перечня съ началомъ лѣтописи указываетъ, что выборъ 6360 года былъ задуманъ независимо отъ содержанія лѣтописи; потому что въ лѣтописи первые Русскіе факты, которые не могли быть заняты отъ Византійцевъ, относятся не къ 6360, а къ 6367, 6370 и 6387, а первые Византійскіе къ 6366 и 6374. Сравненіе же всего перечня съ лѣтописной сѣтью лѣтописи доказываетъ, что въ перечнѣ расчетъ лѣтъ не тотъ, что въ лѣтописи, такъ что слѣдовательно лѣтописная сѣть лѣтописи составлена не по перечню. По перечню и по лѣтописи одинаково выходитъ, что Ярополкъ началъ княжить по смерти Святослава въ 6481 (по перечню: $6360+29+31+33+28=6481$); по

перечню и по лѣтописи спустя 8 лѣтъ умеръ Ярополкъ и вступилъ Владимиръ — въ 6488. Но этимъ и оканчивается сходство перечня и лѣтописи. По перечню, Владимиръ княжилъ 37 лѣтъ, слѣд. скончался въ 6525; по лѣтописи онъ княжилъ въ 6488 — 6523, слѣд. не 37, а 35 или 36 лѣтъ. Далѣе: по перечню Ярославъ княжилъ 40 лѣтъ, и слѣд. умеръ не ранѣе 6565 — 6566; въ лѣтописи его смерть и погребеніе записаны подъ 6562 годомъ. Можно подумать, что все отличіе перечня заключается въ опредѣленіи числа лѣтъ княженія Владимира (на время Ярослава съ 6523 до 6562 можно было отсчитать только 40 лѣтъ); но въ перечнѣ же замѣчено, что смерть Ярослава случилась послѣ смерти Святослава (6481) спустя 85 лѣтъ, слѣд. въ 6565—6566, а не въ 6562. Если же допустить, что и составитель перечня считалъ годомъ смерти Ярослава 6562 (какъ видно изъ того, что и онъ, сходно съ лѣтописью, отсчитывалъ отъ смерти Ярослава до смерти Святополка—въ 6622—60 лѣтъ); то явится невѣрность его самому себѣ въ опредѣленіи года смерти Святослава: 6562 безъ 85 будетъ 6477, а между тѣмъ онъ самъ, какъ мы видѣли, приписываетъ время вступленія Ярослава къ 6481 году.

Невѣрность перечня самому себѣ, при несходствѣ съ лѣтописью, позволяетъ заключать, что не только перечень и сѣть лѣтописи составлялись до нѣкоторой степени независимо разными людьми, но что и въ составленіи самаго перечня видно участіе по крайней мѣрѣ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно составило середину, а другое начало и конецъ; а вѣрность лѣтописи себѣ самой, при ея сходствѣ съ другими показаніями, заставляетъ думать, что перечень есть позднѣйшая вставка, что сѣть лѣтописная въ лѣтописи была и до составленія перечня, хотя, вѣроятно, начиналась и не съ 6360 года[1]).

1) Сравни подобные перечни въ западныхъ лѣтописяхъ, напр. въ Франкскихъ (Reges Merovingorum et Francorum. Bouquet, III. 696. Pertz. II. 307—308). По формѣ и по желанію соединить общую хронологію съ частной они очень похожи на нашъ; напр. Ab initio mundi usque ad Heraglio imperio... et Dagoberto sunt... anni 5813... De Dagoberto usque ad Pipino sunt anni 158. Tutti

Да и какъ возможно было обходиться безъ нея до начала XII вѣка, когда до этого времени въ лѣтописяхъ нашихъ годами обозначены происшествія съ 860-хъ годовъ, слѣд. на протяженіи двухъ столѣтій съ половиною! Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени народная память не могла. Лѣтописная сѣть была, и тотъ же перечень, который мы разсматривали, позволяетъ заключать, что она въ первый разъ доведена была только до смерти Святослава (6481). Обозначивши годы по княженіямъ до Изяслава, перечень заключаетъ: «тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Если бы въ отношеніи къ лѣтописной сѣти годъ смерти Святослава, равно какъ и годы смерти Ярослава и Святополка-Михаила, ничего не значили, то въ перечнѣ не для чего было бы прибавлять общаго заключенія и именно въ такомъ видѣ, а не въ другомъ. Мнѣ кажется, что это заключеніе перечня представлено въ такомъ видѣ именно потому, что въ такомъ видѣ представлялись составителю заключенія три куска лѣтописной сѣти. Въ составленіи послѣдняго изъ нихъ нельзя отвергать участія того лѣтописца (Нестора или же Сильвестра), который могъ желать довести свою лѣтопись до 6622[1]). Все это не опровергаетъ того, что при самомъ началѣ составленія лѣтописной сѣти былъ взятъ для основы перечень лѣтъ отъ сотворенія міра, и взятъ былъ онъ, вѣроятно, не изъ хронографовъ, а изъ пасхальныхъ таблицъ, какъ и въ западной Европѣ.

Нѣтъ, впрочемъ, возможности опровергнуть и того, что пер-

---

in semul sunt anni 5958. Они сходны съ нашимъ и по ошибкамъ. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ западныхъ такихъ перечней нѣтъ.

1) Извѣстно, что въ Лавр. спискѣ за описаніемъ 6618 года слѣдуетъ приписка: «Игуменъ Селивестръ св. Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при (великомъ) князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю (=игуменомъ бывшю) у св. Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ (=молитва ихъ)». Былъ ли игуменъ Сильвестръ простымъ переписчикомъ или же составителемъ лѣтописи, продолжателемъ Нестора? Разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь было бы неумѣстно.

вохначальная сѣть могла быть ведена по князьямъ и по епископамъ: на это намекаетъ и перечень, намекаетъ и постоянное упоминаніе о кончинѣ и вступленіи князей и епископовъ.

Приписываніе замѣтокъ о событіяхъ сначала къ пасхальнымъ таблицамъ, а потомъ на отдѣльныхъ перечняхъ лѣтъ, могло начаться независимо въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, такъ же точно, какъ и послѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ могло производиться соединеніе этихъ замѣтокъ въ общіе своды. Слѣдствіемъ этой обработки и переработки лѣтописныхъ замѣтокъ было образованіе разныхъ лѣтописей, вообще сходныхъ по формѣ и по лѣтописной сѣти, и вмѣстѣ однако различныхъ какъ въ означеніи событій годами, такъ и въ выборѣ и въ описаніи событій. Въ такомъ переработанномъ видѣ дошли наши древнія лѣтописи въ древнѣйшихъ изъ сохранившихся списковъ. Отсюда разница между показаніями лѣтописей, составленныхъ въ разныхъ мѣстахъ, и столь же естественная разница въ составѣ лѣтописей, писанныхъ въ одномъ и томъ же Новгородѣ. Объ отличіяхъ лѣтописи Нестора въ сравненіи съ лѣтописями Новгородскими было уже замѣчено выше. Отличія каждой изъ Новгородскихъ лѣтописей и черты ихъ взаимнаго сходства отмѣчены въ ихъ изданіи въ Полномъ собраніи лѣтописей. Особенно поразительны эти черты въ Новгородской I-й и II-й, изъ которыхъ каждая ведена, какъ было сказано, по особенной системѣ, и при дословномъ сходствѣ нѣкоторыхъ мѣстъ заключаетъ въ себѣ важныя особенности не только въ подробностяхъ, но и въ главныхъ чертахъ. Что въ Новгородской I-й есть многое, чего недостаетъ въ Новгородской II-й, это явно уже изъ того, что въ первой изъ 97 лѣтъ, отъ 6525 до 6622, отмѣчено событіями 50 лѣтъ, а во второй только 22 года; а что въ Новгородской II-й есть многое, чего не достаетъ въ Новгородской I-й, для доказательства этого приведемъ изъ части этого же пространства времени выписки о тѣхъ событіяхъ, которыя опущены въ Новгородской I-й, помѣщая тутъ же въ скобкахъ замѣтки Новгородской I-й, не находящіяся во II-й.

— 6525 (Ярославъ иде къ Берестію). Заложи Ярославъ градъ великій Кіевъ и Златыя врата постави...

— 6538. Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше.

— 6560. Преставися Володимиръ, сынъ Ярославль въ Новѣгородѣ мѣсяца октября въ 4 — и положенъ бысть во святѣи Софіи, юже бѣ самъ создалъ.

— 6563. Клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новагорода и иде къ Кіеву; и осуди митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта. Поча княжити въ Кіеви Изяславъ Ярославичь. При семъ же Өеодосій игуменъ Печерскій бысть.

— 6566. Архіепископъ Лука пріа столъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть; Дудици же холопу оскомины бѣша и пр.

— 6577. Поставленъ бысть Новугороду еп. Өеодоръ (о битвахъ Всеслава).

— 6586. Поставленъ бысть Новугороду еп. Германъ (о борьбѣ Олега съ Всеволодомъ и битвѣ Черниговской).

— 6601. Преставися Всеволодъ апрѣля 13, княживъ въ Кіевѣ 15 лѣтъ; и положенъ бысть въ св. Софіи (о побѣдѣ Половцевъ на Трьполи).

— 6604. Поставленъ бысть еп. Никита Новугороду.

— 6608. Знаменіе бысть на небеси мѣсяца генваря въ 29, по 3 дни и пр.

Такую же разницу замѣчаемъ между Новгородской I-й и тѣми, которыя составлены при помощи ея или той, которою пользовался ея составитель: такова напр. Лѣтопись 1444 года (Румянц. муз. № 248), гдѣ, при дословномъ повтореніи многихъ мѣстъ Новгородской I-й, есть повторенія и изъ Софійской и т. п. (Срав. Опис. Рум. муз., стр. 340 и слѣд.).

Разница, хотя и не столь значительная, есть и между списками одной и той же лѣтописи: такъ напр. между списками Новгородской I-й Синодальнымъ и Академическимъ, какъ пока-

зано уже было отчасти г. Прозоровскимъ (Ж. мин. н. пр. LXXV. II. стр. 4—5).

Имѣя въ виду такое различіе лѣтописей Новгородскихъ и вмѣстѣ ихъ одинаковость въ дословномъ или почти дословномъ повтореніи сказаній, нельзя не заключить, что мы имѣемъ теперь только переработанные своды лѣтописей болѣе древнихъ. Въ томъ же убѣждаютъ и ошибки противъ правды тамъ, гдѣ бы онѣ не могли быть, если бы замѣтки о событіяхъ не были хоть иногда передѣлываемы позднѣйшими лѣтописцами или переписчиками. Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ ошибокъ, отмѣченныхъ Я. И. Бередниковымъ.

— 6646 — 1138. Вънидe князь Ярославъ сынъ Гюргевъ изъ Суждаля Новугороду на столъ (Новг. I). Подъ слѣдующимъ 6647-мъ годомъ уже не Ярославъ, а Ростиславъ «бѣжа Смольньску къ отцю изъ Новагорода..., сѣдѣвъ въ Новѣгородѣ 1 лѣто и 4 мѣсяцѣ». Въ это время княземъ Новгородскимъ дѣйствительно былъ Ростиславъ, а не Ярославъ.

— 6684 — 1176. Пояша Новгородьци у Всеволода сынъ собѣ Ярославъ.—Ярославъ былъ не сынъ Всеволода, а сыновецъ, сынъ Всеволодова брата Мстислава.

— 6701 — 1193. Преставися Гаврила архепископъ..., и положенъ бысть въ притворѣ св. Софія посторонь брата, нареченаго въ чьрнецьствѣ Григоріи (= Григоріа).—Не братъ Гавріила Илія (=Іоаннъ), а самъ онъ нареченъ былъ въ чернечествѣ Григорій.

Здѣсь кстати замѣтить, какъ два участника въ написаніи лѣтописи этихъ лѣтъ, два разные срока ея написанія выразились въ описаніи 6700 года: «Въ то же лѣто постави цьрковь въ низу на Хутинѣ Варламъ цьрньць... и святи ю владыка арх. Гаврила... Въ то же лѣто конціяша цьрковь св. Апостолъ на Силиници и святи ю арх. Григоріи». Назвать одно и то же лице Гавриломъ и Григоріемъ въ одно и то же время одному и тому же лѣтописцу было невозможно: одинъ записалъ первый фактъ, вѣроятно, еще тогда, когда арх. Гавріилъ не былъ извѣстенъ

подъ именемъ Григорія; другой записалъ второй фактъ уже тогда, когда считалось приличнѣе поминать его подъ именемъ Григорія.

Подобныхъ мѣстъ, въ которыхъ съ замѣчаніемъ одного лѣтописца соединялось замѣчаніе другого, довольно много. И они также доказываютъ, что лѣтописи были передѣлываемы. Вообще можно считать несомнѣннымъ, что лѣтописцы, у которыхъ бывало подъ руками нѣсколько разныхъ лѣтописей, при составленіи своей собственной, брали въ нее все, что имъ нравилось, изъ другихъ, иногда слово въ слово, иногда измѣняя посредствомъ разныхъ дополненій и сокращеній. Отдѣлить теперь всѣ составныя части каждой изъ лѣтописей, до насъ дошедшихъ, говоря вообще, есть дѣло невозможное: оно можетъ увѣнчаться успѣхомъ только въ частностяхъ. Конечно, новыя открытія могутъ изъ невозможнаго сдѣлать возможное; но, пока новыхъ открытій не предвидится, позволительно, мнѣ кажется, отказываться отъ возможности полнаго возстановленія лѣтописей, служившихъ источникомъ для тѣхъ, которыя сохранились теперь.

Нельзя тутъ не вспомнить объ одной особенности лѣтописцевъ Новгородскихъ. Хотя они и свободно пользовались трудами своихъ предшественниковъ, но строже держались древняго состава лѣтописи, чѣмъ лѣтописцы южные, по крайней мѣрѣ до XV вѣка. Въ ихъ лѣтописяхъ находимъ сухой оффиціальный разсказъ о событіяхъ, только иногда случайно оживляемый или вставкой сказанія современника, или пересказомъ преданія, или наконецъ минутнымъ порывомъ чувства самого лѣтописца; напротивъ того, въ лѣтописяхъ южныхъ встрѣчаемъ многочисленныя выписки всякаго рода — изъ книгъ церковныхъ, изъ переводовъ отцевъ церкви, изъ житій святыхъ, изъ Греческихъ хронографовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ размышленія, нравоученія, молитвы и т. д. Только съ XV вѣка начинается и въ Новгородѣ этотъ обычай оцвѣчать лѣтопись искрами ума, чувства и знанія. Очевидно, что лѣтописецъ, не настроенный слогомъ книгъ, могъ легче соблюдать въ своемъ изложеніи простоту разсказа, не уда-

ляясь отъ простого разговорнаго языка общества. Конечно, вслѣдствіе навыка описывать событія, должны были образоваться особенныя условія лѣтописнаго слога; но эти условія не могли мѣшать свободѣ употребленія формъ народнаго языка, а только сдерживали его въ опредѣленныхъ границахъ. Тѣмъ не менѣе и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, въ томъ видѣ какъ онѣ извѣстны, какъ въ сводахъ разнаго времени, въ которые заносились замѣтки изъ другихъ и дословно и съ перемѣнами въ изложеніи, нельзя не обращать вниманія на разнообразіе языка. Это разнообразіе можетъ, до нѣкоторой степени, съ своей стороны служить доказательствомъ положенія, здѣсь разсматриваемаго,—разнообразія составныхъ частей лѣтописей.

ЧТЕНІЯ

О ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

(1862).

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Были-ли на Руси лѣтописи въ X вѣкѣ?

Со времени крещенія Владимира святого и его Руси, южной и сѣверной, слово Русское, оживляемое духомъ христіанства, стало все болѣе обогащаться дарами просвѣщенія. Книги Слова Божія и творенія отцевъ церкви, изліянія убѣжденій нашихъ домашнихъ наставниковъ, духовныя пѣсни, церковныя правила и сказанія, жизнеописанія, повѣсти о дѣлахъ минувшихъ — давали уму и чувству Русскаго читателя пищу обильную и разнообразную. Такъ было съ XI вѣка. А до этого времени — ужели не было ничего? И до 988 года были на Руси христіане—даже, вѣроятно, въ большемъ числѣ, чѣмъ можетъ инымъ казаться; были христіане и при княгинѣ Ольгѣ, и при Оскольдѣ и Дирѣ, и даже ранѣе. Были слѣдовательно и книги. Эти книги были не только списки трудовъ первоучителей Славянскихъ Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ, приносимыя намъ отъ Славянъ югозападныхъ изъ-за Дуная, но и домашнія Русскія, какъ свидѣтельствуетъ сохраненное преданіемъ сказаніе самого Константина философа, видѣвшаго въ Херсонѣ Русскій переводъ Евангелія и Псалтыри еще въ то время, когда самъ онъ не начиналъ своего подвига просвѣщенія Славянъ. Были свои домашнія религіозныя книги, о которыхъ осталось только темное воспоминаніе. Ужели не осталось ничего кромѣ воспоминанія? Въ лѣтописяхъ сохранились четыре договора съ Греками, и первый изъ нихъ

относится къ одному изъ первыхъ лѣтъ X-го вѣка. Эти договоры драгоцѣнны по даннымъ, изображающимъ бытъ Русскаго народа во время Олега, Игоря и Святослава, какъ могли его выразить Греки, ихъ составлявшіе, и какъ могли допустить Русскіе, для которыхъ ихъ составляли и потомъ переводили. Но это не подлинники, а переводы съ Греческаго, переводы не свободные, выразившіе случайно только то, что было Грекамъ нужно, и такъ, какъ было нужно. Ужели не сохранилось ничего болѣе? Ужели же отъ нашей древности до Владимировской не осталось ничего болѣе? Между памятниками древности бываютъ сложные, памятники двухъ-трехъ различныхъ вѣковъ разомъ — въ родѣ палимпсестовъ, на которыхъ сквозь начерченныя вновь, хотя и древнія письмена, виднѣются другія вытертыя, еще болѣе древнія. Нѣтъ ли и у насъ хоть такого остатка отъ первоначальныхъ вѣковъ нашей Русской жизни, Русскаго труда, Русской образованности — образованности, конечно, не въ томъ значеніи, которое связывается съ понятіемъ о ней при мысли о времени нашемъ, а въ томъ общемъ, которое не чуждо ни одному образующемуся народу во всѣ вѣка его жизни?

Не знаю, былъ ли предлагаемъ такой вопросъ; но данныя для отвѣта виднѣлись не одному изъ нашихъ изслѣдователей. Вспоминая здѣсь о замѣчаніяхъ, высказанныхъ въ этомъ отношеніи сочленами нашими[1]), я позволяю себѣ отвѣчать на предложенный вопросъ положительно — съ обозначеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя мнѣ представились вслѣдствіе личнаго изученія того, что мнѣ казалось для этого нужнымъ. Отвѣтъ на вопросъ находится въ нашихъ лѣтописяхъ. Наши древнія лѣтописи древни, но составлены изъ частей еще болѣе древнихъ, — и нѣкоторыя изъ этихъ частей принадлежатъ до-Владимировскому времени. — Представляя соображенія о томъ, въ какое время начаты были наши лѣтописи, присоединяю къ нимъ и по-

1) Кому неизвѣстны заслуги, оказанныя въ отношеніи къ разъясненію древностей Русскихъ П. Г. Бутковымъ, М. П. Погодинымъ и Я. И. Бередниковымъ.

сильный отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ видѣ онѣ были первоначально составляемы, и гдѣ и кѣмъ были писаны [1]).

I. Древнѣйшая изъ нашихъ лѣтописныхъ книгъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» оканчивается 1110-мъ годомъ; а между тѣмъ въ ней есть воспоминанія о событіяхъ не только VII—VIII вѣка, но и болѣе раннихъ, и рядъ годовыхъ чиселъ начинается въ ней съ 6360 = 852 года. Исключивъ изъ числа лѣтописныхъ сказаній, въ нее вошедшихъ, всѣ тѣ, которыя могли быть заимствованы изъ Византійскихъ или Болгарскихъ источниковъ, все еще останется довольно значительное число событій, о которыхъ лѣтописецъ могъ узнать только изъ источниковъ домашнихъ. Рядъ этихъ событій, отмѣченныхъ годами, начинается въ Повѣсти врем. лѣтъ 6367-мъ (859) годомъ: «Имаху дань Варязи, приходяще изъ заморья». Съ 860-хъ до 1110-хъ годовъ прошло два вѣка съ половиной. Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени память народная не могла. Не могъ слѣдовательно и лѣтописецъ XII вѣка первый примѣнить повременность лѣтъ къ повременности событій. У него подъ руками были слѣдовательно лѣтописныя замѣтки, хотя бы и безжизненныя по изложенію, безсвязныя по взаимному соотношенію, въ томъ же родѣ какъ замѣтки древнихъ анналистовъ западной Европы, но замѣтки погодныя, сдѣланныя еще тогда, когда можно было замѣтить вѣрно, когда именно случилось какое происшествіе.

Пользуясь такими замѣтками и находя иногда между ними противорѣчія, сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ старался добраться истины, предпочетши одно сказаніе другому, не считалъ безполезнымъ даже оспорить то, что казалось ему неправдой. Такъ, говоря объ основаніи Кіева, онъ замѣтилъ, что «ини же не свѣдуще рекоша, яко Кии есть перевозникъ былъ:... аще бо бы

1) Кое-что объ этомъ было уже мною высказано въ статьѣ о новыхъ изслѣдованіяхъ касательно лѣтописей Новгородскихъ. Не повторяя всего, вношу сюда только то, что мнѣ кажется нужнымъ для нѣкоторой полноты очерка. Вмѣстѣ съ этимъ не могу умолчать, что нѣкоторыя изъ соображеній, здѣсь мною доказываемыхъ, были уже высказаны М. П. Погодинымъ.

перевозникъ Кии, то не бы ходилъ Царюгороду». Такъ, говоря о крещеніи Владиміра въ Корсуни, онъ замѣтилъ, что «се же несвѣдуще право глаголють, яко крестилься есть въ Кіевѣ, и ини же рѣша — Василиви, друзии же инако скажють». Нужда оспаривать описанія событій указываетъ на нѣсколько періодовъ составленія лѣтописей до начала XII вѣка, указываетъ на то, что лѣтописцы поздніе вставляли замѣтки о важнѣйшихъ событіяхъ по слухамъ, безъ помощи лѣтописей древнихъ, гдѣ могли найти сказанія болѣе достовѣрныя, а слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что были лѣтописи очень древнія, очень близкія по времени событій, которыхъ сказанія можно было считать достовѣрными. Нельзя забыть еще, что сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, пользуясь прежними лѣтописными замѣтками, не имѣлъ ихъ всѣхъ подъ рукою, или по крайней мѣрѣ не пожелалъ воспользоваться всѣми безъ исключенія: теперь эти пропуски надо дополнять изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, составленныхъ или независимо отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, каковы напр. Новгородскіе, или по Повѣсти временныхъ лѣтъ, но позже, каковы Софійскіе, Псковскіе и т. д.

Черезъ сто лѣтъ съ небольшимъ послѣ крещенія Владиміра уже различно говорили, гдѣ онъ крестился; слѣдовательно въ продолженіи ста лѣтъ съ небольшимъ не выдержало себя народное преданіе вѣрно — въ отношеніи къ одному изъ самыхъ важнѣйшихъ событій того времени. Можно ли послѣ этого думать, что оно бы выдержало вѣрно годы событій не ста, а 250 лѣтъ? Но пусть бы выдержало оно и сто лѣтъ; то все же 860-е годы должны были быть отмѣчены не позже 960-хъ, 900-е не позже 1000-хъ, и т. п., — и все-таки, разумѣется, годы только самыхъ важнѣйшихъ событій, а не всѣхъ безъ исключенія. Допустимъ еще, что нѣкоторые другіе годы были указаны по соображенію съ извѣстными годами главнѣйшихъ событій; но за исключеніемъ и этихъ годовъ, остается еще довольно много такихъ, которые никакъ не могутъ оставаться въ памяти по самому значенію происшествій, какъ напр. 864-й годъ, когда воз-

мутились было Новгородцы противъ Варяговъ, — 867-й годъ, когда нѣкоторые изъ Новгородцевъ бѣжали въ Кіевъ, гдѣ между тѣмъ былъ голодъ, — 903-й годъ, какъ годъ женидьбы Игоря на Ольгѣ, — 942 годъ, какъ годъ рожденія Святослава, и т. д. Если все это такъ, то смѣло можно сказать, что лѣтописныя замѣтки были на Руси уже въ началѣ X вѣка и съ тѣхъ поръ были продолжаемы.

Подтвержденіе такого заключенія находимъ въ самыхъ описаніяхъ событій этого отдаленнаго времени. Конечно, многія подробности могли быть долгое время не заносимы въ краткія лѣтописи и удерживаться въ памяти устнымъ преданіемъ, естественно облекаясь при пересказѣ въ формы эпопей: такихъ пересказовъ есть нѣсколько въ лѣтописяхъ нашихъ изъ временъ Олега, Игоря, Ольги, Святослава... Многія другія подробности, оставаясь безъ этого пересозданія, должны были бы погибнуть изъ памяти, и если не погибли и занесены въ лѣтопись, то занесены въ свое время. Чѣмъ онѣ отрывочнѣе и — если можно такъ выразиться—временнѣе, тѣмъ скорѣе гибнутъ, или скорѣе заносятся въ лѣтопись. Есть нѣсколько такихъ и между подробностями нашихъ лѣтописей. Обозначу нѣкоторыя.

— «Въ лѣто 6367 (859) Козари имаху на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху *по бѣлѣ и вѣверицѣ* отъ дыма».

— «Въ лѣто 6390 (882).... Олегъ.... устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода *гривенъ* 300 *на лѣто*, мира дѣля — *еже и нынѣ даютъ*». Это *нынѣ* продолжалось, какъ объяснено въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, до смерти Ярослава.

— «Въ лѣто 6391 (883) поча Олегъ воевати на Деревляны и примучивъ а, и имаше на нихъ дань по *чернѣ кунѣ*».

— «Въ лѣто 6392 (884) иде Олегъ на Сѣверяне... и възложи на нь *дань легку*, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити».

— «Въ лѣто 6393 (885) посла (Олегъ) къ Радимичемъ, рька: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не даите Козаромъ, но мнѣ даите. И вѣдаша Ольгови *по щьлягу, яко же Козаромъ даяху*».

— «Въ лѣто 6419 (911) явися звѣзда велика на западѣ *копейнымъ образомъ*». (Сравн. Annal. Alaman. Colon. Besun. Corbej. Mellic. у Перца въ Scriptores r. G., I, 55, 98; II, 249; III, 4; IX, 496, и пр.).

— «Въ лѣто 6422 (914) иде Игорь на Деревляны и побѣдивъ а, и возложи на нь дань *больши Олговы*». Въ то время, когда записывали объ Игоревомъ походѣ на Древлянъ, памятенъ былъ походъ Олеговъ 6391 (883) года и еще умѣли сравнивать ихъ послѣдствія, слѣдовательно эти событія не были еще затуманены въ памяти другими событіями, болѣе важными; а съ Древлянами князья Кіевскіе воевали часто.

— «Въ лѣто 6423 (915) приидоша Печенѣзи *первое* на Рускую землю». Не странно ли, что спустя 53 года послѣ этого, подъ 6476 (968), опять записано: «придоша Печенѣзи на Руску землю *первое*». Считать это повтореніе нельзя простою опискою. Позволительнѣе думать, что въ 915 году Печенѣги пришли въ первый разъ со времени начала княженія Игоря, а въ 968 тоже въ первый разъ со времени начала княженія Святослава. Эти воспоминанія о первыхъ появленіяхъ Печенѣговъ въ области Русской, не затемненныя воспоминаніями объ ихъ послѣдовавшихъ набѣгахъ, мнѣ кажется, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ давно занесены онѣ въ рядъ замѣтокъ лѣтописныхъ.

— «Въ лѣто 6453 (945)... Деревляне убиша Игоря». Во время смерти Игоря при юномъ Святославѣ воеводою былъ Свѣнельдъ (= Свѣналдъ = Свѣнгелдъ = Свинделдъ = Свиндѣлъ = Свѣнтелъ и т. п.), «*то же отець Мистишинъ* (= Мьстишинъ)». Имя Свѣнельда не разъ упомянуто въ лѣтописи и прежде и послѣ этого намека, на протяженіи слишкомъ 60-ти лѣтъ (съ 914 до 977 года), какъ имя воеводы княжескихъ войскъ. Одинъ ли и тотъ же витязь является тутъ подъ этимъ именемъ или разные, все равно; но замѣтка о Свѣнельдѣ, какъ объ отцѣ Мистиши въ 945-мъ году, указываетъ на то, что въ то время, когда эта замѣтка сдѣлана, былъ на виду и другой Свѣнельдъ, если не два или три, и что его надобно было отличить именемъ сына. Сынъ

Свѣнельда Мистиша (если только подъ его именемъ не скрывается Лютъ Свѣнельдичь, убитый Олегомъ Древлянскимъ на охотѣ въ 975 году) ни разу болѣе не вспоминается, ни по чему другому не нашелъ себѣ права на память лѣтописца; онъ былъ слѣдовательно важенъ для лѣтописца только какъ современникъ, и могъ быть замѣченъ только современникомъ — слѣдовательно еще въ X вѣкѣ.

— «Въ лѣто 6454 (946) възложи (Ольга) на ня (на Древлянъ) дань тяжьку: *2 части дани* идета Киеву, а *третьяя* Вышегороду къ Ользѣ». Слѣдующее за тѣмъ выраженіе «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» прибавлено, безъ сомнѣнія, позже.

— «Въ лѣто 6455 (947) иде Вольга Новугороду и устави по *Мьсть* повосты (= погосты) и дани, и по *Лузь* оброки и дани». Послѣдующимъ лѣтописцемъ прибавлены объясненія: «и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе».

— Въ лѣто 6472 (964)....(Святославъ) иде на Оку рѣку и на Волгу, и палѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ *по щьлягу отъ рала даемъ*».

— Въ 6477 (969) «умре Ольга *іюля въ 11-й день*». До сихъ поръ мы празднуемъ этотъ день....

— Въ 6479 (971) «приде Святославъ (изъ Болгаріи Дунайской) къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ, и възвратися въспять до устья Днѣпрьского, и ста зимовати въ лузѣ моря и на Бѣлѣ берегу (= въ Бѣлобережьи), бѣ бо зима приспѣ, и не бѣ у нихъ брашьна уже, и бѣ гладъ великъ, *яко по полугривнѣ глава коняча*». Послѣднее замѣчаніе обличаетъ современника, спутника Святослава, одного изъ тѣхъ немногихъ, которые успѣли избѣгнуть смерти или плѣна Печенѣжскаго вмѣстѣ съ воеводою Свѣнельдомъ, или послѣ освободившагося изъ плѣна.

Можемъ заключить, что лѣтописныя замѣтки велись уже во время Игоря и Святослава или, по крайней мѣрѣ, ихъ современниками.

Какими же годами оканчивались эти перволистки нашей лѣ-

тописной литературы? Мнѣ кажется, есть возможность отвѣчать и на этотъ вопросъ. Отвѣтъ находимъ между прочимъ въ перечнѣ лѣтъ по княженіямъ, находящемся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Этотъ перечень оканчивается сводомъ лѣтъ: «Отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи 60». Тутъ счетъ Русскихъ лѣтописныхъ лѣтъ раздѣленъ на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава, 3) до смерти Святополка. Для чего нужно было это дѣленіе? Само по себѣ, конечно, ни для чего, потому что и безъ него числа, какъ очевидно, были извѣстны. Оно, слѣдовательно, прибавлено случайно, независимо отъ воли лѣтописца,—только по отношенію лѣтописца къ тѣмъ лѣтописямъ, изъ которыхъ бралъ онъ матеріалъ. Годомъ смерти Святополка думалъ заключить свою лѣтопись тотъ лѣтописецъ, который пережилъ Святополка (1114 г.); годомъ смерти Ярослава оканчивался трудъ одного изъ его предшественниковъ [1]); годомъ смерти Святослава оканчивалась хоть одна изъ лѣтописей прежде, чѣмъ продолжена была далѣе. Такимъ образомъ одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе какъ до 972 года. Но и эта была не первая, не самая древняя, какъ видно изъ вышепредставленныхъ данныхъ, изъ современности лѣтописныхъ замѣтокъ годамъ, подъ которыми они записаны, и подробностямъ событій, отмѣченныхъ подъ этими годами. То же видно и изъ сопоставленія событій не Русскихъ съ Русскими. Въ Повѣсти врем. лѣтъ находимъ цѣлый рядъ событій, относящихся исключительно къ судьбамъ Византіи и Болгаріи. Рядъ такихъ событій начинается началомъ царствованія императора Михаила (6360=852) и оканчивается набѣгомъ Угровъ на Царьградъ (6451=943). Нѣкоторыя изъ этихъ событій стоятъ въ лѣтописи совершенно отдѣльно отъ событій Русскихъ; напр.: «Въ лѣто 6366 Михаилъ царь изиде съ вои... на Болгары....», «Въ лѣто 6376 поча царствовати Василии». Нѣкоторыя другія стоятъ

1) Вспомнимъ вышеуказанную замѣтку подъ 6390 годомъ, когда уставлено давать Варягамъ дань по 300 гривенъ, еже *и нынѣ даютъ;* нынѣ = до смерти Ярослава.

въ лѣтописи на первомъ мѣстѣ, а событія Русскія за ними, или напротивъ; напр. «Въ лѣто 6421 поча княжити Игорь по Ользѣ. Въ се же время поча царствовати Костянтинъ.... И Деревлянѣ заратишася отъ Игоря по Олговѣ смѣрти. Въ лѣто 6422 иде Игорь на Древляны.... Въ то же лѣто приде Симеонъ Болгарьскыи на Царьградъ». Такого соединенія событій Русскихъ съ не Русскими въ лѣтописи первоначальной быть не могло: оно было слѣдствіемъ предварительнаго существованія лѣтописи чисто Русской, къ которой бы послѣ могли быть прибавлены замѣтки не Русскія, или изъ которой взяты замѣтки Русскія для дополненія лѣтописи не Русской. Самый поверхностный взглядъ на содержаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ достаточенъ для того, чтобы рѣшить, что не Русскими событіями умножена лѣтопись Византійско-Болгарская, а напротивъ лѣтопись Русская—событіями Византіи и Болгаріи. Отъ чего же эти добавки Византійскія и Болгарскія прекращаются на 943 годѣ (далѣе слѣдуютъ только такія сказанія о дѣлахъ Византійскихъ, которыми поясняются сказанія о Русскихъ дѣлахъ)? Отъ того, сказать можно, что до этого года продолжалась та Византійско-Болгарская лѣтопись, которою пользовался Русскій лѣтописецъ. Но какой же Русскій лѣтописецъ могъ пользоваться Византійско-Болгарскою лѣтописью, оканчивающеюся на половинѣ X вѣка? Какой Русскій лѣтописецъ времени напр. Владимира святого или Ярослава и т. д., дополняя свою лѣтопись событіями Византіи и Болгаріи до половины X вѣка, былъ бы принужденъ на этихъ годахъ разомъ прекратить этого рода дополненія, и отъ чего? Отъ чего никто изъ лѣтописцевъ Русскихъ древнихъ не продолжалъ этого способа обогащать лѣтопись любопытными данными? Отъ того, что не считалъ нужнымъ. Слѣдовательно прежде это могло считаться нужнымъ? Когда же прежде, какъ не тогда, когда старая Русская лѣтопись могла быть доведена только до половины X вѣка, не позже времени Святослава?

II. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ кажется несомнѣннымъ, что первые образцы лѣтописей, въ подраженіе которымъ стали

у насъ составлять Русскія лѣтописи, явились къ намъ изъ Греціи, что древнѣйшія изъ нашихъ лѣтописей были сколки съ лѣтописей Византійскихъ. Многія обстоятельства подтверждаютъ это мнѣніе, по видимому, неопровержимо. Да и можно ли отказаться отъ убѣжденія, что съ принятіемъ всѣхъ началъ христіанской образованности отъ Грековъ наши предки у Грековъ должны были искать и образцовъ для произведеній искусства и науки, должны были искать, и дѣйствительно искали и находили? Впрочемъ, нисколько не ослабляя въ себѣ этого убѣжденія, достойнаго полной довѣренности и непоколебимаго никакимъ сомнѣніемъ, можно вмѣстѣ съ нимъ неразрывно допустить и другое убѣжденіе, не менѣе справедливое и оправдываемое здравымъ смысломъ, что и Русскіе, подобно всѣмъ другимъ народамъ, хоть сколько-нибудь должны были чувствовать потребности духовныя и удовлетворять имъ сами по себѣ, независимо отъ помощи болѣе образованныхъ сосѣдей. Въ числѣ этихъ потребностей одна изъ самыхъ главныхъ есть память прошлаго и стремленіе увѣковѣчить эту память преданіемъ и письмомъ (принимаю это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ). Помнить достойныя памяти событія, передавать разсказъ о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, утверждать воспоминаніе о нихъ какими бы то ни было знаками — насыпями или грудами камней, рѣзами или чертами на деревѣ, на камнѣ, на тѣлѣ своемъ, на металлѣ, на кожѣ или бумагѣ — такъ естественно, такъ необходимо, такъ обще всюду было, есть и будетъ, какъ естественно, необходимо и обще людямъ сообщаться другъ съ другомъ посредствомъ дара слова. Тутъ начало не только всѣхъ возможныхъ памятниковъ, написей, записей, лѣтописей, но и самыхъ искусственныхъ и сложныхъ видовъ повѣствованій. Формы заимствуются, переносятся изъ странъ въ страны, распространяются какъ и мысли; но могутъ и должны являться и независимо, сами собою, безъ заимствованія. Чѣмъ проще и естественнѣе мысль или форма, тѣмъ труднѣе доказать, что она занята, тѣмъ легче предполагать, что она порождена естественною потребностью. Что же естественнѣе, какъ

замѣчать происшествія одни за другими по порядку времени, и пользоваться для этого тѣмъ пособіемъ, какое выгоднѣе, сподручнѣе? Что же для этого выгоднѣе и сподручнѣе таблицы, въ которой впередъ занесены годы въ порядкѣ одни за другими, въ которой стòитъ только записывать, чтò когда случилось, на сколько есть мѣсто и на сколько нужно не забыть случившагося? Лишь бы была такая таблица подъ рукою. А что такія таблицы были въ ходу у нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, это доказываютъ ряды годовыхъ цифръ безъ всякихъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ряды цифръ, иногда очень изрѣдка прерываемые замѣтками. Вотъ примѣръ перечета лѣтъ съ рѣдкими замѣтками изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: — Въ лѣто 6393 посла Олегъ къ Радимичемъ... Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395. Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398. Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402. Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406 идоша Угри мимо Киевъ горою....» Такихъ пустыхъ годовъ безъ лѣтописныхъ замѣтокъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ 107 изъ 259 лѣтъ (отъ 6360 до 6618), а въ 1-й Новгородской изъ первыхъ 97-и лѣтъ, въ ней сохранившихся (отъ 6525 до 6622) — 47. Записыванье пустыхъ цифръ лѣтъ безъ замѣтокъ соблюдено во всей Повѣсти временныхъ лѣтъ, гдѣ послѣдній годъ, занесенный одною цифрой, есть 6595 (1087). Въ Лаврентьевскомъ продолженіи Повѣсти временныхъ лѣтъ господствуетъ та же форма, какъ видно изъ лѣтъ 6670, 6671, 6699, 6768, 6794, вставленныхъ безъ надобности. Она господствуетъ и въ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ занесены безъ событій годы 6647, 6722, 6724, 6726, 6728, 6730, 6747, 6752, 6775, 6783. Она господствуетъ и въ 1-й Новг., гдѣ даже начальные годы XIV в., 6814 и 6815, отмѣчены безъ всякихъ данныхъ. Конечно, съ теченіемъ времени неопущенье пустыхъ годовыхъ цифръ могло остаться, какъ простое слѣдствіе обычая, иногда удерживаемаго даже противъ желанія (какъ видно изъ позднѣйшихъ приписокъ при пустыхъ годахъ: «тишина бысть, мирно бысть, ничего не бысть»); но въ началѣ, первою причи-

ною ихъ занесенья не могло быть, кажется, ничто другое, кромѣ табличной формы лѣтописей. Погодныя таблицы, примѣненныя къ кругу церковныхъ праздниковъ, ежегодно измѣняющихся во времени, были занесены къ намъ, безъ сомнѣнія, изъ Греціи; но таблицы, а не образцы лѣтописей. Погодныя таблицы Русскія могли быть начаты и прежде появленія таблицъ церковныхъ — таблицы иного рода, съ цифрами не годовъ отъ сотворенія міра, а съ какими-нибудь другими. Въ этихъ таблицахъ записывали событія у годовъ, когда они случились, минуя безъ замѣтокъ годы, подъ которыми записать было нечего, записывали коротко, не думая о связи событій: таковы были наши первыя лѣтописи, какъ видимъ и въ ихъ передѣлкахъ послѣдующаго времени, умноженныхъ различными вставками. Развѣ не высказываютъ онѣ сами собою младенчества письменности? Развѣ такія лѣтописи были въ ходу у Грековъ того времени, когда у насъ начиналась дѣятельность лѣтописная? Развѣ изъ такихъ Греческихъ лѣтописей дѣлали послѣ выписки тѣ изъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ впервые пришлось задуматься надъ возможностью придать Русскимъ воспоминаніямъ о прошломъ болѣе жизни и достоинства внѣшняго? Образцы Греческіе могли въ свое время найти себѣ у насъ сочувствіе, и дѣйствительно нашли; но первоначальные наши лѣтописцы не имѣли нужды выжидать ихъ появленія, ихъ пересмотра и изученія для того, чтобы начать свои замѣтки.

Несомнѣннымъ кажется мнѣ, что у насъ было въ этомъ отношеніи то же, что и на западѣ Европы. Требованія историческаго искусства проникли тамъ на сѣверъ съ юга довольно рано: они отразились уже на повѣствованіяхъ Іорнанда въ VI вѣкѣ, такъ же какъ послѣ на повѣствованіяхъ Григорія Турскаго, Фредегара, Льва Діакона и т. д. И однако монастырскіе лѣтописцы долго не слѣдовали этимъ образцамъ, а заносили замѣтки о событіяхъ въ погодныя таблицы безъ связи, безъ подробностей, минуя цѣлые ряды лѣтъ безъ всякихъ замѣтокъ. Сравнивая эти лѣтописи съ нашими, не найдемъ въ формѣ никакой разницы.

Только постепенно лѣтописи этого рода пріобрѣтали тамъ ту занимательность подробностей и связности событій, за которою наконецъ должна была скрыться ихъ первоначальная сухость и безжизненность; только постепенно дошли онѣ до такой послѣдовательности въ разсказѣ, какова напр. въ запискахъ Титмара или Гельмольда. Не разомъ у нихъ явились *«повѣсти* временныхъ лѣтъ». Не разомъ могли онѣ явиться и у насъ. Не даромъ наша Повѣсть временныхъ лѣтъ взята за основаніе очень многими другими лѣтописцами, какъ трудъ лѣтописца, который, воспользовавшись безсвязными замѣтками прежняго времени, разсказами современниковъ, житіями, актами и тѣмъ, что вычиталъ у писателей Византійскихъ, придалъ своему разсказу связность и занимательность, жизнь и достоинство, подобно Козьмѣ Пражскому у Чеховъ или Мартыну Галлу у Поляковъ[1]). Онъ указалъ высокій образецъ для подражанія другимъ лѣтописцамъ, и тѣмъ болѣе былъ цѣнимъ, что ему трудно было подражать. Изъ его современниковъ и ближайшихъ послѣдователей не нашлось ни одного, кто бы составилъ такую же лѣтопись о томъ же времени,—и потому онъ остался не только первымъ, но и единственнымъ: его переписывали и продолжали всюду, гдѣ могли имѣть его книгу и умѣли цѣнить безпристрастно ея достоинство. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ пересказывалъ событія всегда своими словами. Очевидно напротивъ, что онъ вносилъ въ свою лѣтопись описанія событій такъ, какъ находилъ ихъ въ избранномъ источникѣ, только связывалъ ихъ въ одно цѣлое, на сколько это было возможно: тутъ его величайшая заслуга какъ лѣтописца, вѣрнаго своему призванію, понятая послѣдователями и потому принятая за образецъ. Сохраняя все, какъ нашелъ, онъ принужденъ былъ внести въ свою лѣтопись и краткія замѣтки прежнихъ лѣтописцевъ

1) Chronicon Bohemorum Козьмы Пражскаго представляетъ также перечетъ лѣтъ, съ 894 до 1125, безъ пропуска лѣтъ, подъ которыми нечего было записать. Ряды пустыхъ лѣтъ очень значительны, напр. съ 895 до 929, съ 933 до 967 и т. п.

иногда безъ всякихъ дополненій, безъ возможности соединить ихъ въ одно цѣлое съ описаніями событій прежнихъ и послѣдовавшихъ. Отдѣливши же изъ его лѣтописи все, что прибавлено имъ, или послѣ него, лишь бы сумѣли сдѣлать это, мы получимъ значительную часть состава древнихъ лѣтописей, не обильныхъ подробностями, сжатыхъ въ изложеніи, отрывочныхъ въ составѣ, но правдивыхъ, и все-таки лѣтописей, гдѣ замѣтки о событіяхъ были внесены въ погодныя таблицы.

Эти таблицы могли быть и церковныя, съ годами отъ сотворенія міра; могли быть и не церковныя, съ годами напр. княженія каждаго князя и т. п. Какія же были онѣ у насъ первоначально? Мнѣ кажется, таблицы годовъ по княженіямъ или иныя въ этомъ родѣ. Это видно изъ слѣдующаго:

— Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, первую годовую цифру находимъ при общемъ перечнѣ лѣтъ: «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдѣхомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмь. Тѣмъ же отселе почнемъ и числа положимъ, яко отъ Адама до потопа лѣтъ 2240 и 2... А отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Рускаго князя, лѣтъ 29; а отъ первого лѣта Олгова, понеже сѣде въ Киевѣ, до первого лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святьславля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8» и пр. У составителя этого перечня лѣтъ или того прежняго перечня, по которому составленъ этотъ, очевидно, была хронологическая таблица лѣтъ отъ сотворенія міра съ отмѣтками нѣкоторыхъ происшествій Византійскихъ и списокъ происшествій Русскихъ по годамъ княженій: его дѣломъ было приравнить годы княженій къ годамъ отъ сотворенія міра. Сдѣлавши это, онъ перемѣнилъ хронологическую сѣть одну на другую и далъ лѣтописи новый видъ. Ясно, что и прежде она имѣла видъ лѣтописи.

— Остатками хронологической сѣти по годамъ княженій могутъ считаться и слѣдующія замѣтки въ самой лѣтописи: — 1. Подъ 6420 (912), гдѣ описана смерть Олега, сказано: и бысть всѣхъ лѣтъ княженил его 33». Замѣтимъ, что по перечню Олегъ княжилъ въ Кіевѣ 31 годъ; конечно, это не ошибка: Олегъ умеръ осенью 6420—6421 года, это было его послѣднее 31-е лѣто, слѣдовательно первое лѣто въ 6390-мъ году: т. е. лѣтомъ 6390 года Олегъ предпринялъ походъ на Смоленскъ и Любечь, и успѣлъ овладѣть Кіевомъ уже передъ зимою. Что же касается до 33-хъ лѣтъ княженія Олега, то счетъ начинается отъ года смерти Рюрика съ 6387-го («умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови»), а не съ 6390-го.— 2. Подъ 6453 (945) годомъ читаемъ: «Княжи Игорь лѣтъ 34, съ Ольгою лѣтъ 43». Этотъ счетъ сдѣланъ независимо отъ годовъ, указанныхъ въ лѣтописи: по лѣтописи Игорь женился на Ольгѣ въ 6411, сталъ княземъ въ 6421, а умеръ въ 6453 г., слѣдовательно жилъ съ Ольгою, по видимому только 42 года, а княжилъ только 32, а не 34. По перечню, Игорь княжилъ 33 года, какъ и было: Олегъ умеръ осенью 6421 года, — и тутъ начался счетъ лѣтъ княженія Игоря; въ 6453-мъ, когда погибъ Игорь, была послѣдняя 33-я осень его княженія. — 3. Подъ 6480 (972) годомъ читаемъ: «И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8». Такъ означено и въ перечнѣ. Отнеся смерть Святослава къ 6480-му году, лѣтописецъ долженъ бы по этому считать начало княженія Святослава съ 6452 года; но въ этомъ году еще жилъ Игорь, погибшій въ 6453, а «начало княженья Святославля» поставлено въ лѣтописи подъ 6454-мъ, гдѣ отмѣченъ и первый его подвигъ противъ Древлянъ: «князь уже почалъ». Игорь погибъ лѣтомъ 6453; 6453-мъ годомъ начался счетъ княженія Святославова; конецъ лѣта 6453 года было первое лѣто княженія Святослава, а начало лѣта 6480 года, когда Святославъ, послѣ зимовки у береговъ Черноморскихъ, пошелъ въ верхъ по Днѣпру къ порогамъ, было 28-е.

— Остаткомъ хронологической сѣти по годамъ княженій считать можно и занесеніе двухъ *первыхъ* появленій Печенѣговъ въ землѣ Русской, одного послѣ другого спустя 53 года, какъ замѣчено было выше.

Со счетомъ лѣтъ по княженіямъ могъ соединяться и даже быть главнымъ какой нибудь другой счетъ, теперь уже утраченный; этого отвергать покуда невозможно.

III. Древность не оставила намъ ни одного лѣтописнаго сборника, въ которомъ бы всѣ факты сведены были вмѣстѣ; самые подробные своды не полны. И эта неполнота лѣтописей относится къ самому древнему времени, не только къ X вѣку, но и къ IX-му. Такъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ недостаетъ— подъ 6360 (952)—о походѣ Русскихъ съ Бравалиномъ на Грековъ къ Херсону, Корчеву и Сурожу, — подъ 6370 (862) — о возстаніи Кривичей, Славянъ, Чуди, Мери противъ Варяговъ, вслѣдствіе чего призваны были братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, — подъ 6372 — о смятеніи Новгородцевъ, о смерти Вадима, объ убіеніи Оскольдова сына въ Болгаріи, — подъ 6373 — о рожденіи Игоря, о походѣ Оскольда и Дира на Полочанъ,—подъ 6375—о возвращеніи Оскольда и Дира въ Кіевъ, о побѣдѣ ихъ надъ Печенѣгами, о бѣгствѣ Новгородскихъ мужей въ Кіевъ, и т. п. — Неполнота лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно свидѣтельствуетъ, что отъ самаго древняго времени лѣтопись велась у насъ не одна. То же свидѣтельствуетъ и разнообразіе счета лѣтъ, какъ отчасти было уже показано. Есть отличія въ самомъ изложеніи событій. Такъ подъ 6370 годомъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: «изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша. Старѣишии Рюрикъ (сѣде *Новъгородѣ*), а другии Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третии Изборьстѣ Труворъ.... По дву же лѣту.... прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады». То же въ Ипатьевскомъ спискѣ иначе: «Изъбрашася трие брата съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ *Словѣномъ* пѣрвѣе и *срубиша городъ Ладогу*, и сѣдѣ старѣишии въ *Ладозѣ*....

По дъвою же лѣту.... прия Рюрикъ власть всю одинъ, и *пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ*, и прозваша и Новгородъ, и сѣде ту княжа и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубати». — Есть и явные слѣды списыванья въ одну лѣтопись изъ двухъ различныхъ. Такъ подъ 6453 годомъ, повторяемымъ три раза, читаемъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ при концѣ одной записи: «И приспѣ осень, нача (Игорь) мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань»; въ началѣ второй: «Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи (= Свѣнделжи) изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань...»

Большая часть происшествій сосредоточивается около Новгорода и Кіева: изъ этого можно заключить, что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ. Есть еще намеки, что лѣтопись издревле велась и въ области Волынской: въ числѣ такихъ можно считать сравненіе даней, взятыхъ съ Древлянъ Олегомъ и Игоремъ, подробное припоминаніе о дѣлахъ Свѣнелда въ землѣ Уличей, неопредѣленное упоминаніе о Мистишѣ сынѣ Свѣнельда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату), могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской. Значительность этихъ намековъ увеличивается показаніями послѣдующаго времени. Теперь уже трудно отдѣлить первоначальныя части лѣтописей Новгородскихъ и Кіевскихъ, не только Волынскихъ или какихъ другихъ; но заключеніе, что лѣтописи велись независимо въ разныхъ краяхъ Руси и по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, должно остаться неоспоримымъ.

Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, что̀ за люди были первые лѣтописцы. Скорѣе всего, это были особы духовныя: такое предположеніе оправдывается и счетомъ лѣтъ отъ сотворенія мира. Едва ли, впрочемъ, оно можетъ быть принято исключительно. Тутъ вспомнимъ, что разногласіе постановки событій

по лѣтамъ отъ сотворенія міра и по лѣтамъ княженій позволяетъ думать, что хоть нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей были составляемы по годамъ княженій каждаго князя, какъ было и на западѣ Европы. Кромѣ того, особы духовныя не опустили бы изъ лѣтописи обстоятельствъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи; напр. о приходѣ первыхъ учителей вѣры Христовой въ Русь, о построеніи первыхъ церквей, о построеніи той соборной церкви св. Ильи, въ которой присягала «христіаная Русь» при заключеніи договора съ Греками въ 945, о состояніи христіанства въ Руси или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ послѣ пріѣзда Ольги изъ Царeграда. Ничего подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ до-Владимирова времени, не такъ какъ было послѣ X вѣка, когда происшествія церковныя стали быть записываемы все въ большемъ числѣ. Есть, конечно, и между замѣтками о IX—X-мъ вѣкахъ, до Владимира, нѣсколько церковныхъ (напр. повѣствованіе о подвигахъ Константина и Меѳодія, о крещеніи Оскольда и Дира, о крещеніи Ольги и пр.); но всѣ онѣ носятъ на себѣ черты позднѣйшаго времени, когда уже извѣстны были источники Византійскіе и Славянскіе, когда вмѣсто немногословной отмѣтки старались уже занести цѣлый разсказъ, когда лѣтопись была уже сборникомъ разнообразныхъ свѣдѣній и выписокъ. Не менѣе важно отсутствіе въ трудахъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ всего, что выражаетъ начитанность служителя церкви, знанія св. Писанія, церковныхъ книгъ и т. п. Все это выразилось, но позже. Сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ былъ, вѣроятно, одинъ изъ первыхъ, примѣнившихъ свои знанія къ труду лѣтописателя и оцѣнившихъ ихъ взглядомъ души, проникнутой истинами вѣры Христовой. Понятно, почему древнѣйшія Русскія лѣтописи, по своему содержанію, были исключительно свѣтскія, военныя. Это, конечно, вовсе не мѣшаетъ допустить, что въ написаніи лѣтописей могли принимать участіе и лица духовныя; но принимали они его не какъ духовныя лица, а какъ болѣе образованныя. Это очень естественно для времени, когда хотя лучь вѣры Христо-

вой уже и проникнулъ въ Русь, но еще теплился середи язычества только для избранныхъ, между тѣмъ какъ и язычники могли нуждаться въ знаніи прошедшаго. Указанія на то, что лица не духовныя принимали участіе въ составленіи лѣтописей въ послѣдующее время, сдѣланы уже давно и съ полной очевидностью.

Изъ какого народа были наши древнѣйшіе лѣтописцы? Были ли это такіе же Русскіе, каковы и мы теперь,—наши предки—или же чужеродцы? Вопрсоъ безотвѣтный, если его не подставить другимъ, болѣе осязательнымъ. На какомъ языкѣ и для кого были писаны эти лѣтописи? А при такой подстановкѣ вопроса, на отвѣтѣ трудно задуматься. Очевидно, онѣ писаны на языкѣ, который Русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для Русскихъ. Писали ли сами Русскіе, или же Варяги, Греки, Болгары — все равно, лишь бы писали для Русскихъ, по Русски, о томъ, что нужно было Русскимъ; а что такова была цѣль лѣтописей и древнѣйшихъ, какъ и лѣтописей послѣдующаго времени, это такъ очевидно для всякаго, кто читалъ лѣтописи или ихъ новыя передѣлки, кто знаетъ ихъ содержаніе хоть изъ историческихъ учебниковъ, что едва ли и на мысль кому бы то ни было можетъ взойти какое нибудь сомнѣніе. И тутъ огромная разница съ лѣтописями западной Европы, гдѣ сказанія о подвигахъ предковъ и современниковъ, не облеченныя въ поэтическія формы пѣсень и сагъ, сколько ни были народны по содержанію, по своему чужеродному языку, Латинскому, долгое время оставались чуждыми народу. Немногіе памятники этого рода, подобно лѣтописямъ Англо-саксонской и Бретонской, избѣгли этой общей участи. — Но какъ же могло быть, что лѣтописи, заключавшія въ себѣ замѣтки о дѣлахъ военныхъ, были писаны на языкѣ Славянъ Русскихъ, тогда какъ военныя дружины, которыхъ славу онѣ увѣковѣчивали, были не Славяне, а чужеродцы Скандинавскіе? Не скорѣе ли могло случиться, что подвиги витязей были бы для нихъ и для ихъ потомковъ записаны на ихъ собственномъ

языкѣ? И однако нѣтъ и слѣдовъ того, что Русскія лѣтописи были когда нибудь писаны не по Русски, какъ нѣтъ слѣдовъ, что и договоры съ Греками, съ ними одновременные, переведены были съ Греческаго на какой нибудь другой языкъ кромѣ Славянскаго, или что писалось на Руси для Русскихъ что бы то ни было не по Славянски. Конечно, все это было не безъ причинъ и, безъ сомнѣнія, причинъ важныхъ, какъ не безъ причинъ было и то, что напр. Франки и Норманы утратили во Франціи свой языкъ, передѣлавшись въ Романцевъ, или что Болгары на Дунаѣ исчезли безъ слѣда въ покоренныхъ Славянахъ. . . . Легко изобрѣтать вопросы и предположенія, но не легко проникать въ тьму прошедшаго, о которомъ осталось такъ мало свидѣтельствъ.

Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что — если вѣрны предъидущія соображенія — едва только успѣли осѣсть Варяжскія дружины въ землѣ Русской, едва только успѣли утвердить свою воинскую славу, какъ уже пишется лѣтопись о ихъ дѣлахъ на языкѣ для нихъ чуждомъ.

И такъ въ X-мъ вѣкѣ, даже до Владимира святого и во время его, были у насъ лѣтописи и лѣтописцы; была слѣдовательно нужда имѣть ихъ, и былъ обычай сберегать эти лѣтописи, иначе бы онѣ не сберeглись; была письменность хоть въ тѣсномъ кругу. . . .

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Содержаніе Русскихъ лѣтописей X вѣка.

Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались первые проблески высшей дѣятельности въ народѣ образующемся въ сравненіи съ блескомъ той же дѣятельности въ томъ же народѣ черезъ нѣсколько вѣковъ, они всегда будутъ многозначительны

для ума, слѣдящаго за судьбами народа не по домысламъ воображенія и заранѣе принятыхъ убѣжденій, а съ твердымъ желаніемъ проникнуть въ истину. Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались выводы изъ наблюденій надъ всѣмъ, въ чемъ отразились эти проблески жизни давно минувшей, они могутъ принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. А нельзя не желать дойти между прочимъ и до опытовъ возстановленія древнихъ лѣтописей до-Владимировскихъ, если и не дословнаго, что (вслѣдствіе тѣснаго соединенія первоначальныхъ замѣтокъ лѣтописныхъ съ преданіями и измѣненіями позднѣйшаго времени) иногда рѣшительно невозможно, то по крайней мѣрѣ приблизительнаго, изъ котораго бы хоть сколько нибудь виденъ былъ кругъ понятій лѣтописцевъ, а слѣдовательно и ожиданій тѣхъ, для кого они трудились. Пусть первыя попытки будутъ и не удачны: ужели это должно устрашать работающихъ? Странно было бы, еслибъ люди, трудящіеся для науки, руководствовались только желаніемъ выказывать свою непогрѣшительность и боязнію быть пристыженнымъ за неизбѣжныя ошибки. Позволяю себѣ такую попытку.

Что именно было въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ прежде, чѣмъ онѣ видоизмѣнились подъ руками лѣтописцевъ XI — XII вѣка? Критика историческая не можетъ оставить въ сторонѣ этого вопроса, и отвѣчая на него, должна отдѣлить изъ состава лѣтописей всѣ вставки учености: т. е. а) выписки изъ Византійскихъ лѣтописей и другихъ книгъ историческаго содержанія, б) акты, в) тексты священнаго писанія, г) соображенія хронологическія, этнографическія и географическія.

За тѣмъ останутся: 1) собственно лѣтописныя показанія, и 2) преданія. Одни отъ другихъ отличаются болѣе всего изложеніемъ: въ преданіяхъ есть разсказъ; въ показаніяхъ лѣтописныхъ его нѣтъ или почти нѣтъ. По этому отличительному признаку можно отдѣлить ихъ одни отъ другихъ часто довольно легко; впрочемъ, не всегда. Кое гдѣ преданіе занесено такъ ко-

ротко, что не отличается ничѣмъ отъ лѣтописнаго показанія. Съ другой стороны и между лѣтописными показаніями есть такія, которыя занесены въ лѣтопись не современникомъ, а позже, или же и современникомъ, но въ формѣ эпической или даже драматической. Нельзя отвергнуть, что для полнаго разрѣшенія задачи, какія изъ показаній несовременны, соображенія критики не всегда могутъ быть достаточны, и что въ такомъ случаѣ приходится руководиться чутьемъ, слѣдовательно не всегда удачно.

Въ обозрѣніи содержанія древнѣйшихъ лѣтописей нашихъ, которое здѣсь представляется, не исключены преданія и дано мѣсто лѣтописнымъ показаніямъ всѣмъ безъ исключенія[1]).

Древнѣйшія изъ преданій, вошедшихъ въ лѣтописи, суть:

— 1. О томъ, что Славяне когда то жили «по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска», до тѣхъ поръ пока не нашли на нихъ Волохи: «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни» разошлись въ разныя земли. Особенно важна въ этомъ преданіи память о нашествіи Волоховъ, т. е. Римлянъ, на приДунайскія страны; а народность этого воспоминанія доказывается именемъ Волоховъ, одинаково и издревле народнымъ и у Славянъ и у Нѣмцевъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, именемъ, которое у западныхъ Славянъ и теперь употребляется для означенія Итальянцевъ (Чеш. Влахи, Пол. Влохи). Съ этимъ воспоминаніемъ въ связи стоитъ и преданіе о Троянѣ.

— 2. О давнихъ путяхъ изъ земель Русскихъ владѣній въ другія земли: «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вътечетъ въ озеро великое Ново (Нево), того (же) озера внидетъ устье въ море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду,

1) Кромѣ показаній такъ называемой Іоакимовской лѣтописи.

а отъ Царягорода прити въ Понотъ моря, въ не же втечеть Днѣпръ рѣка». Для своего времени это припоминаніе было, конечно, не столько преданіемъ, сколько фактомъ жизни; впрочемъ, могло быть и преданіемъ, напоминавшимъ о давности морскихъ путей.

— 3. Объ апостолѣ Андреѣ первозванномъ: «Оньдрѣю учащю,... проиде въ вустье Днѣпрьское, оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: Видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья, имать градъ великъ (быти) и церкви многи Богъ въздвигнути имать. Въшедъ на горы сия, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣ же бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и како ся мыють, хвощются, и удивися имъ. Иде въ Варяги, и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико виде, и рече имъ: дивно видѣхъ Словѣньскую землю; идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться, и будуть нази, и облѣються квасомъ уснияныимь, и возмуть на ся прутье младое, бьють ся сами, и того ся добьють, егда влѣзуть ли живи, и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Нельзя, можетъ быть, отвергать, что въ этомъ преданіи, какъ оно занесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, есть и доля книжнаго вліянія; но нельзя, кажется, вполнѣ отвергать и его народныхъ оттѣнковъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ обычаямъ сѣверной Руси, отличнымъ отъ обычаевъ Руси южной. Употребленіе такихъ бань, какія тутъ описаны, и до сихъ поръ составляетъ особенность сѣверной Руси.

— 4. Объ основаніи Кіева и о Кіѣ: «Быша 3 братья, единому имя Кии, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кии на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Бо-

ричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь... Кии княжаше въ родѣ своемь. Приходившю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь приялъ отъ царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии, еже и до нынѣ наричють Ду(на)ици городище Киевець». Можетъ быть, здѣсь соединены два отдѣльныя преданія: одно Русское, мѣстное Кіевское и другое Дунайское, которое могло быть принесено кѣмъ нибудь изъ Болгаръ.

— 5. О Дулѣбахъ и Обрахъ: «Си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбьскимъ. Аще поѣхати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли 5 ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна. Тако же мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и оумомь горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ. Есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ; ихъ же нѣсть племени ни наслѣдъка». Это важное преданіе, напоминающее слово обръ (Чеш.) = оборъ (Луж.) = обримъ (Пол.) въ значеніи исполина, великана, напоминаетъ и о сказаніи Фредегара (гл. 48) о насиліяхъ Аваровъ надъ Славянами.

— 6. О древнихъ княжествахъ послѣ Кія: «По сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ. Въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ... По смерти братьѣ сея (Поляне) быша обидими Древлями (и) инѣми околними».

— 7. О Поднѣстровьи: «Улучи (Улучи, Улутичи = Угличи), Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по (Бугу и по) Днѣстру оли до моря. Суть гради ихъ и до сего дне». Это важное преданіе со-

отвѣтствуетъ Византійскимъ сказаніямъ объ Антахъ, замѣткѣ Баварскаго географа объ Унличахъ (Unlizi populus multus, civitates 318) и отчасти Арабскимъ припоминаніямъ о Славянахъ югозападной Руси.

— 8. О Радимѣ и Вяткѣ: «Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, (единому имя) Радимъ, а другому Вятко, и пришедъша сѣдоста, Радимъ на Съжю, (отъ него) прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

— 9. О приходѣ Козаръ къ Кіеву:—«По смерти братьѣ сея... наидоша я (Полянъ) Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: платите намъ дань. Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь. И несоша Козари ко князю своему и къ старишинымъ и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань нову. Они же рѣша имъ: откуду? Они же рѣша: Въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою. Они же рѣша: что суть вдали? Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстии: не добра дань, княже; мы ся доискахомь оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоиду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбы(сть)ся все...; яко же бысть: володѣють Козары Русьскии до днешняго дне». Съ этимъ преданіемъ связано лѣтописное показаніе 6367 (859) года: «Козари имаху (дань) на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма».

— 10. О посадникѣ или старѣйшинѣ Новгородскомъ Гостомыслѣ: «Словѣни же... сѣдоша около озера Ильмеря..., съдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ и посадиша старѣйшину Гостомысла» (Соф.). О Гостомыслѣ же сказано, какъ о Новгородскомъ старѣйшинѣ предъ призваніемъ Рюрика съ братьями (Воскр.).

— 11. О древней дани Чуди, Славянъ, Мери и всѣхъ Кривичей Варягамъ заморскимъ, а Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей Козарамъ. Что замѣтка объ этой дани не есть только лѣтописное сказаніе, но и преданіе, видно, мнѣ кажется, изъ того,

— Остаткомъ хронологической сѣти по годамъ княженій считать можно и занесеніе двухъ *первыхъ* появленій Печенѣговъ въ землѣ Русской, одного послѣ другого спустя 53 года, какъ замѣчено было выше.

Со счетомъ лѣтъ по княженіямъ могъ соединяться и даже быть главнымъ какой нибудь другой счетъ, теперь уже утраченный; этого отвергать покуда невозможно.

III. Древность не оставила намъ ни одного лѣтописнаго сборника, въ которомъ бы всѣ факты сведены были вмѣстѣ; самые подробные своды не полны. И эта неполнота лѣтописей относится къ самому древнему времени, не только къ X вѣку, но и къ IX-му. Такъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ недостаетъ— подъ 6360 (952)—о походѣ Русскихъ съ Бравалиномъ на Грековъ къ Херсону, Корчеву и Сурожу, — подъ 6370 (862) — о возстаніи Кривичей, Славянъ, Чуди, Мери противъ Варяговъ, вслѣдствіе чего призваны были братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, — подъ 6372 — о смятеніи Новгородцевъ, о смерти Вадима, объ убіеніи Оскольдова сына въ Болгаріи, — подъ 6373 — о рожденіи Игоря, о походѣ Оскольда и Дира на Полочанъ,—подъ 6375—о возвращеніи Оскольда и Дира въ Кіевъ, о побѣдѣ ихъ надъ Печенѣгами, о бѣгствѣ Новгородскихъ мужей въ Кіевъ, и т. п. — Неполнота лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно свидѣтельствуетъ, что отъ самаго древняго времени лѣтопись велась у насъ не одна. То же свидѣтельствуетъ и разнообразіе счета лѣтъ, какъ отчасти было уже показано. Есть отличія въ самомъ изложеніи событій. Такъ подъ 6370 годомъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: «изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша. Старѣишии Рюрикъ (сѣде *Новъгородѣ*), а другии Синеусъ на Бѣлѣ-озерѣ, а третии Изборьстѣ Труворъ.... По дву же лѣту.... прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады». То же въ Ипатьевскомъ спискѣ иначе: «Изъбрашася трие брата съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша къ *Словѣномъ* пѣрвѣе и *срубиша городъ Ладогу*, и сѣдѣ старѣишии въ *Ладозѣ*....

По дъвою же лѣту.... прия Рюрикъ власть всю одинъ, и *пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ*, и прозваша и Новгородъ, и сѣде ту княжа и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубати». — Есть и явные слѣды списыванья въ одну лѣтопись изъ двухъ различныхъ. Такъ подъ 6453 годомъ, повторяемымъ три раза, читаемъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ при концѣ одной записи: «И приспѣ осень, нача (Игорь) мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань»; въ началѣ второй: «Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи (= Свѣнделжи) изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань...»

Большая часть происшествій сосредоточивается около Новгорода и Кіева: изъ этого можно заключить, что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ. Есть еще намеки, что лѣтопись издревле велась и въ области Волынской: въ числѣ такихъ можно считать сравненіе даней, взятыхъ съ Древлянъ Олегомъ и Игоремъ, подробное припоминаніе о дѣлахъ Свѣнелда въ землѣ Уличей, неопредѣленное упоминаніе о Мистишѣ сынѣ Свѣнельда, который (если не былъ одно лицо съ Лютомъ, а только братомъ его), подобно отцу (и брату), могъ имѣть свои владѣнія скорѣе всего въ землѣ Деревской. Значительность этихъ намековъ увеличивается показаніями послѣдующаго времени. Теперь уже трудно отдѣлить первоначальныя части лѣтописей Новгородскихъ и Кіевскихъ, не только Волынскихъ или какихъ другихъ; но заключеніе, что лѣтописи велись независимо въ разныхъ краяхъ Руси и по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, должно остаться неоспоримымъ.

Гораздо труднѣе отвѣчать на вопросъ, что̀ за люди были первые лѣтописцы. Скорѣе всего, это были особы духовныя: такое предположеніе оправдывается и счетомъ лѣтъ отъ сотворенія мира. Едва ли, впрочемъ, оно можетъ быть принято исключительно. Тутъ вспомнимъ, что разногласіе постановки событій

по лѣтамъ отъ сотворенія мира и по лѣтамъ княженій позволяетъ думать, что хоть нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей были составляемы по годамъ княженій каждаго князя, какъ было и на западѣ Европы. Кромѣ того, особы духовныя не опустили бы изъ лѣтописи обстоятельствъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи; напр. о приходѣ первыхъ учителей вѣры Христовой въ Русь, о построеніи первыхъ церквей, о построеніи той соборной церкви св. Ильи, въ которой присягала «христіаная Русь» при заключеніи договора съ Греками въ 945, о состояніи христіанства въ Руси или по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ послѣ пріѣзда Ольги изъ Цареграда. Ничего подобнаго нѣтъ въ лѣтописяхъ до-Владимирова времени, не такъ какъ было послѣ X вѣка, когда происшествія церковныя стали быть записываемы все въ большемъ числѣ. Есть, конечно, и между замѣтками о IX — X-мъ вѣкахъ, до Владимира, нѣсколько церковныхъ (напр. повѣствованіе о подвигахъ Константина и Меѳодія, о крещеніи Оскольда и Дира, о крещеніи Ольги и пр.); но всѣ онѣ носятъ на себѣ черты позднѣйшаго времени, когда уже извѣстны были источники Византійскіе и Славянскіе, когда вмѣсто немногословной отмѣтки старались уже занести цѣлый разсказъ, когда лѣтопись была уже сборникомъ разнообразныхъ свѣдѣній и выписокъ. Не менѣе важно отсутствіе въ трудахъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ всего, что выражаетъ начитанность служителя церкви, знанія св. Писанія, церковныхъ книгъ и т. п. Все это выразилось, но позже. Сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ былъ, вѣроятно, одинъ изъ первыхъ, примѣнившихъ свои знанія къ труду лѣтописателя и оцѣнившихъ ихъ взглядомъ души, проникнутой истинами вѣры Христовой. Понятно, почему древнѣйшія Русскія лѣтописи, по своему содержанію, были исключительно свѣтскія, военныя. Это, конечно, вовсе не мѣшаетъ допустить, что въ написаніи лѣтописей могли принимать участіе и лица духовныя; но принимали они его не какъ духовныя лица, а какъ болѣе образованныя. Это очень естественно для времени, когда хотя лучь вѣры Христо-

вой уже и проникнулъ въ Русь, но еще теплился середи язычества только для избранныхъ, между тѣмъ какъ и язычники могли нуждаться въ знаніи прошедшаго. Указанія на то, что лица не духовныя принимали участіе въ составленіи лѣтописей въ послѣдующее время, сдѣланы уже давно и съ полной очевидностью.

Изъ какого народа были наши древнѣйшіе лѣтописцы? Были ли это такіе же Русскіе, каковы и мы теперь,—наши предки—или же чужеродцы? Вопрсъ безотвѣтный, если его не подставить другимъ, болѣе осязательнымъ. На какомъ языкѣ и для кого были писаны эти лѣтописи? А при такой подстановкѣ вопроса, на отвѣтѣ трудно задуматься. Очевидно, онѣ писаны на языкѣ, который Русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для Русскихъ. Писали ли сами Русскіе, или же Варяги, Греки, Болгары — все равно, лишь бы писали для Русскихъ, по Русски, о томъ, что нужно было Русскимъ; а что такова была цѣль лѣтописей и древнѣйшихъ, какъ и лѣтописей послѣдующаго времени, это такъ очевидно для всякаго, кто читалъ лѣтописи или ихъ новыя передѣлки, кто знаетъ ихъ содержаніе хоть изъ историческихъ учебниковъ, что едва ли и на мысль кому бы то ни было можетъ взойти какое нибудь сомнѣніе. И тутъ огромная разница съ лѣтописями западной Европы, гдѣ сказанія о подвигахъ предковъ и современниковъ, не облеченныя въ поэтическія формы пѣсень и сагъ, сколько ни были народны по содержанію, по своему чужеродному языку, Латинскому, долгое время оставались чуждыми народу. Немногіе памятники этого рода, подобно лѣтописямъ Англо-саксонской и Бретонской, избѣгли этой общей участи. — Но какъ же могло быть, что лѣтописи, заключавшія въ себѣ замѣтки о дѣлахъ военныхъ, были писаны на языкѣ Славянъ Русскихъ, тогда какъ военныя дружины, которыхъ славу онѣ увѣковѣчивали, были не Славяне, а чужеродцы Скандинавскіе? Не скорѣе ли могло случиться, что подвиги витязей были бы для нихъ и для ихъ потомковъ записаны на ихъ собственномъ

языкѣ? И однако нѣтъ и слѣдовъ того, что Русскія лѣтописи были когда нибудь писаны не по Русски, какъ нѣтъ слѣдовъ, что и договоры съ Греками, съ ними одновременные, переведены были съ Греческаго на какой нибудь другой языкъ кромѣ Славянскаго, или что писалось на Руси для Русскихъ что бы то ни было не по Славянски. Конечно, все это было не безъ причинъ и, безъ сомнѣнія, причинъ важныхъ, какъ не безъ причинъ было и то, что напр. Франки и Норманы утратили во Франціи свой языкъ, передѣлавшись въ Романцевъ, или что Болгары на Дунаѣ исчезли безъ слѣда въ покоренныхъ Славянахъ.... Легко изобрѣтать вопросы и предположенія, но не легко проникать въ тьму прошедшаго, о которомъ осталось такъ мало свидѣтельствъ.

Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что — если вѣрны предъидущія соображенія — едва только успѣли осѣсть Варяжскія дружины въ землѣ Русской, едва только успѣли утвердить свою воинскую славу, какъ уже пишется лѣтопись о ихъ дѣлахъ на языкѣ для нихъ чуждомъ.

И такъ въ X-мъ вѣкѣ, даже до Владимира святого и во время его, были у насъ лѣтописи и лѣтописцы; была слѣдовательно нужда имѣть ихъ, и былъ обычай сберегать эти лѣтописи, иначе бы онѣ не сберeглись; была письменность хоть въ тѣсномъ кругу....

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Содержаніе Русскихъ лѣтописей X вѣка.

Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались первые проблески высшей дѣятельности въ народѣ образующемся въ сравненіи съ блескомъ той же дѣятельности въ томъ же народѣ черезъ нѣсколько вѣковъ, они всегда будутъ многозначительны

для ума, слѣдящаго за судьбами народа не по домысламъ воображенія и заранѣе принятыхъ убѣжденій, а съ твердымъ желаніемъ проникнуть въ истину. Какъ бы ни мелочны и безцвѣтны казались выводы изъ наблюденій надъ всѣмъ, въ чемъ отразились эти проблески жизни давно минувшей, они могутъ принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. А нельзя не желать дойти между прочимъ и до опытовъ возстановленія древнихъ лѣтописей до-Владимировскихъ, если и не дословнаго, что (вслѣдствіе тѣснаго соединенія первоначальныхъ замѣтокъ лѣтописныхъ съ преданіями и измѣненіями позднѣйшаго времени) иногда рѣшительно невозможно, то по крайней мѣрѣ приблизительнаго, изъ котораго бы хоть сколько нибудь виденъ былъ кругъ понятій лѣтописцевъ, а слѣдовательно и ожиданій тѣхъ, для кого они трудились. Пусть первыя попытки будутъ и не удачны: ужели это должно устрашать работающихъ? Странно было бы, еслибъ люди, трудящіеся для науки, руководствовались только желаніемъ выказывать свою непогрѣшительность и боязнію быть пристыженнымъ за неизбѣжныя ошибки. Позволяю себѣ такую попытку.

Что именно было въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нашихъ прежде, чѣмъ онѣ видоизмѣнились подъ руками лѣтописцевъ XI — XII вѣка? Критика историческая не можетъ оставить въ сторонѣ этого вопроса, и отвѣчая на него, должна отдѣлить изъ состава лѣтописей всѣ вставки учености: т. е. а) выписки изъ Византійскихъ лѣтописей и другихъ книгъ историческаго содержанія, б) акты, в) тексты священнаго писанія, г) соображенія хронологическія, этнографическія и географическія.

За тѣмъ останутся: 1) собственно лѣтописныя показанія, и 2) преданія. Одни отъ другихъ отличаются болѣе всего изложеніемъ: въ преданіяхъ есть разсказъ; въ показаніяхъ лѣтописныхъ его нѣтъ или почти нѣтъ. По этому отличительному признаку можно отдѣлить ихъ одни отъ другихъ часто довольно легко; впрочемъ, не всегда. Кое гдѣ преданіе занесено такъ ко-

ротко, что не отличается ничѣмъ отъ лѣтописнаго показанія. Съ другой стороны и между лѣтописными показаніями есть такія, которыя занесены въ лѣтопись не современникомъ, а позже, или же и современникомъ, но въ формѣ эпической или даже драматической. Нельзя отвергнуть, что для полнаго разрѣшенія задачи, какія изъ показаній несовременны, соображенія критики не всегда могутъ быть достаточны, и что въ такомъ случаѣ приходится руководиться чутьемъ, слѣдовательно не всегда удачно.

Въ обозрѣніи содержанія древнѣйшихъ лѣтописей нашихъ, которое здѣсь представляется, не исключены преданія и дано мѣсто лѣтописнымъ показаніямъ всѣмъ безъ исключенія [1]).

Древнѣйшія изъ преданій, вошедшихъ въ лѣтописи, суть:

— 1. О томъ, что Славяне когда то жили «по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска», до тѣхъ поръ пока не нашли на нихъ Волохи: «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни» разошлись въ разныя земли. Особенно важна въ этомъ преданіи память о нашествіи Волоховъ, т. е. Римлянъ, на придунайскія страны; а народность этого воспоминанія доказывается именемъ Волоховъ, одинаково и издревле народнымъ и у Славянъ и у Нѣмцевъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, именемъ, которое у западныхъ Славянъ и теперь употребляется для означенія Итальянцевъ (Чеш. Влахи, Пол. Влохи). Съ этимъ воспоминаніемъ въ связи стоитъ и преданіе о Троянѣ.

— 2. О давнихъ путяхъ изъ земель Русскихъ владѣній въ другія земли: «Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и вътечеть въ озеро великое Ново (Нево), того (же) озера внидеть устье въ море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду,

1) Кромѣ показаній такъ называемой Іоакимовской лѣтописи.

а отъ Царягорода прити въ Понотъ моря, въ не же втечеть Днѣпръ рѣка». Для своего времени это припоминаніе было, конечно, не столько преданіемъ, сколько фактомъ жизни; впрочемъ, могло быть и преданіемъ, напоминавшимъ о давности морскихъ путей.

— 3. Объ апостолѣ Андреѣ первозванномъ: «Оньдрѣю учащю, . . . проиде въ вустье Днѣпрьское, оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: Видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья, имать градъ великъ (быти) и церкви многи Богъ въздвигнути имать. Въшедъ на горы сия, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣ же бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и како ся мыють, хвощются, и удивися имъ. Иде въ Варяги, и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико виде, и рече имъ: дивно видѣхъ Словѣньскую землю; идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться, и будуть нази, и облѣються квасомъ уснияныль, и возмуть на ся прутье младое, бьють ся сами, и того ся добьють, егда влѣзуть ли живи, и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Нельзя, можетъ быть, отвергать, что въ этомъ преданіи, какъ оно занесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, есть и доля книжнаго вліянія; но нельзя, кажется, вполнѣ отвергать и его народныхъ оттѣнковъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ обычаямъ сѣверной Руси, отличнымъ отъ обычаевъ Руси южной. Употребленіе такихъ бань, какія тутъ описаны, и до сихъ поръ составляетъ особенность сѣверной Руси.

— 4. Объ основаніи Кіева и о Кіѣ: «Быша 3 братья, единому имя Кии, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кии на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Бо-

ричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зоветея Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь. . . Кии княжаше въ родѣ своемъ. Приходившю ему ко царю, яко же сказаютъ, яко велику честь приялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии, еже и до нынѣ наричють Ду(на)йци городище Кіевець». Можетъ быть, здѣсь соединены два отдѣльныя преданія: одно Русское, мѣстное Кіевское и другое Дунайское, которое могло быть принесено кѣмъ нибудь изъ Болгаръ.

— 5. О Дулѣбахъ и Обрахъ: «Си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбьскимъ. Аще поѣхати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли 5 ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна. Тако же мучаху Дулѣбы. Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и оумомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обьринъ. Есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ; ихъ же нѣсть племени ни наслѣдька». Это важное преданіе, напоминающее слово обръ (Чеш.) = оборъ (Луж.) = обрымъ (Пол.) въ значеніи исполина, великана, напоминаетъ и о сказаніи Фредегара (гл. 48) о насиліяхъ Аваровъ надъ Славянами.

— 6. О древнихъ княжествахъ послѣ Кія: «По сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ. Въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ. . . По смерти братьѣ сея (Поляне) быша *обидими* Древляни (и) инѣми околними».

— 7. О Поднѣстровьи: «Улучи (Улучи, Улутичи = Угличи), Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по (Бугу и по) Днѣстру оли до *моря*. Суть гради ихъ и до сего дне». Это важное преданіе со-

отвѣтствуетъ Византійскимъ сказаніямъ объ Антахъ, замѣткѣ Баварскаго географа объ Уличахъ (Unlizi populus multus, civitates 318) и отчасти Арабскимъ припоминаніямъ о Славянахъ югозападной Руси.

— 8. О Радимѣ и Вяткѣ: «Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, (единому имя) Радимъ, а другому Вятко, и пришедъша сѣдоста, Радимъ на Съжю, (отъ него) прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

— 9. О приходѣ Козаръ къ Кіеву:—«По смерти братьѣ сея... наидоша я (Полянъ) Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: платите намъ дань. Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь. И несоша Козари ко князю своему и къ стариишинымъ и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань нову. Они же рѣша имъ: откуду? Они же рѣша: Въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою. Они же рѣша: что суть вдали? Они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстии: не добра дань, княже; мы ся доискахомь оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоиду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Се же сбы(сть)ся все...; яко же бысть: володѣють Козары Русьскии до днешняго дне». Съ этимъ преданіемъ связано лѣтописное показаніе 6367 (859) года: «Козари имаху (дань) на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма».

— 10. О посадникѣ или старѣйшинѣ Новгородскомъ Гостомыслѣ: «Словѣни же... сѣдоша около озера Ильмеря..., съдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ и посадиша старѣйшину Гостомысла» (Соф.). О Гостомыслѣ же сказано, какъ о Новгородскомъ старѣйшинѣ предъ призваніемъ Рюрика съ братьями (Воскр.).

— 11. О древней дани Чуди, Славянъ, Мери и всѣхъ Кривичей Варягамъ заморскимъ, а Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей Козарамъ. Что замѣтка объ этой дани не есть только лѣтописное сказаніе, но и преданіе, видно, мнѣ кажется, изъ того,

что лѣтописецъ употребилъ многократное «имаху», а не однократное «яша»: «имаху по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма». Какъ преданіе, замѣтка эта очень важна по представленію всей Руси, кромѣ югозападной, подъ игомъ чужеземцевъ.

— 12. О приходѣ Руси Варяжской: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ (Лавр.). Въсташа Кривичи и Словѣне и Чюдь и Меря на Варягы и изгнаша я за море и не даша имъ дани» (Соф.). И почаша сами въ собѣ володѣти. И не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси... Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи вси: земля наша велика и обилна, а наряда въ неи нѣтъ, да поидѣте княжитъ и володѣти нами. И изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша. Старѣишии Рюрикъ (сѣде Новѣгородѣ), а другии Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии Изборьстѣ Труворъ (Лавр.). = И придоша къ Словѣномъ пѣрвое, и срубиша городъ Ладогу и сѣде старѣишии въ Ладозѣ Рюрикъ» и т. д. (Ипат.). Это преданіе отнесено къ годамъ 6367 — 6370: взиманіе дани Варягами къ 6367 (859), а изгнаніе ихъ и приходъ Рюрика съ братьями къ 6370 (862). Тутъ преданіе соединено съ лѣтописнымъ показаніемъ.

— 13. Объ Оскольдѣ и Дирѣ: «Бяста у него (Рюрика) 2 мужа не племени его ни боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ, и упрашаста, рѣста: чии се градокъ? Они же рѣша: была суть 3 братья, Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градоко сь и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ. Аскoлдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги скуписта и начаста владѣти Польскою землею». Это преданіе отнесено къ 6370 году (862).

Приходомъ Варяговъ Руси въ Новгородъ и Кіевъ начи-

нается рядъ лѣтописныхъ показаній, съ которыми и далѣе въ лѣтописяхъ соединяются пересказы преданій. Тѣ и другія, по отношенію къ годамъ, къ которымъ отнесены, отдѣляются группами.

1-я группа: 6367 — 6375 (859 — 867).

— 6367. «Имаху дань Варязи» и «Козари».

— 6370. «Въсташа Кривичи и Словене» и пр.—«Идоша за море къ Варягомъ... Избрашася 3 братья» и пр.

— 6372. «Оскорбишася Новгородци... Уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби Новогородцевъ». «Убиенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ» (Ник.).

— 6373. «Престави(ста)ся Синеусъ и Триворъ (въ Пов. врем. лѣт. сказано подъ 6370, что С. и Т. умерли чрезъ два года послѣ прихода). — «(Аскольдъ и Диръ) испросистася ко Царю-городу». — «Воеваша Асколдъ и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша» (Ник.). (Подъ этимъ же годомъ въ Ник. сказано, что «родися Рюрику сынъ и нарече имя ему Игорь»: это кажется позднѣйшей перестановкой теперь уже затеряннаго даннаго).

— 6374. «Иде Асколдъ и Диръ на Греки» (Сравн. Куника R.: 338 и пр.; — Крузе: 318).

— 6375. «Възвратишася Асколдъ и Диръ отъ Царяграда въ малѣ дружинѣ, и бысть въ Киевѣ плачь велии. — Бысть въ Киевѣ гладъ велии. — Избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много Новогородцкыхъ мужей.— Избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Диръ» (Ник.).

2-я группа: 6387 — 6393 (879 — 885).

— 6387. «Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свои на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми». (Кстати замѣтимъ, что если бы Игорь родился въ 6373, какъ показано въ Никон. лѣт., то ему бы теперь было 14 лѣтъ).

— 6390. «Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю и всѣ Кривичи, и приде къ Смоленьску съ Кри-

вичи, и прия градъ, и посади мужь свои. Оттуда поиде въ низъ и взя Любець и посади мужь свои. Придоста (Олегъ съ Игоремъ) къ горамъ хъ Киевьскимъ». Тутъ сообщены преданія о томъ, какъ Олегъ захватилъ Аскольда и Дира и убилъ, гдѣ они погребены, какъ началъ Олегъ княжить въ Кіевѣ, наложивъ дани на разныя земли, между прочимъ и на Новгородъ, и какъ началъ ставить города.

— 6391. «Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ и имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ».

— 6392. «Иде (Олегъ) на Сѣверяне, и побѣди..., и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему».

— 6393. «Посла (Олегъ) къ Радимичемъ, рька: камо дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не даите Козаромъ, но мнѣ даите. И въдаша Ольгови по щьлягу (отъ рала), яко же Козаромъ даяху». Тутъ же замѣчено въ лѣтописи, что Олегъ «съ Уличи и Тѣверци имяше рать».

3-я группа: 6406 (898).

— «Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское. Пришедъше къ Днѣпру, и сташа вежами». Въ Повѣсти вр. лѣтъ отмѣчено при этомъ: «Бѣша бо ходяще, аки се Половци». Далѣе объ Уграхъ: «Пришедше отъ въстока и устремишася чересъ горы великия, и почаша воевати на живущая ту Волъхве и Словѣни».

4-я группа: 6411 (903).

— «Игореви... приведоша жену отъ Пьскова именемъ Олгу» (Святославъ Игоревичь сынъ Ольги родился послѣ этого черезъ 40 лѣтъ, въ 6450 году: см. ниже. Можетъ быть, что женитьба Игоря на Ольгѣ отнесена къ этому времени ошибкой).

5-я группа: 6415 — 6423 (907 — 915).

— 6415. «Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставивъ Киевѣ. . .;

и прииде къ Царю-граду... и оубояшася Греци... и заповѣда Олегъ дань даяти... и... уклады на Рускыа грады»... Въ этомъ мѣстѣ лѣтопись передаетъ многое по преданіямъ. (Вставлены отрывки договора съ Греками).

— 6419. «Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ».

— 6420. «Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Грекы и Русью». (Договоръ писанъ мѣсяца сентября во 2, въ лѣто созданія миру 6420). Прибавлено преданіе о дарахъ Греческихъ и о смерти Олега съ упоминаніемъ о волхвахъ и кудесникахъ.

— 6421. «Поча княжити Игорь по Ользѣ... Деревляне заратишася отъ Игоря по Олговѣ смерти».

— 6422. «Иде Игорь на Древляны, и побѣдивъ възложи на ня дань большю Ольговы. (Ипат.). Бѣ у него воевода именемъ Свентелдъ и премучи Углеци... И не вдадяшется единъ градъ именемъ Пересѣченъ, и сѣде около его 3 лѣта и едва взя и» (Соф.).

— 6423. «Приидоша Печенѣзи первое на Рускую землю и сотворивше миръ со Игоремъ и приидоша къ Дунаю».

6-я группа: 6428 (920).

— «Игорь воеваше на Печенѣги».

7-я группа: 6449 — 6455 (941 — 947).

— 6449. «Иде Игорь на Греки... и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша Грьци... Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, паки хотѣ поити на ня».

— 6450. «Родися Святославъ у Игоря».

— 6452. «Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги, и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ»... Корсунцы и Болгары дали знать объ этомъ царю. Игорь, дошедши

до Дуная, повоевалъ Болгарскую землю и «簡ъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя и възвратися въспять».

— 6453. «Присла Романъ и Костянтинъ и Степанъ слы къ Игореви построити мира первого. Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Русския слы и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ». — Вставленъ договоръ. — «Послании же сли Игоремъ придоша къ Игореви со слы Гречьскими». — Слѣдуютъ подробности о заключенiи мира. — «И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань». — Тутъ же и подробное описанiе задуманнаго похода и убiенiя Игоря. — Далѣе: «Вольга же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, воевода (же) бѣ Свѣнелдъ, тоже отець Мистишинъ». — Далѣе преданiе о мести Ольги.

— 6454. «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многы и храбры, и иде на Деревьску землю». Преданiе о битвѣ и о послѣднемъ мщенiи Ольги. «И възложи на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ... И иде Вольга по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки». Прибавлено: «суть становища еѣ и ловища».

— 6455. «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани». Далѣе позднѣйшимъ лѣтописцемъ замѣчено: «Ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты; и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи доселе».

8-я группа. 6463 (955).

— Иде Ольга въ Греки... и крести ю царь... Бѣ же рѣчено имя ей во крещеньи Олена». Довольно подробное преданiе. Годъ не вѣренъ: сравн. у Конст. Порфиророднаго.

9-я группа. 6472—6480 (964—972).

— 6472. Преданіе о бытѣ Святослава и его воевъ. Далѣе: «(Святославъ) иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи. И рече Вятичемъ: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ».

— 6473. «Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ и съступишася битися. И бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ, и градъ ихъ Бѣлу вѣжю взя. Ясы побѣди и Касогы».

— 6474. «Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи».

— 6475. «Иде Святославъ на Дунаи на Болгары. Бившемъся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви. Сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на Грьцѣхъ».

— 6476. «Придоша Печенѣзи на Руску землю первое». Преданіе объ осадѣ Кіева и о воеводѣ Прѣтичѣ. Далѣе: «Святославъ... собра вои и прогна Печенѣги въ Поле».

— 6477. Преданіе о смерти Ольги. «Умре Олга іюля въ 11 день» (Псков.; Похвала Іакова кн. Владиміру).

— 6478. «Святославъ посади Ярополка въ Киевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ»... Тутъ же разсказъ о приходѣ Новгородцевъ за княземъ, о Владимирѣ и Добрынѣ. «Иде Володимиръ съ Добрынею уемъ своимь Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю».

— 6479. «Приде Святославъ въ Переяславець». Слѣдуетъ разсказъ о войнѣ и о заключеніи мира съ Греками: лѣтописное сказаніе перемѣшано съ преданіями. По окончаніи войны съ Греками Святославъ вышелъ изъ Болгаріи, перешелъ черезъ море. Печенѣги «заступиша порогы, и приде Святославъ къ порогомъ и не бѣ льзѣ пройти порогъ, и ста зимовати въ Бѣлобережьи (= лузѣ моря и на Бѣлѣ берегу, бѣ бо зима приспѣ); и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча».

— 6480. «Веснѣ же приспѣвши, поиде Святославъ въ пороги, и нападе на нь Куря, князь Печенѣжьскии, и убиша Святослава. Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху по немь». Тутъ лѣтописная запись соединена съ преданіемъ.

Далѣе лѣтопись продолжается въ такомъ же видѣ и по смерти Святослава:

10-я группа. 6481—6486 (972—978).

— 6481. «Нача княжити Ярополкъ..., и воевода бѣ у него Блудъ» (Соф. Воскр).

— 6483—6485. Разсказъ о дѣлѣ Олега съ Лютомъ и о смерти его.

— 6486. «Побѣди Ярополкъ Печенѣги и възложи на нихъ дань» (Ник.).

11-я группа. 6488—6494 (980—986).

— 6488. Разсказъ о походѣ Владимира на Ярополка, о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ и смерти Ярополка, о раздачѣ городовъ Варягамъ, о поставленіи Добрыни посадникомъ въ Новѣгородѣ.

— 6489. Запись о походѣ Владимира на Ляховъ и на Вятичей.

— 6490. О второмъ походѣ на Вятичей.

— 6491. О походѣ на Ятвяговъ.

— 6492. О походѣ на Радимичей.

— 6493. О походѣ Владимира съ Добрынею и съ Торками на Болгаръ.

— 6494. О пріемѣ пословъ съ предложеніями о принятіи вѣры.

Не смотря, впрочемъ, на общее сходство лѣтописныхъ сказаній о событіяхъ по смерти Святослава со сказаніями о прежнемъ времени, нельзя кажется не отличить разсказовъ о судьбѣ Люта и Ярополка, какъ очень отличныхъ отъ всего остальнаго: они составляютъ одну цѣльную повѣсть, раздѣленную на части

по годамъ случайно. Мнѣ кажется, въ этомъ можно также видѣть доказательство, что древнѣйшая лѣтопись продолжалась только до смерти Святослава.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Черты быта русскаго народа по лѣтописнымъ сказаніямъ X вѣка.

Не смотря на всю бѣдность древнихъ лѣтописныхъ записей, есть возможность извлечь изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о языкѣ, а вмѣстѣ о бытѣ и обычаяхъ того времени: стоитъ только обращать вниманіе на слова и выраженія. Представляю эти данныя въ томъ же порядкѣ, какому слѣдовалъ и въ изслѣдованіи о договорахъ съ Греками.

I. Народъ, его бытъ осѣдлый, города и села, погосты, мѣста; занятія: хлѣбопашество и звѣриная ловля. — Семья: роды, мужъ и жена, порученье сына, уй. Положеніе женщины.
II. Власти: князь, каганъ, мужи, людіе, рабы. Дань.
III. Военные обычаи. Торговля, деньги, пути и судоходство.
IV. Понятія о мирѣ, тали. Вѣра.
V. Постановленія о рядахъ и о наслѣдствѣ.

I.

Народонаселеніе земли, получившей названіе Русской, состояло изъ двухъ главныхъ племенъ: Славянскаго и Финскаго. Къ одному принадлежали Словѣне Ильменскіе, Кривичи, Вятичи, Радимичи, Сѣверяне, Поляне, Деревляне, Хорваты, Тиверцы, Уличи; къ другому — Чудь, Весь, Меря, Мурома. Нельзя не думать, впрочемъ, что и между послѣдними жили Славянскіе роды, судя по именамъ нѣкоторыхъ мѣстностей, каковы: Бѣло-озеро,

Ростовъ (городъ Роста, какъ Ростиславль—городъ Ростислава). Главнымъ племенемъ было Славянское, или по крайней мѣрѣ Финское племя имѣло гораздо менѣе значенія для лѣтописца. Большая часть лицъ, означенныхъ именами, принадлежитъ, судя по этимъ именамъ, къ племени Славянскому (см. ихъ обозрѣніе ниже, въ прибавленіи). Насильники главнаго народонаселенія были Варяги, Козары, Печенѣги (съ 6375=867).

Если не весь этотъ народъ, то по крайней мѣрѣ большая часть его вела жизнь осѣдлую, въ домахъ, занимаясь звѣриною ловлею и хлѣбопашествомъ. *Дымъ* и *рало* — печь и плугъ были представителями жизни. *Рало* (рало, орало, радло) до сихъ поръ остается общимъ достояніемъ всѣхъ Славянъ, принадлежа впрочемъ и другимъ народамъ Европы. Одного происхожденія съ раломъ было, кажется, и *роля* (роля, оролье, раль)—взоранное поле, нива, пашня. *Дымъ* принимался у насъ въ старину, а въ нѣкоторыхъ краяхъ остается и до сихъ поръ (см. Област. Великорус. словарь), въ такомъ же смыслѣ, какъ у Римлянъ focus (очагъ): отсюда и областное названіе деревень *дымницами*. Домы назывались и *вежами*. Что *вежа* значила домъ, этому служатъ доказательствомъ *вежи*, бывшія въ Коростенѣ: вспомнимъ кстати *вежу* въ Дорогобужѣ (въ Сказаніяхъ о чудесахъ Бориса Глѣба: чудо о Николѣ). Въ Люнебургскомъ нарѣчія значеніе вежи въ смыслѣ дома утвердилось исключительно (wiso=визо=вижа). Впрочемъ вежею называлась и палатка, балаганъ: Угры, шедшіе мимо Кіева, стали у Днѣпра вежами. Позже упоминаются вежи Половецкія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вежею называлось и что то болѣе палатки, балагана и обыкновеннаго дома: объ этомъ отчасти можно судить по тому, что городокъ Козарскаго кагана Саркелъ назывался на Руси *Бѣлой вежею*: это напоминаетъ о томъ значеніи *вежи*, которое доселѣ удержалось у Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ—большая каланча, башня.—Всѣ постройки были деревянныя: упомянутъ только одинъ *теремъ каменный* Ольги, стоявшій внѣ города Кіева. — Жили *дворами*. Упоминается между прочимъ о *дворѣ теремномъ* внѣ города и о

дворъ княжемъ въ городѣ. Во дворахъ помѣщались всѣ постройки, нужныя для жилья. Въ преданіи о мести Ольги надъ Коростенцами довольно подробно обозначены эти постройки: «Волга же раздая воемъ по голуби комуждо а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь (=чирь)... и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи... Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи, и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вѣжѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идеже не горяше... и побѣгоша людье изъ града». Изъ этого мѣста видно, что разница была между вежами, клѣтьми и одринами; но какая именно разница, представить себѣ трудно.— При дворахъ были *бани*. Въ Новгородѣ были «бани древены, и пережьгуть е рамяно». Въ Кіевѣ «Деревляномъ пришедшимъ повелѣ Ольга *мовь* створити..., пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти, и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ двери».

Нельзя не ожидать, что древнія жилья стояли частію и отдѣльно: такое отдѣльное жилье, безъ отношенія къ числу дворовъ, со всѣмъ, что къ нему принадлежало, называлось *селомъ*. Этимъ словомъ въ Новомъ Завѣтѣ переводилось слово ἀγρός ager, усадьба, хуторъ. Сельбища болѣе важныя были *мѣста* и *погосты*. О тѣхъ и другихъ есть одно только упоминаніе лѣтописца, можетъ быть, и по преданію: «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ *повосты* (=погосты) и дани..., ловища ея суть по всей земли, знамянья и *мѣста* и *повосты*». Довольно частое упоминаніе о погостахъ въ послѣдующее время не оставляетъ сомнѣнія, что погосты были прежде всего отдѣльными сельбищами, потомъ собраніями такихъ сельбищъ, изъ которыхъ одно было главнымъ, а другія въ отношеніи къ нему выселками, и какъ вторичное получили значеніе религіозное — приходовъ и церквей, и гражданское — волостей съ центрами волостнаго управленія (Изв. 2-го отд. Ак., т. II, стр. 261 — 265). Ольга уставила погосты по Мстѣ, т. е. назначила, гдѣ быть имъ: это еще, конечно, не зна-

читъ, что до Ольги погостовъ не было вовсе, или что всѣ, какіе были въ то время, всѣ безъ исключенія были подъ зависимостью Ольги. То же разумѣть должно и о *мѣстахъ*. Не одинъ разъ находимъ въ нашихъ древнихъ сказаніяхъ *мѣсто* въ смыслѣ особеннаго сельбища. Такъ напр. въ Повѣсти врем. лѣтъ читаемъ (стр. 66): Ярославъ «церкви ставляше по градамъ и по *мѣстомъ*», въ Лавр. лѣтописи (на стр. 198): «нѣсть *мѣста*, ни *веси*, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идѣ же (Татарове) не воеваша»; въ другой лѣтописи (Ипат. л. подъ 6798): «въѣха въ *мѣсто*, а въ городъ нелзѣ бысть въѣхати..., зане боряху крѣпко изъ него». Жители мѣста назывались *мѣстичами* (Ипат. лѣт. стр. 216), именемъ, которое напоминаетъ настоящее *мѣщане*: ср. Рус. *мѣшкать* — медлить, и Польск. mieszkać — жить въ мѣстѣ = Лат. morari — останавливаться на мѣстѣ или съ какимъ-нибудь дѣломъ. Въ такомъ смыслѣ, какъ подобнозначущее слову городъ въ нынѣшнемъ значеніи или слову *варошъ*, слово *мѣсто* знакомо многимъ Славянамъ, какъ сѣверо-западнымъ (Польск. miasto, miasteczko, Срб. Луж. и Чеш. město, městečko), такъ и югозападнымъ (Хорут. Хорв. Срб.). Какъ *мѣсто* въ значеніи города у нѣкоторыхъ Славянъ (у Поляковъ miasto, у Чеховъ město) отдѣлилось по выговору отъ мѣста вообще (Польск. miesce, miejsce, Чешское místo); такъ отдѣлились и въ Нѣмецкомъ Statt (мѣсто) и Stadt (городъ). Два похожихъ смысла соединяется и во Франц. словѣ place, перешедшемъ въ обоихъ смыслахъ и въ Нѣмецкій языкъ (Platz), гдѣ употребляется въ обоихъ подобныхъ значеніяхъ еще и Ort. — *Города*, жилыя мѣста, огороженныя стѣнами, земляными, деревянными или каменными, были также у всѣхъ Славянъ. Такими городами у Русскихъ Славянъ были въ IX—X в. на сѣверѣ: Ладога, Новгородъ, Бѣло-озеро, Муромъ, Ростовъ, Изборскъ, Полотскъ, Смоленскъ, на югѣ: Любечь, Кіевъ, Вышгородъ, Искоростѣнь и пр. Ихъ *рубили*, т. е. окружали деревянными стѣнами. Такъ Рюрикъ срубилъ Новгородъ и другіе города, не названные въ лѣтописи по именамъ. Олегъ также *ставилъ* города. — Жителями ихъ были, сколько

видно, не одни мирные граждане, а преимущественно воины, военныя дружины.

— Живя осѣдло, Русскіе Славяне признавали узы семейныя. Ихъ первоначальное основное дѣленіе было по *родамъ*. На нѣкоторыхъ названіяхъ частей народа легла очевидная печать этого: Кривичи, Вятичи, Радимичи, Дряговичи, Уличи. — Кромѣ упоминаній о мужѣ, женѣ, сыновьяхъ, братьяхъ, уѣ (уй, уйць — дядя по матери), есть любопытное упоминаніе о значеніи рожденія: «Володимеръ (сынъ Святослава) бѣ отъ Малуши ключницѣ Ользины» (слѣдовательно другіе два сына его были отъ другой матери). Позже называли Владимира по матери робичичемъ, сыномъ рабы (6488 г.), какъ бы незаконнымъ; тѣмъ не менѣе за нимъ осталось княжее право.—Значеніе женщины рисуется въ Ольгѣ: она не была по смерти мужа великой княгиней, но имѣла всю власть правительницы и кромѣ того владѣла своимъ особеннымъ княженіемъ, Вышегородомъ.

II.

Власть сосредоточивалась въ лицѣ *князя*. Кромѣ современныхъ замѣтокъ въ наши лѣтописи занесены и преданія о князьяхъ. Южное преданіе, очень ясное, говоритъ, что Кій княжилъ въ родѣ своемъ; городъ Кіевъ былъ ему свой, тутъ онъ и животъ свой скончалъ; братья его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь тутъ же скончались. «По сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ». Лѣтописецъ южный сохранилъ преданіе и о томъ, что въ другихъ краяхъ были также свои собственные князья, особыя княженія: «въ Деревѣхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Подъ 6370 годомъ записано въ лѣтописи, что Ильменскіе Славяне «изъгнаша Варяги... и почаша сами въ собѣ володѣти»: ясно, что передъ этимъ владѣли ими также князья Варяжскіе. Это заключеніе подтверждается сѣверными сагами, между прочимъ сагою о Герфорѣ. Изгнаніе владѣтеля повело за

собою то, что «въста родъ на родъ». Народъ одумался, «рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву» — и вслѣдствіе этого «изъбрашася три братья» — Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Въ этомъ событіи видимъ первый образецъ того своеволія, которое послѣ не разъ возмущало Новгородъ, и выказалось очень скоро послѣ прихода Рюрика. Принявъ Рюрика, Новгородцы были недовольны и имъ, и возмущались; позже, при Святославѣ, нуждаясь въ князѣ, они обратились къ Владимиру и т. д. Быть недовольными своимъ избраннымъ князем и, изгнавши его, искать другого—таковъ былъ обычный порядокъ въ Новѣгородѣ, «таковъ бѣ ихъ обычай», какъ замѣтилъ уже древній лѣтописецъ (Лавр. лѣт. подъ 1186 г.). Ясно, что призваніе Рюрика важно не по особенности событія, а только по послѣдствіямъ, по тому, что вслѣдствіе призванія Рюрика одинъ домъ Рюриковичей утвердился во всей землѣ Русской, и что вслѣдствіе утвержденія этого дома всѣ другіе домы должны были одни за другими пасть. Безъ этого, призваніе Рюрика, какъ частное Новгородское событіе, не первое и не послѣднее, осталось бы очень неважнымъ и для самого Новгорода, не только вообще для Русской земли.

Говоря о княжеской власти, нельзя не остановиться на словѣ *каганъ*, которымъ иногда назывался князь Кіевскій. Слово это встрѣчается въ древнихъ лѣтописяхъ, какъ названіе хана Козарскаго. «Козари изидоша противу (Святослава) съ княземъ своимъ *каганомъ*». И дѣйствительно у Козаръ, какъ у Аваръ, владѣтель назывался *каганомъ*. Въ словѣ же Иларіона *каганомъ* называется Владимиръ. Это сопоставленіе не должно ли вести къ заключенію, что Козарское владычество въ южно-Русскихъ земляхъ повело между прочимъ къ тому, что у нихъ утвердилось слово каганъ, какъ домашнее, съ идеей верховнаго правителя, великаго князя? За словомъ же князь вообще сохранялась первичная идея *родоначальника*, господина дома и дружины.—Князь Кіевскій, какъ верховный, могъ и другимъ раздавать власть княжескую, сажать князьями: такъ Святославъ посади Ярополка

княземъ въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ, и «вдалъ» Володимера Новгороду.

Власть княжеская сосредоточивалась въ городахъ. Это видно между прочимъ и изъ того, что вслѣдствіе завоеванія земель сажались мужи въ городахъ земли: такъ еще Рюрикъ (6370) раздавалъ своимъ мужамъ волости и города «овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро»; такъ и Олегъ, во время похода своего съ сѣвера на югъ, посадилъ мужей своихъ и въ Смоленскѣ, и въ Любечѣ. Къ каждому городу принадлежала своя *земля* (край и народъ вмѣстѣ), бывшая подъ данью и въ этомъ смыслѣ становившаяся *волостью* (отъ владу, власти), собственностью. Первоначальное завладѣніе было *одолѣніе* (побѣда въ нынѣшнемъ смыслѣ), второе—*побѣда* (покоренье). *Ятися по дань*—согласиться на платежъ дани; *ити по дань*—идти въ походъ за данью. Дань могла быть и вслѣдствіе только одолѣнья: такая дань была взимаема и съ Грековъ. Дань была различная: мѣхами (бѣлками, кунами), деньгами (щелягами); бывала *легкая* (6392) и *тяжкая* (6454); могла быть повторяема немедленно вслѣдъ за взятіемъ (какъ видно изъ дѣлъ Игоря). Уже самое различіе дани предполагаетъ, что дань принималась въ разныхъ смыслахъ. Дань съ Грековъ по случаю одолѣнья есть первичный родъ дани. И другія дани назывались тоже данями, но назывались и иначе. Такъ были еще и *оброки*: Ольга уставила по Лугѣ *оброки* и *дани*, а по Мстѣ только *дани* по погостамъ. *Оброкъ* былъ конечно чѣмъ то впередъ опредѣленнымъ, расчитаннымъ и постоянно повторяющимся, тогда какъ дань могла быть взята и одинъ разъ. Вѣроятно, оброки были тоже что *уклады* = *вкладу*, о которыхъ упоминается при Олегѣ: «и заповѣда Олегъ *дати* воемъ... по 12 гривенъ на ключь (вотъ это дань въ первичномъ смыслѣ), и потомъ *даяти уклады* на Русскыа грады: первое на Киевъ, таже (потомъ) на Черниговъ и на Персаславль и на Полтѣскъ и на Ростовъ и на Любечь и прочаа городы». Эти *уклады* на города напоминаютъ о дани тяжкой, которую наложила Ольга на Древлянъ: «2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду

къ Ользѣ». Тутъ хоть и упоминается просто о *дани*, но не одновременной.

На кого же собиралась эта дань? Если-бъ только на князя, то были бы упомянуты имена князей, а не городовъ. Въ городѣ владычествовалъ князь вмѣстѣ съ мужами своей *дружины*. *Мужи* дружины составляли высшее сословіе, противоположное простому народу подвластному, землѣ, людямъ, свободному лично, но общественно зависимому. Мужи были воеводами, посадниками въ городахъ, слами. Кормилецъ княжича, воспитатель, дядька, gubernator и altor вмѣстѣ (срав. кърма--руль и кърмъ—пища), какимъ былъ Асмудъ у Святослава, былъ, вѣроятно, изъ мужей.

Замѣчателенъ переходъ изъ сословія въ сословіе: Добрыня былъ мужь при Володимерѣ, а былъ онъ братъ рабыни Ольгиной Малуши, сынъ Любечанина Малка. Не то ли же было и съ Добрыней, что позже (992 г.) съ отрокомъ усмошвецомъ и съ его отцомъ, которыхъ обоихъ за услугу сына, поборовшаго Печенѣжскаго силача, Владиміръ сдѣлалъ великими мужами?

Людіе Новгородскіе, которые явились въ Кіевъ къ Святославу просить себѣ князя и взяли Владиміра, безъ сомнѣнія, были изъ такого важнаго слоя народа, какъ и княжіе мужи.

Впрочемъ *людьми* назывались и вообще всѣ свободные. Къ этому слою, вѣроятно, принадлежали и *гости*, люди торговые. Какое значеніе имѣли *гости*, видно изъ преданія о приходѣ Олега въ Кіевъ и о вызовѣ имъ Аскольда.

Простой народъ состоялъ изъ свободныхъ плательщиковъ дани и изъ *рабовъ*. Рабами дѣлались вслѣдствіе военнаго порабощенія. Такъ Ольга, побѣдивши Древлянъ, «старѣйшины града изънима (взяла въ плѣнъ), и прочая *люди* овыхъ изби, а другия *работь предасть мужемъ своимъ*, а прокъ ихъ остави платити дань»—именно ту тяжелую дань, о которой помянуто прежде.

III.

Разсматривая военные обычаи Руси этого отдаленнаго времени, надобно прежде всего отмѣтить разницу между *дружиной*

и *воями*.— Подъ именемъ *воевъ* разумѣлись вообще всѣ ратники, собираемые для похода. Шли съ *воями* на Грековъ и Аскольдъ и Диръ, и Олегъ, и Игорь, и Святославъ. Какъ разнообразенъ былъ составъ этихъ воевъ, можемъ судить по одному примѣру: Олегъ въ 6415 году, идя въ походъ на Греческую землю, повелъ съ собою на коняхъ и въ корабляхъ Варяговъ, Чудь, Славянъ, Кривичей, Мерю, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ, Тиверцевъ. Даже и Печенѣги бывали въ числѣ воевъ (6452). Наемъ Печенѣговъ — такое же обстоятельство, какъ и вызовъ изъ за моря Варяговъ (6449). Такихъ воевъ набирали только на одинъ походъ, на одно лѣто, на одно дѣло: платою были грабежь и, можетъ быть, часть дани побѣжденныхъ. Если мало бывало одного ополченья, то собирали другое. Какъ это дѣлалось, какъ ихъ пристроивали (6479), объ этомъ не осталось никакихъ данныхъ. Ихъ начальникомъ былъ *воевода*. Такимъ, во время Игоря и послѣ, былъ Свѣнельдъ (6422).— Не то была *дружина*. Святославъ, узнавъ въ Переяславцѣ о нападеніи Печенѣговъ, сѣлъ съ *дружиною* на коней, пришедши въ Кіевъ собралъ *воевъ*, и тогда уже пошелъ на Печенѣговъ. Имя дружины поминается во время Игоря (6452): Игорь совѣщался съ дружиною и примирился съ Греками. Онъ же вмѣстѣ съ своею дружиною погибъ (6453). Это, впрочемъ, не значитъ, что до Игоря дружинъ не было. Она скрыта въ лѣтописи подъ названіемъ *рода*. «Вятко сѣде съ *родомъ* своимъ на Оцѣ; отъ него же прозвашася Вятичи»; Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ явились на зовъ княжить «съ *роды* своими»; Аскольдъ и Диръ (6373) пошли въ Кіевъ съ *родомъ* своимъ. Тутъ *родъ* принимать должно въ томъ же военномъ смыслѣ, какъ послѣ употреблялось слово *чадь* = *челядь* (= родъ): вся мужеская часть дома, и свои и близкіе, хотя бы не родные и не подвластные (ср. Лат. familia, gens). *Дружина* — постоянное войско, къ которому принадлежали всѣ *мужи* и *отроки* (ср. Греч. παῖς — дитя, отрокъ, рабъ, παῖδες — челядь). Они были, конечно, всѣ всадники и меченосцы, тогда какъ вои были всѣ

или преимущественно пѣшіе и вооружались, чѣмъ кто могъ. Непосредственный начальникъ княжеской дружины былъ самъ *князь*. У воеводъ были свои дружины; такъ была своя дружина у Свѣнельда.

Оружіе было общимъ названіемъ вооруженія. Къ нему принадлежали брони, щиты, мечи.— О *мечѣ* важное мѣсто по преданію занесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ относительно Козаръ: Явились Козары къ Полянамъ и потребовали дани. Поляне сдумались и дали отъ *дыма мечь*. Пошли Козары къ князю своему и къ старѣйшинамъ и сказали: вотъ нашли то мы новую дань! Увидя мечь, замѣтили старцы Козарскіе: не хороша эта дань, князь нашь! мы дошли до дани оружьемъ объ одномъ лезвеѣ (саблями), а у этихъ оружье обоюдуостро (мечь): эти мечники будутъ брать дань и съ насъ и съ другихъ народовъ. И сбылось то, потому что они говорили не по своей волѣ, а по Божьему повелѣнью.— Другое важное мѣсто лѣтописи, занесенное въ нее, можетъ быть, также по преданію, касается размѣна оружія для скрѣпленія дружбы: Прѣтичь, мѣняясь оружіемъ съ княземъ Печенѣжскимъ, далъ ему *бронѣ*, *щитъ*, *мечь*, а отъ него получилъ коня, саблю и стрѣлы.

Затѣявъ войну (рать), заратившись, и отправляясь въ походъ (*идти*, *ходить*—значитъ отправляться въ воями далеко) на коняхъ и пѣшкомъ, войско имѣло съ собою *кола*, *возы* (обозъ), необходимые между прочимъ и для везенья *брашна*. Что это было съ воями обычно, видно изъ отмѣтки обычая Святослава, который «*ходя*, *возъ* по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя..., ни шатра имяше» (6472).—Судовая рать была употребляема не всегда; но въ походахъ на Болгаръ и Грековъ она всегда составляла необходимую часть. Иногда, какъ и Святославу на возвратномъ пути передъ смертью, суда были необходимы для переправы всего войска, слѣд. и коннаго. Эти суда назывались *ладьями* = *кораблями*. О судахъ ратныхъ важное преданіе занесено подъ 6415 годомъ, о томъ, какъ Олегово войско подвезло свои суда къ Цареграду на колесахъ.

Войско отправлялось *воевать*, т. е. грабить. *Повоевати* землю значило пограбить, набрать въ ней добычу: такъ Игорь, удаляясь изъ Греціи, «повелѣ (= позволилъ) Печенѣгомъ воевати Болгарьску землю». Такъ воевать можно было и безъ открытыхъ битвъ. *Одолѣнье* въ битвѣ давало право на *дань* (6452, 6474, 6475). *Побѣдить* значило покорить: такъ побѣдилъ Святославъ Ясовъ и Касоговъ (6473); а Вятичи и Козары были имъ только *одолѣны*.

Изъ одного частаго упоминанія о походахъ въ лѣтописяхъ уже можно судить, какъ тѣсно были связаны походы съ бытомъ народа. Они были важнымъ средствомъ для обогащенія народа. Не дарамъ же дружина Игоря говорила ему, настаивая на походѣ: «Отроци Свѣнелъжи изодѣлися суть *оружьемъ и порты*, а мы *нази;* поиди княже съ *нами въ дань*, да и ты добудеши, и мы».

— Торговля была тоже средствомъ обогащенія народнаго, поддержанія внутренней промышленности. «Хочю жити въ Переяславци на Дунаи — говорилъ Святославъ — яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся *благая* сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве розноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, *изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь*» (подъ именемъ *скоры* = шкуры понимать должно и кожу и мѣха). И такъ Русь доставляла Болгаріи мѣха и кожи, воскъ и медъ, рабовъ. О вывозѣ *мѣховъ* изъ Руси не только въ Византійскую имперію, но и къ Каспійскому морю говорятъ и Арабскіе историки, упоминая между прочимъ и о пошлинахъ, платимыхъ купцами. Вывозимые мѣха были мѣха лисицъ, бобровъ, соболей; они считались драгоцѣнными. Болѣе обычными были мѣха куньи и бѣльи, которыми платилась дань: о *бѣлѣ* и *веверицѣ* упоминается и въ лѣтописяхъ уже подъ 6367 годомъ, какъ о дани, платимой Сѣверянами, Полянами и Вятичами Козарамъ; позже (6391) упоминается, что Древляне платили Олегу дань по *черной кунѣ*. Важность ловли пушныхъ звѣрей была причиной тому, что и у князей были свои *ловища* (6455). Рав-

нымъ образомъ цѣнилось и пчеловодство, добываніе воску и меду, какъ свидѣтельствуютъ и княжьи *знаменья* (6455).—Привозимые товары изъ Греціи были золото, паволоки, овощи, вино и *всякое узорочье*. Это было данью (6415), это же и товаромъ.

Слѣдствіемъ веденія торговли было заведеніе мѣстъ, гдѣ содержались народные вѣсы, *перевѣсищь*, которыхъ содержаніе принадлежало князю. Словомъ *перевѣсня* въ древнемъ переводѣ Пророчествъ переведено ζυγός—statera, Іерем. XXXII, 10: «поставихъ сребро въ прѣвѣсняхъ». Слово *перевѣсъ*, *перевѣсы*, въ смыслѣ вѣсовъ, находится и въ Русской Правдѣ. Перевѣсища Ольгины были между прочимъ по Днѣпру и по Деснѣ (6455). Перевѣсища были и въ Кіевѣ, какъ видно изъ лѣтописнаго описанія: «Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а *перевѣсище* бѣ внѣ города, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣ же есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею, надъ горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ».

Были въ ходу на Руси въ это время и *деньги*; но безъ сомнѣнія не свои, а привозныя. Радимичи и Вятичи платили дань Козарамъ по *щьлягу* отъ рала (6393—6394), а послѣ ту же дань платили князьямъ Кіевскимъ. Этотъ *щьлягъ*=шелягъ (Пол. szeląg) то же, что Готѳ. skilings, Анг.-Сакс. scilling, др.-Сѣв. scillingr, ст.-Франц. escalin, Итал. scellino, Португ. xelim (ср. Греч. σίκλον=Лат. siclus; Евр. ш'к'л—вѣсить). *Щьлягъ*=*стлягъ* равнялся Греч. златицѣ, какъ видно изъ Судеб. царя Константина (гл. VI): съблудяй же съ чюжею рабою да битъ будеть и да дасть 30 *стлязь*, рекше *златниць* (въ Зак. Льва Мудр. solidos, Розен. стр. 334, Полн. собр. лѣт. VI, 71); а мьзды ему нарицающеся на всяко лѣто 3 *щлязи* предъ послухомъ (тамъ же, стр. 74).—Другою ходячею единицею денегъ была *гривна*: еще Олегъ (6390) «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля (еже до смерти Ярославлѣ даяше

Варягомъ)». Обычность этой денежной единицы доказывается и тѣмъ, что ею измѣрялась цѣнность вещей: во время зимовки Святослава въ Бѣлобережьи «бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча» (6479). Названіе гривны (=ожерелья) какъ будто указываетъ, что это была монетная вещь, употреблявшаяся и для украшенія: срав. др.-Нѣм. *manili* — lunula отъ *mani* — iuba. — Денежною единицею были вѣроятно и *бѣли* (ἄσπροι?).

Торговые пути были, вѣроятно, тѣ самые, что и военные. Въ преданіи, занесенномъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, указанъ водный путь, съ волокомъ отъ Днѣпра къ Ловати, между морями Чернымъ (Русскимъ) и Балтійскимъ (Варяжскимъ) по Днѣпру, Ловати, озеру Ильменю, Волхову и озеру Ладожскому (Неву). Тутъ же означены пути по Двинѣ и по Волгѣ. Были, вѣроятно, и пути изъ Кіева въ землю Древлянъ къ Радимичамъ и Вятичамъ, къ Козарамъ и къ Печенѣгамъ, какъ указываютъ походы князей съ дружинами и впаденія насильниковъ въ Русскую землю.

Судоходство на *корабляхъ* (6415) и *лодьяхъ* (6452) также было, вѣроятно, одно и то же для торговли и для войны. Сказанія о походахъ черезъ Черное море указываютъ не на хорошее устройство кораблей, а на привычку подвергаться опасности, такую же, какая позже была у Запорожцевъ.

IV.

Миръ и *любовь*. Миры съ Варягами (6390), съ Греками (6415, 6420, 6453), съ Печенѣгами (6423) достаточно показываютъ, какъ обычно было для Русскихъ дѣло примиренія съ врагами. Принадлежностью заключенія мира было *положить ряды* (6420), условиться. На основаніи этихъ рядовъ миръ поддерживался клятвою. «Заутра призва Игорь слы и приде на холмъ, где стояше Перунъ; покладоша *оружье свое* и *щиты* и *золото*, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси, а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи». Миръ

поддерживался кромѣ того посредствомъ *талей* — заложниковъ. *Тали* могли означать впрочемъ и *плѣнниковъ*: въ такомъ смыслѣ это слово употреблялось и позже (ср. Новг. I: «Того же лѣта (1242) Нѣмци прислаша съ поклономь. . (говоря): что есмы *изъимали* мужии вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ, мы ваши пустимъ, а вы наши пустите; и *таль* Пльсковьскую пустиша и умиришася». Ипат. подъ 6737 годомъ: «(Князь) поя отъ нихъ 2 мужа и приѣха Кондратови, и створи Кондратъ съ ними миръ и поя у нихъ *таль*; Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ». Новг. I: «Въ лѣто 6825 послаша Новгородци владыку Давида къ князю Михаилу съ молбою, просяще на *окупъ* братьи своеи, кто у князя въ *талехъ*; и не послуша его князь». Такъ и въ грамотахъ напр.: «А како князь серебро поемлеть, тако ему вся *таль* пустити по цѣлованью: Грам. 1317. С. г.г. I, № 12, стр. 16: тутъ же *тальщиками* назывались люди принадлежавшіе къ *тали*). Это значеніе слова таль, было, вѣроятно, первичное.

— *Вѣра*. Было бы здѣсь у мѣста сказать и о язычествѣ Русскомъ, такъ какъ въ древ. лѣтописяхъ нашихъ есть упоминанія о вѣрованіяхъ и обрядахъ языческихъ; но эти упоминанія сами по себѣ, безъ подробнаго сличенія съ другими, незначительны и при томъ, можетъ быть, занесены въ лѣтопись послѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ болѣе ясныхъ указаній,— и потому разборъ ихъ отлагаемъ на другое болѣе удобное мѣсто. Здѣсь же вспомнимъ только, что по свидѣтельству древней лѣтописи главными божествами Русскихъ были Перунъ и Волосъ, что имъ ставились истуканы, передъ которыми совершались клятвы, что погребеніе покойника или по крайней мѣрѣ тризна на его могилѣ считалась важнымъ торжествомъ. Вѣра языческая, не смотря даже на крещеніе Ольги, считалась исключительно господствующею.

V.

Изъ постановленій законныхъ видны очень немногіе. Самое важное касается контрактовъ, *рядовъ*: можно предполагать, что

ряды покладати (6420) было въ обычаѣ не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и въ частныхъ. Еще можно вспомнить о *наслѣдствѣ* и о *попечительствѣ* въ княжескомъ родѣ: Рюрику наслѣдовалъ сынъ Игорь, но до смерти правителя Олега онъ не владѣлъ; Игорю наслѣдуетъ Святославъ, но тоже подъ попеченіемъ матери. Святославъ дѣлитъ свое владѣніе на доли между сыновьями еще при жизни.

Любопытны собственныя имена личныя этого древняго періода.

Именъ Скандинавскихъ очень немного въ лѣтописи. При этомъ стоитъ замѣтить, что уже внукъ Рюрика носитъ Славянское имя *Святослава*, что имя сына Свѣнельда, воеводы Святослава, тоже Славянское — *Мистиша*. Имя Люта, сына Свѣнельдова, было тоже, кажется, Славянское: по крайней мѣрѣ у многихъ Славянъ издревле употреблялось и это имя (Лютъ, Лютикъ, Лютко, Лютята и пр.), и сложныя, отъ него происшедшія (Лютоборъ, Лютогнѣвъ, Лютомиръ, Лютомыслъ и др.).

Въ лѣтописи болѣе именъ Славянскихъ.

Къ незапамятному времени относится *Кыи*, основатель Кіева: и въ древнемъ Чешскомъ было это имя и производное отъ него *Кыята* (Čas. mus. VI. 63). Имя брата его *Щека*, можетъ быть, тоже Славянское: корень щекати = щькати указываетъ на возможность собственнаго имени, а у Словаковъ и употребляется это имя, какъ прозвище. Имя другого брата *Хоривъ* = *Хоревъ* не такъ легко объясняется. Имя сестры ихъ *Лыбедь* также возбуждаетъ сомнѣнія, умноженныя еще болѣе предположеніемъ Миклошича (Chronica Nestoris. I: 193), что оно — Скандинавское: lifandi — vivens, viva.

Тутъ рядомъ можно вспомнить названія городовъ *Любеча*, *Пльскова* и *Ростова*, можетъ быть, данные по именамъ *Люба*, *Пльска* и *Роста*. *Любъ*, *Любецъ*, *Любица* у другихъ Славянъ встрѣчаются часто (Срб.-Луж. Lubij = Libij отъ *Любъ*, какъ

Божій отъ Богъ, вражій отъ врагъ). Съ *Плъскомъ* сравнивается *Плещея* (откуда Плещеевы). *Ростъ* напоминаетъ первую половину имени *Ростиславъ*.

Къ такому же отдаленному времени принадлежатъ *Радимъ* и *Вятко*. Имя *Радимъ* было и у Чеховъ (Čas. mus. VI. 65). *Вятко* = Вятъ напоминаетъ Чешскихъ Wata, Waten (ib. 67. Erben, Regesta, 696). Имя *Кривичей* напоминаетъ о *Кривъ*, такъ же какъ и Пол. Krzywin (Cod. dipl. 1.100). Имя *Дряговичей* заставляетъ думать о корнѣ драгъ=дрѧгъ. Имя *Уличей* могло быть производнымъ отъ собств. имени *Улъ* или *Ула*: у Чеховъ было также имя Ула (Čas. mus. VI. 65).

Гостомыслъ—встрѣчается въ лѣтописяхъ Балтійскихъ Славянъ: Gostomiuslus (Annales Fuld. 844). *Вадимъ*, по видимому, образовано такъ же, какъ и Радимъ, и напоминаетъ Чеш. Wadislaw, такъ же какъ Радимъ—Радиславъ (Čas. mus. 67).

Ольгъ и *Ольга*—имена Скандинавскія (ср. Helgr и Helgi); впрочемъ, и у Чеховъ была *Ольга*, *Olga* и *Woliiha* (Čas. mus. 64. Добр. Gesch. d. Böhm. Sprache, 92).

Святославъ—было и у Чеховъ (Swatoslaw: Шаф. 39: 6; Čas. mus. 66), и у Поляковъ (Swiętoslaw: Cod. dipl. 1: 110, 272).

Сыновья Святослава *Ярополкъ* и *Володимеръ* — имена ихъ обще-Славянскія.

Имя Древлянскаго князя *Малъ* ср. съ Чешск. Maleg, Malič. Было у Чеховъ даже и *Mal*: отъ него Malov civitas (Erben. 51). Дѣдъ Володимера отъ матери былъ *Малкъ* =Чеш. *Malek* (Dial. 64). Мать Володимера *Малуша*: у Чеховъ было имя мужское Mališ (Добр. 97), у Поляковъ и женское Malusza. (Cod. dipl. 111. 4).

Имя дяди Володимера *Добрыня* повторяется у Хорватовъ (Грам. Алмис. 1245 г.) и у Болгаръ. Одинаково съ Добрыня по окончанію Wulkina (De conv. Boyar. около 850), Страхиня (въ Серб. пѣсняхъ: Страхиня Бановичь) и пр.

Мистиша сынъ Свѣнельда—есть вѣроятно Мстиславъ. Ср. Чеш. Mstislaw—Mstiš (Čas. mus. 64).

Прѣтичь—сынъ *Прѣта*? Сравн. Болг. Запрета, Чеш. Протива, Противой. Или же это сынъ Скандинавскаго Фрета? (Куникъ: Rods. 11. 191; Миклошичь: Chron Nest. 194).

Въ числѣ собственныхъ именъ народныхъ имена чужеродцевъ могутъ быть названы Славянскими словами только по грамматическому образованію. Большею частью это собирательныя женскаго рода — на *ь*: Русь, Весь, Черемись, Корсь, Чудь, Пермь, Ямь = Емь, Ливь, — на *я*: Меря, — на *а*: Печера, Зимегола, Мурома, Морд'ва, Лит'ва, Норова. Каждое изъ этихъ именъ означаетъ и народъ и землю его. Нѣкоторые изъ народныхъ именъ чужеродцевъ образованы такъ, что могутъ употребляться во множественномъ, какъ названіе народа съ окончаніемъ муж. рода и какъ названіе земли съ окончаніемъ жен. рода, а въ единственномъ какъ названіе одного лица изъ народа: Варягъ, Варязи, Варягъ, — Печенѣгъ, Печенѣзи, Печенѣгъ,—Грькъ, Грьци, Грькъ,—Българъ, Българи=Българе, Българы, — Козаръ, Козаре, Козаръ, — Объръ, Обри, — Угръ, Угри, — Волъхъ, Волъси. Славянскія народныя имена почти всѣ такого образованія: одни изъ нихъ произошли отъ именъ личныхъ: Кривичи, Дреговичи, Радимичи, Вятичи, Уличи; другія — отъ именъ мѣстныхъ: Поляне, Деревляне, Полочане, Сѣверяне, Бужане, Волыняне. Нѣкоторые темнаго происхожденія: Словѣне, Дулѣби, Тиверьци, Хървати = Хървате. При очень немногихъ есть форма собирательнаго имени: Сѣверь = Сѣверо=Сѣвера, Серебь. При немногихъ же есть названіе края: Поля, Деревля, Волынь.

Имена городовъ образовались частью отъ именъ личныхъ: Кыевъ, Ростовъ, Любечь (кажется, и Черниговъ), село Ольжичи, — частью отъ именъ мѣстъ: Полотьскъ, отъ р. Полоты, Смольньскъ отъ смолы въ смыслѣ глины, Бѣло-озеро, — частью какъ нарицательныя: Новъгородъ, Вышьгородъ, Пересѣченъ (какъ Перекопъ). Нѣкоторыя могутъ быть толкуемы различно: Вручій, Искоръстѣнь, Ладога.

Имена озеръ: Нево (= Ново), Бѣло, Клещино, Ильмерь = Ильмень. Послѣднее, напоминая Польское Ilme=Hylme (по грам. 1136 г.) и Греч. λίμνη, напоминаетъ и областное слово ильмень, значащее озеро. Имена рѣкъ: муж. рода: Дунай, Днѣпръ, Бугъ, Вълхъвъ; жен. рода: Вълга, Ока, Сула, Двина, Десна, Полота, Ловать, Припеть, Семь, Съжь. Изъ нихъ только немногія понятны, другія только звучатъ по Славянски и даже по Русски, нѣкоторыя только при особенной рѣшимости могутъ быть объясняемы по Славянски. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ именъ рѣкъ суть вмѣстѣ и имена людей. Дунай было имя собственное у Русскихъ (Дунай Ивановичь—богатырь), у Чеховъ (Čas. mus. VI: 62, Erben, 643), у Сербовъ (юнакъ Дунай въ пѣсняхъ); Днѣпръ—у Чеховъ (Dobrovski: 99), у Русскихъ (козакъ Днѣпро); Десна—у Сербовъ (Задрянка Десна; ср. Болг. Decë). Нѣкоторыя изъ именъ рѣкъ одинаково извѣстны и другимъ Славянамъ.

ЧТЕНІЯ IV—VII.

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ.

I.

Содержаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Въ нѣсколькихъ лѣтописныхъ сборникахъ и древняго времени (каковы Кіево-Галицкая Ипатьевская лѣтопись, Суздальская Лаврентьевская, Троицкая и др.), и времени болѣе поздняго (каковы Софійскій временникъ, Воскресенская лѣтопись, Никоновская и др.) повторяется частью дословно или съ небольшими видоизмѣненіями, частью съ пропусками и прибавками одна и та же древняя лѣтопись, начинающаяся заглавіемъ: «Се повѣсти (= повѣсть) временьныхъ лѣтъ, отъкуду есть пошла Русьская

земля». Отличить ее отъ другихъ лѣтописей не трудно по содержанію, по нѣкоторымъ статьямъ, исключительно ей принадлежащимъ, между прочимъ и по введенію, хотя и чисто историческому, но тѣмъ не менѣе мало похожему на начала другихъ лѣтописей.

За выраженіемъ «Се начнемъ повѣсть сию» слѣдуетъ въ ней сказаніе о разселеніи народовъ: «По потопѣ трие (= первие) сынове Ноеви раздѣлиша землю». Все это мѣсто взято изъ Византійской хроники, но со вставками. Вставки эти изобличаютъ Русскаго Славянина. Такъ при словѣ Илюрикъ прибавлено «Словѣне»; такъ къ обозрѣнію странъ Афетова колѣна прибавлены свѣдѣнія о народахъ, населяющихъ Русскую землю, о сосѣдяхъ ихъ съ запада и о другихъ Европейскихъ. Мѣсто любопытное. Продолживъ затѣмъ извлеченіе изъ Византійской хроники о судьбахъ потомства сыновей Ноя и появленія 72 языковъ, лѣтописецъ замѣтилъ отъ себя, что «отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣньскъ отъ племени Афетова Норци (= Норици), еже суть Словѣне», — и перешелъ къ разсказу о древнѣйшихъ судьбахъ Славянъ вообще и особенно Русскихъ, объ ихъ разселеніяхъ и раздѣленіяхъ въ земляхъ ими занятыхъ, о ихъ сосѣдяхъ. Эти страницы лѣтописи принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, классическихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Нельзя не удивляться и общей вѣрности показаній лѣтописца, и умѣнью выбрать важныя свѣдѣнія и употребить въ дѣло преданія, не нарушивъ характера разсказа. Въ эту часть разсказа лѣтописецъ внесъ еще два куска изъ хроники Византійской — одинъ для показанія разнообразія нравовъ народныхъ (съ прибавкою о Половцахъ), другой для показанія, что предсказанія исполняются, и для сравненія Козаръ съ Египтянами.

Этимъ оканчивается введеніе въ лѣтопись и затѣмъ представлена *хронографическая основа:* «Въ лѣто 6360 инд. 15 наченшю Михаилу царствовати (т. е. когда Михаилъ III-й началъ уже царствовать), нача ся прозывати Руская земля. О семь бо

увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишеться въ лѣтописаньи Гречьстѣмь. Тѣмъ же отсселѣ почьнемъ и числа положимъ». Главныя основанія его лѣтосчисленія такія: «Отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова... лѣтъ 29, а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кыевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31, а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33..., отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60».

За тѣмъ лѣтописецъ входитъ въ колею погодныхъ записокъ, и выставляетъ между прочимъ и такіе годы, подъ которыми не можетъ занести никакихъ событій.

Въ этихъ погодныхъ записяхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, въ припоминаніяхъ о событіяхъ разнаго рода видимъ:

— дѣла князей, не каждаго безъ исключенія, а тѣхъ, которые по чему нибудь были болѣе замѣчательны для современниковъ, ихъ взаимныя отношенія, подвиги ихъ военнаго честолюбія, ихъ искательства къ пріобрѣтенію власти, ихъ благочестія;

— дѣла военныя вообще Русскаго народа съ внѣшними врагами, гдѣ князья представляются только вождями народа, но не исключительно, такъ что описываются и тѣ войны, гдѣ князья не принимали участія: важнѣе всего Русь, Русская земля; при этомъ сообщаются подробности и о врагахъ Русскихъ;

— нѣкоторыя изъ дѣлъ церковныхъ касательно управленія епархій, касательно монастырей, церквей и т. п., между прочимъ довольно обширныя, и все-таки не всѣ важныя извѣстія о Кіево-Печерскомъ монастырѣ;

— извѣстія о замѣчательныхъ естественныхъ явленіяхъ и случайныхъ событіяхъ.

Не рѣдко слышится голосъ близкаго къ дѣлу современника, гдѣ въ подробностяхъ, гдѣ въ сочувствіи къ событіямъ. Современность записей видна особенно въ такихъ замѣткахъ, которыя и могутъ быть сдѣланы только современниками. Таковы показанія подробностей времени происшествія; напр.

— О времени кончины в. к. Ярослава подъ 6562 г.: «Февраля 20 въ суботу 1-ю поста св. Өеодора»; суббота 1-й недѣли великаго поста приходилась въ 1054 году 19 февр., а не 20: память измѣнила лѣтописцу на одинъ день, можетъ быть потому, что годовщину кончины Ярослава исполняли 20 февраля, тѣмъ не менѣе онъ помнилъ, что то была Өедорова суббота.

— О времени кончины Өеодосія въ 6582 г.: «Наставшю дни осмому въ 2-ю суботу по пасцѣ въ часъ 2 дне предасть душю въ руцѣ Божии мѣсяця мая въ 3 день индикта въ 11 лѣто». Въ 1074 году пасха праздновалась 20 апрѣля, и вторая субота по пасхѣ была точно 3 мая.

— О времени положенія мощей Өеодосія въ церкви въ 6599 г.: «Принесъше положиша и въ цьркви своеи ему въ притворѣ на деснѣй странѣ мѣсяца августа въ 14 дьнь, въ дьнь четвертъкъ въ часъ 1 дне индикта 14». Пасха въ 1091 году была 13 апрѣля; слѣд. 14 августа было въ четвергъ. Подъ этимъ же годомъ означено «знамение въ сълньци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть въ часъ 2 дне мѣсяца маия 21 день»: солнечное затменіе въ 1091 году было дѣйствительно 21 мая.

— О времени смерти в. к. Всеволода въ 6601 г.: «Преставися в. к. Всеволодъ... мѣсяца априля въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстьнѣй и дни сущю четвертъку; въ онь же (дьнь) положенъ бысть въ гробѣ въ велицѣй цьркви св. Софья». Пасха въ 1093 г. была 17 апрѣля, слѣд. четвергъ страстной недѣли былъ точно 14 апрѣля. Подъ этимъ же годомъ отмѣчено подробно и правильно время прихода Святополка въ Кіевъ на вел. княженіе: «прешедши празднѣи недѣли, въ день антипаскы мѣсяца априля въ 24 день». Подъ тѣмъ же годомъ такъ же подробно и правильно означено время битвы съ Половцами у Треполя «въ дьнь възнесенья Господа нашего І. Х. мѣсяца мая въ 26».

— О времени погубленія Итларя и его дружины въ 6603 г.: «Тако злѣ испровьрже животъ свои Итларь въ недѣлю сыро-

пустьную въ часъ 1 дне мѣсяца февраля въ 24 день». Пасха въ 1096 году была 13 апрѣля, а сыропустное воскресенье 24 февраля.

— О бѣгствѣ Олега изъ Чернигова въ 6604 г.: «Мѣсяца мая въ 3 день въ суботу». Пасха въ 1096 году была апр. 13, слѣд. суббота послѣ мироносичной недѣли была 3 мая. Подъ тѣмъ же 6604 годомъ означено время прихода Боняка шелудиваго подъ Кіевъ: «Въ 20 того же мѣсяца въ пятокъ въ часъ дне»—какого именно мѣсяца не сказано,—а выше означено время битвы съ Половцами у Трубежа «иу*н*ия въ 19 день»—(написано иу*л*ия опискою писца вмѣсто иу*н*ия): пасха въ 1096 году была 13 апрѣля, а 20 іюня пришлось въ пятницу (въ іюлѣ же 20 числа пятница приходилась не въ 1096, а въ 1095 году).

— О смерти Всеслава Полотскаго въ 6609 году: «Априля въ 14 дьнь въ 9 часъ дне въ среду». Пасха въ 1101 году была апр. 21; слѣд. середа на 6-й недѣлѣ вел. поста приходилась 10 апр., середа на страстной недѣлѣ поста 17 апр., а на свѣтлой 24 апр.: думаю, что естественнѣе всего относить смерть Всеслава къ 24 апрѣля, полагая, что число 14 вм. 24 явилось по опискѣ писца.

— О затменіи луны въ 6610 году февраля въ 5 день: «Знамение въ лунѣ». Оно было точно 5 апрѣля въ 1102 году.

— О походѣ на Половцевъ въ 6619 году и разбитіи ихъ въ страстной понедѣльникъ 27 марта: пасха въ 1111 году была 2 апр., слѣд. страстной понедѣльникъ приходился точно 27 марта.

Нельзя при этомъ забыть, что лѣтописецъ многое слышалъ и внесъ въ лѣтопись, какъ самъ онъ говоритъ, отъ Яна Вышатича, Кіевскаго воеводы, жившаго 90 лѣтъ и умершаго въ 1106 году, слѣд. родившагося въ 1016 году, и бывшаго уже 38 лѣтъ во время кончины Ярослава.

Лѣтописецъ впрочемъ не ограничивался въ Повѣсти временныхъ лѣтъ занесеніемъ только того, что самъ зналъ или слышалъ отъ современниковъ. Онъ вносилъ въ свои записки преданія и цѣльныя статьи разнаго рода, и притомъ оживлялъ ихъ

своими собственными или занятыми разсужденіями. Всѣ эти вставки придаютъ Повѣсти временныхъ лѣтъ особенный цвѣтъ и значеніе. Выше было представлено, чтó въ этомъ родѣ есть во введеніи. Теперь представляется перечень всего такого въ самой лѣтописи:

— 6370 г. Преданіе о взятіи Кіева Аскольдомъ и Диромъ.

— 6374. Сказаніе о походѣ Аскольда и Дира къ Цареграду: изъ *хроники Византійской*, но тамъ событіе отнесено къ 6373 году, инд. 13.

— 6376. «Поча царствовати Василій»: такъ и въ *Визант. хроникахъ*.

— 6377. «Крещена бысть вся земля Болгарская»: по *Византійскимъ извѣстіямъ* въ этомъ году Болгары получили священниковъ изъ Рима (Chronographie Byz., 448, 13).

— 6390. Преданіе о взятіи Кіева Олегомъ.

— 6398. О переходѣ Угровъ на западъ: изъ *Визант. хроники*. Тутъ же о Славянской грамотѣ и о Константинѣ и Меѳодіи: изъ ихъ *древняго житія*.

— 6410. О войнѣ царя Льва съ Болгарами: *Визант. сказаніе*.

— 6415. О походѣ Олега на Грековъ: а) преданіе, изложенное довольно подробно, и б) выписка изъ *Договора съ Греками*.

— 6420. *Второй договоръ Олега съ Греками*. Преданіе о смерти Олега. Къ нему присоединена выписка изъ *Визант. хроники* о волхвованіяхъ.

— 6421. Начало царствованія Константина: по *Визант. хроникѣ*.

— 6422. Война Симеона Болгарскаго съ Греками: по *Визант. хроникѣ* 6421—6422.

— 6423. Симеонъ у Адріанополя; Сказаніе объ Адріанополѣ: изъ *Визант. хроники* съ прибавками.

— 6428. «Поставленъ Романъ царемъ»: по *Визант. хроникѣ* онъ коронованъ 17 дек. 9 инд. (6429).

поддерживался кромѣ того посредствомъ *талей* — заложниковъ. *Тали* могли означать впрочемъ и *плѣнниковъ*: въ такомъ смыслѣ это слово употреблялось и позже (ср. Новг. I: «Того же лѣта (1242) Нѣмци прислаша съ поклономь. . (говоря): что есмы *изъимали* мужии вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ, мы ваши пустимъ, а вы наши пустите; и *таль* Пльсковьскую пустиша и умиришася». Ипат. подъ 6737 годомъ: «(Князь) поя отъ нихъ 2 мужа и приѣха Кондратови, и створи Кондратъ съ ними миръ и поя у нихъ *таль*; Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ». Новг. I: «Въ лѣто 6825 послаша Новгородци владыку Давида къ князю Михаилу съ молбою, просяще на *окупъ* братьи своеи, кто у князя въ *талехъ*; и не послуша его князь». Такъ и въ грамотахъ напр.: «А како князь серебро поемлеть, тако ему вся *таль* пустити по цѣлованью: Грам. 1317. С. г.г. I, № 12, стр. 16: тутъ же *тальщиками* назывались люди принадлежавшіе къ *тали*). Это значеніе слова таль, было, вѣроятно, первичное.

— *Вѣра*. Было бы здѣсь у мѣста сказать и о язычествѣ Русскомъ, такъ какъ въ древ. лѣтописяхъ нашихъ есть упоминанія о вѣрованіяхъ и обрядахъ языческихъ; но эти упоминанія сами по себѣ, безъ подробнаго сличенія съ другими, незначительны и при томъ, можетъ быть, занесены въ лѣтопись послѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ другихъ болѣе ясныхъ указаній,— и потому разборъ ихъ отлагаемъ на другое болѣе удобное мѣсто. Здѣсь же вспомнимъ только, что по свидѣтельству древней лѣтописи главными божествами Русскихъ были Перунъ и Волосъ, что имъ ставились истуканы, передъ которыми совершались клятвы, что погребеніе покойника или по крайней мѣрѣ тризна на его могилѣ считалась важнымъ торжествомъ. Вѣра языческая, не смотря даже на крещеніе Ольги, считалась исключительно господствующею.

V.

Изъ постановленій законныхъ видны очень немногіе. Самое важное касается контрактовъ, *рядовъ*: можно предполагать, что

ряды покладати (6420) было въ обычаѣ не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и въ частныхъ. Еще можно вспомнить о *наслѣдствѣ* и о *попечительствѣ* въ княжескомъ родѣ: Рюрику наслѣдовалъ сынъ Игорь, но до смерти правителя Олега онъ не владѣлъ; Игорю наслѣдуетъ Святославъ, но тоже подъ попеченіемъ матери. Святославъ дѣлитъ свое владѣніе на доли между сыновьями еще при жизни.

Любопытны собственныя имена личныя этого древняго періода.

Именъ Скандинавскихъ очень немного въ лѣтописи. При этомъ стоитъ замѣтить, что уже внукъ Рюрика носитъ Славянское имя *Святослава*, что имя сына Свѣнельда, воеводы Святослава, тоже Славянское — *Мистиша*. Имя Люта, сына Свѣнельдова, было тоже, кажется, Славянское: по крайней мѣрѣ у многихъ Славянъ издревле употреблялось и это имя (Лютъ, Лютикъ, Лютко, Лютята и пр.), и сложныя, отъ него происшедшія (Лютоборъ, Лютогнѣвъ, Лютомиръ, Лютомыслъ и др.).

Въ лѣтописи болѣе именъ Славянскихъ.

Къ незапамятному времени относится *Кыи*, основатель Кіева: и въ древнемъ Чешскомъ было это имя и производное отъ него *Кыята* (Čas. mus. VI. 63). Имя брата его *Щека*, можетъ быть, тоже Славянское: корень щекати = щькати указываетъ на возможность собственнаго имени, а у Словаковъ и употребляется это имя, какъ прозвище. Имя другого брата *Хоривъ* = *Хоревъ* не такъ легко объясняется. Имя сестры ихъ *Лыбедь* также возбуждаетъ сомнѣнія, умноженныя еще болѣе предположеніемъ Миклошича (Chronica Nestoris. I: 193), что оно — Скандинавское: lifandi — vivens, viva.

Тутъ рядомъ можно вспомнить названія городовъ *Любеча*, *Пльскова* и *Ростова*, можетъ быть, данные по именамъ *Люба*, *Пльска* и *Роста*. *Любъ*, *Любецъ*, *Любица* у другихъ Славянъ встрѣчаются часто (Срб.-Луж. Lubij = Libij отъ *Любъ*, какъ

скомъ спискѣ и то не у мѣста, такъ что можно думать, что въ первыхъ спискахъ Повѣсти врем. лѣтъ его не было.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ вставки даютъ Повѣсти временныхъ лѣтъ особенный цвѣтъ и особенное значеніе; но разсматривать ее какъ лѣтопись, какъ особенный самостоятельный памятникъ своего времени и какъ отдѣльный источникъ свѣдѣній о древней Руси, нельзя иначе, какъ отстраняя вставки. Вставки въ Повѣсти вр. лѣтъ, при изученіи этой лѣтописи, всего болѣе важны для опредѣленія личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и лица лѣтописца; но въ этомъ болѣе важны не только вставки, а на столько же и опущенія замѣтокъ о событіяхъ. Хочу сказать, что имѣя въ виду лѣтописныя сказанія Повѣсти вр. лѣтъ и сличая ее въ этомъ отношеніи съ другими лѣтописями, въ которыхъ находятся сказанія о событіяхъ того же времени, нельзя не замѣтить, что въ ней недостаетъ сказаній о довольно значительномъ количествѣ событій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Лѣтописныя замѣтки, не находящіяся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Разсматривая сказанія, не находящіяся въ древнѣйшихъ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, конечно, не къ чему останавливаться на тѣхъ, которыя видимо присочинены позднѣйшими книжниками и которыми нѣтъ возможности пользоваться для объясненія историческихъ данныхъ и древняго быта народа. Нельзя быть слишкомъ рѣшительнымъ въ приговорѣ только о нѣкоторыхъ изъ сказаній, вошедшихъ въ такъ называемую Никоновскую лѣтопись и не находящихся въ другихъ лѣтописяхъ. Ихъ впрочемъ немного.

Рядъ сказаній, не находящихся въ Повѣсти врем. лѣтъ, начинается 855 годомъ.

— 6367. Въ рѣшеніи Новгородцевъ послать за Варяго-Русскими князьями принималъ участіе старѣйшина Гостомыслъ (Воскр.). О Гостомыслѣ говорится и какъ о посадникѣ Новгородскомъ: «Сѣдоша около озера Ильмеря... и сдѣлаша градъ и нарекоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла». (Соф. Воскр. Ник.).

— 6370. «Старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣгородѣ» (Соф. Воскр. Ник.). Въ древнихъ спискахъ Пов. вр. лѣтъ, кромѣ Лаврентьевскаго: «Придоша къ Словѣномъ первое (=первѣе), и срубиша городъ Ладогу и сѣде въ Ладозѣ старѣй (=старѣйшии) Рюрикъ». Въ Лаврентьевскомъ пропускъ.

— 6372. «Убиенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ (Ник.). Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще, яко быти намъ рабомъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его (Ник.). Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съвѣтниковъ его» (Никон. и др., см. Карамз. 1, 279).

Вадимъ — имя христіанское и вмѣстѣ Славянское: корень вад (Вадъ, Вадко, Вадихна, Чеш. Розвадъ, улица Розважа въ Новгородѣ), окончаніе имъ (Будимъ Срб., Каимъ Срб., Любимъ Рус., Радимъ Рус. и Чеш., Толима Польск.; срав. еще Радомъ, Нечтомъ, Истома, Кострома).

— 6373? «Рюрику же княжащю въ Новѣгородѣ, и роди сынъ и нарече имя ему Игорь. Възрастъшю же Игореви, и бысть храборъ и мудръ, и бысть у него воевода именемъ Олегъ, мужь мудръ и храборъ» (Соф. Воскр. безъ года; въ Ник. означенъ годъ 6373). На этомъ основаніи Игорю при смерти Рюрика (въ 6387 г.) было около 14 лѣтъ.

— 6375. «Возвратишася Асколдъ и Диръ отъ Царяграда въ малѣ дружинѣ и бысть въ Кіевѣ плачь велій (Ник.). Т. л. бысть въ Кіевѣ гладъ велій (Ник.). Т. л. избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Диръ (Ник.). Т. л. избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кіевъ много Новгородцкыхъ мужей» (Ник.).

— 6422. «Бѣ у него (Игоря) воевода именемъ Свентелдъ и

премучи Углеци и възложи на нихъ дань Игорь и вдасть Свентелду. И не вдадяшется (= не дадеся ему) единъ градъ именемъ Пересѣченъ, и сѣдѣ около его 3 лѣта и едва взя и. И бѣша сѣдяще Углици по Днѣпру внизъ, и по семъ пріидоша межи во Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же и дань (=даде дань) Деревскую Свентелду, имаше же по чернѣ кунѣ отъ дыма (=съ дыма). И рѣша дружина Игореви: се далъ еси единому мужу (=мужеви) много» (Соф. Воскр. Ник.).

Въ Пов. врем. л. упоминаются Уличи (Суличи) вмѣстѣ съ Тиверцами:

6393. «(Олегъ) съ Уличи и Тѣверци имяше рать». Кромѣ того во введеніи: «Улучи (= Улутичи) и Тиверци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне». Пересѣченъ поминается еще подъ 1154 г., стоялъ, кажется, у границы Кіевской.

— 6429. «Игорь пристрои вои многи и корабля безчислены» (Соф. Воскр.).

— 6477. «Умре Олга іюля въ 11 день» (Псков.).

— 6481. «Нача княжити Ярополкъ въ Кіевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ» (Соф. Воскр.).

— 6486. «Побѣди Ярополкъ Печенѣги и възложи на нихъ дань» (Ник.).

— 6487. «Пріиде Печенѣжскій князь Илдея и би челомъ Ярополку въ службу. Ярополкъ же пріатъ его и даде ему грады и власти, и имяше его въ чести велицѣ» (Ник.).

— «Т. л. Придоша послы отъ Греческаго царя къ Ярополку и взяша миръ и любовь съ нимъ и яшася ему по дань, яко же и отцу его и дѣду его» (Ник. Воскр.).

— 6488. Подъ этимъ годомъ занесена повѣсть о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ по преданію съ подробностями, которыхъ нѣтъ въ Пов. вр. л. (Лавр. и др.).

— 6491. Сынъ Варяга-христіанина названъ Іоанномъ (Соф. Воскр. Ник.).

— 6496. «(Владиміръ) шедъ, взя Корсунь градъ, князя и княгиню уби и дщерь ихъ за Ждьберномъ, не распустивъ полковъ. И посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити за себе сестры ихъ» (Житіе Влад. Торж. Рум. муз. XV в. л. 394).

— Послѣ брака съ Анною «Володимеръ сотвори чреженіе веліе убогимъ и нищимъ и страннымъ и сиротамъ и вдовицамъ; и по улицамъ сосуды ставяше вина и меду и перевары, и мяса и рыбы и овощи всякия... По сихъ же посла Володимеръ въ Греки къ пресв. Фотѣю патріарху Цареградскому и взя отъ него перваго митрополита Михаила Кіеву и всей Русской земли... Бысть же сей митрополитъ учителенъ зѣло и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зѣло, родомъ Сиринъ» (Ник.).

О первомъ Рус. митрополитѣ Михаилѣ см. Филарета Ист. Рус. ц. I, § 32, Макарія Ист. Рус. ц. I, стр. 20—21. Въ Кіевѣ покоятся мощи; есть надпись, что онъ умеръ въ 992 г. (см. ниже подъ 6500).

— «По семъ многи послы приходиша изъ Грекъ отъ царей со многою честію и съ дары и съ любовію. Приходиша послы изъ Рима отъ папы и мощи святыхъ принесоша Володимеру» (Ник.).

— «Пріиде Печенѣжскій князь Метигай (Метимагакъ) къ Володимеру и вѣровавъ крестися» (Ник.).

— «Поиде Володимеръ со отцемъ своимъ Михаиломъ митрополитомъ къ Кіеву... Крести же Михаилъ митр. 12 сыновъ Владимеровыхъ» (Ник.). При обозначеніи удѣловъ, данныхъ Владиміромъ дѣтямъ, показано, между прочимъ, что Владиміръ «посади Станислава въ Смоленску, Судислава въ Плесковѣ» (Соф. Воскр., въ Ник. подъ 6597).

— «Постави кн. Володимеръ въ Кіевѣ первую церковь св. Георгія ноября въ 26 и, пришедъ изъ Кіева въ Смоленьскую землю, постави градъ въ свое имя Володимерь и спомъ осыпа и церковь св. Богородицю сборную древяну постави и вси люди крестивъ Руськыя и намѣстницы по всей земли» (Соф. Воскр.).

Ноября 26 дѣйствительно празднуется освященіе церкви

св. Георгія въ Кіевѣ. Празднованіе св. муч. Георгія подъ этимъ числомъ означено въ Минеѣ 1097 г., въ Евангеліяхъ—послѣ 1119 г., 1164 г. и до 1250 г., въ Обиходѣ до 1300 г. и др.—О Смоленскѣ см. ниже подъ 6500. О Владимирѣ Смоленскомъ нѣтъ никакихъ извѣстій, а потому можно думать, что въ этомъ сказаніи есть ошибка, т. е. что или вмѣсто Смоленской земли надобно читать Суздальскую землю, или же что въ слѣдъ за упоминаніемъ о Смоленской землѣ должно было стоять упоминаніе о землѣ Суздальской. Второе тѣмъ болѣе вѣроятно, что путь между Кіевомъ и Суздальской землей и позже лежалъ черезъ Смоленскую землю: такъ Глѣбъ шелъ изъ Мурома въ Кіевъ черезъ Смоленскъ. Тѣмъ не менѣе и въ Смоленскѣ была церковь Богородицы: каменную построилъ Владимиръ Мономахъ въ 6609 (Пов. вр. л. по Ипатьев. списку).

— 6497. «Постави владыка Іакимъ церковь деревяную (дубовую) св. Софию, имущи верховъ 13 (въ Новѣгородѣ). И стояла 4 лѣта (= 6 лѣтъ) и поднялась церковь св. Софіа отъ огня мѣсяца марта въ 4 въ суботный день, бывше честно устроена и украшена. А стояше конець Епископли улици надъ рѣкою надъ Волховомъ, идеже нынѣ поставилъ Сотко сотникъ церковь св. страстотерпецъ кн. Рус. Бориса и Глѣба» (2 Новг. 3 Новг.).

О судьбѣ церкви этой и мѣстѣ, гдѣ она стояла, записано во многихъ лѣтописяхъ подъ 6553 и ошибкою еще подъ 6557. — Суббота 4 марта приходилась въ 993 году, и далѣе въ 999, 1021, 1027, 1049, 1055 и т. д.

— 6498. «Приходиша множество Печенѣгъ и многа зла сотвориша христіаномъ. Володимеръ же со множествомъ вои изыде противу ихъ и многихъ изби, и мало отъ нихъ избѣжаша» (Ник.).

— «Того же лѣта посла Володимеръ философа, нарицаемаго Марка Македонянина въ Болгары... Философъ же иде въ Болгары и много глаголавъ имъ слово Божіе. Они же безуміемъ

своимъ объюродѣша. Онъ же возвратися къ Володимеру въ Киевъ и много чествованъ бысть отъ него» (Ник.).

— «Того же лѣта придоша изъ Болгаръ къ Володимеру въ Кіевъ четыре князи и просвѣтишася божественымъ крещеніемъ» (Ник.).

— «Того же лѣта иде Михаилъ митр. Кіевскій... въ Новгородъ Великіи съ епископы Фотѣя патріарха, даде бо ему Фотѣй патр. 6 епископовъ на помощь, и съ Добрынею дядею Володимеровымъ и съ Анастасомъ, и идолы сокруши... и церкви въздвиже и презвитеры постави по градомъ и по селомъ» (Ник.).

— «Т. л. придоша отъ Греческихъ царей послы о любви» (Ник.).

— 6499. «Крестився Володимеръ и взя у Фотія патр. у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина (а Ростову Θеодора Гречина), а по инѣмъ градомъ епискупы, попы и дьяконы, иже крестиша всю землю Русьскую. И бысть радость всюду» (Соф. Новг. 3-я Воскр., ср. и Ник.).

— «И пріиде къ Новугороду архиепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна посѣче (...) и повелѣ въврещи въ Волховъ. И повязавше ужи влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе. И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе! охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ. И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловя сквозѣ великыи мостъ верже палицю свою (на мостъ) и рече: на семь мя поминають Новгородскыя дѣти. Ею же и нынѣ безумнии убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переняти его. Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ. Оли Перунъ приплы къ берви (+ къ берегу), и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣча поплови прочь. Плы изъ свѣта некощное (сирѣчь во тьму кромѣшную)» (Соф. 3-я Новг. Воскр. Псков. Срав. 6500).

— «Того же лѣта пріидоша изъ Грекъ въ Кіевъ къ Володимеру каменосѣчци и зиздателе полатъ каменныхъ» (Ник.).

См. въ Пов. вр. л. извѣстіе о мастерахъ подъ 6497.

— «Того же лѣта бысть наводненіе много» (Ник.).

— «Того же лѣта пріиде Печенѣжскій князь Кучюгъ, иже нарицаемся Измаилите, къ Володимеру въ Кіевъ, и пріатъ вѣру Греческую и служаше Володимеру» (Ник.).

— «Того же лѣта поставлена бысть церковь въ Ростовѣ дубовая, Успеніе св. Богородица, первымъ епископомъ Өеодоромъ Грекиномъ. А служило у той церкви епископовъ семь: 1 еп. Өеодоръ, 2 еп. Ларіонъ, 3 еп. Леонтей чюдотворецъ, 4 еп. Исаія чюдотворецъ, 5 еп. Ефрѣмъ, 6 еп. Несторъ, 7 еп. Леонъ. А стояла та церковь дубовая 100 лѣтъ и 60 и 8 лѣтъ. И погорѣ градъ Ростовъ и церковь дубовая сгорѣла, яко же не бывала такова и потомъ не будетъ» (Воскр.).

Если эта церковь стояла 168 лѣтъ, то она сгорѣла въ 6667 или въ 6668: въ Воскр. и въ Соф. о Ростовскомъ пожарѣ см. подъ 6668 г.

— 6500. «Ходи Володимеръ въ Суздальскую землю и тамо крести всѣхъ. И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ на рѣцѣ на Клязмѣ и церковь въ немъ постави древяну пречистыя Богородица» (Ник.).

См. выше подъ 6496. О г. Володимирѣ (Залѣсскомъ) см. еще подъ 1155 г. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что этотъ городъ основанъ Владимиромъ Мономахомъ (Карамз. II. 238).

— «Того же лѣта посла Володимеръ на Печенѣги, и одолѣша имъ» (Ник.).

— «Того же лѣта пріидоша послы къ Володимеру отъ Болеслава Лятцкаго» (Ник.).

Въ 992 г. Болеславъ сдѣлался княземъ Польскимъ.

— «Того же лѣта преставися преосвященный Михаилъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси» (Ник.).

— «Т. л. взя Владимеръ у блаженнаго патріарха Фотѣя Костянтинограджкаго митрополита Кіеву и всей Руси Леонта» (Ник.).

См. выше подъ 6499 извѣстіе о Леонѣ.

— «Того же лѣта пріидоша послы отъ Андриха Чежскаго съ любовію къ Володимеру въ Кіевъ» (Ник.).

Андрихъ = Олдрихъ (Odalricus), воспитанный при дворѣ импер. Генриха, имѣлъ свой особый удѣлъ, равно какъ и братъ его Болеславъ (III), вѣроятно, еще при отцѣ своемъ Болеславѣ II, слѣд. и въ 992 г.

— «Того же лѣта въ Кіевѣ Леонтомъ митрополитомъ всея Руси Новугороду Великому и Пскову поставленъ бысть епископъ Іакимъ Корсунянинъ. И пріиде къ Новугороду и достолныя требища разори и идолы сокруши и Перуна разсѣче и въ Волховъ вверже» (Ник.).

Ср. выше подъ 6499.

— «Того же лѣта постави Леонтъ митрополитъ... Чернигову епископа Неофита, а въ Ростовъ постави епископа Феодора, а въ Володимерь Стефана, а въ Бѣлградъ Никиту, и по инымъ многимъ градомъ епископы постави» (Ник.; см. выше подъ 6499).

— 6508. «Пріиде Володарь съ Половцы къ Кіеву, забывъ благодѣяніа господина своего князя Владимера, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переяславцѣ на Дунаи, и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ. И изыде нощію во срѣтеніе имъ *Александръ Поповичь*, и уби Володаря, и брата его, и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ и возрадовася зѣло, и возложи на нь *гривну злату* и сотвори вельможа въ полатѣ своей» (Ник.).

Это сказаніе записано, кажется, по преданію гораздо позже событій, вставлено хронологически невѣрно, и изложено перепутанно. Подъ Володимеромъ можно скорѣе понимать Владимира Мономаха, современника первыхъ нападеній Половцевъ. Подъ именемъ Володаря можно понимать брата Василька ослѣпленнаго, который впрочемъ, хотя и могъ быть во враждебныхъ отношеніяхъ съ Владимиромъ Мономахомъ, разумѣется не въ 6508, а въ 6608 году

(1100), когда Влад. Мон. былъ въ Переяславлѣ, однако все-таки не былъ убитъ тогда, а умеръ въ 1124 (см. о немъ у Длугоша). Что касается до Александра Поповича, то это, можетъ быть, одно лицо съ Алешей Поповичемъ.

— «Того же лѣта преставися Рагдай удалой, яко наѣзжаше сей на триста воинъ. И плакася о немъ Володимеръ, и погребе его съ отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтомъ» (Ник.).

— «Т. л. бысть поводь веліа» (Ник.).

— «Т. л. пріидоша послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чежьскихъ и Угорскихъ» (Ник.).

— 6509. «Александръ Поповичь и Янъ Усмошвецъ, убивый Печенѣжьскаго багатыря, избиша множество Печенѣгъ и князя ихъ Родмана и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло и милостыню многу раздаде по церквамъ и по манастыремъ» (Ник. Воскр.).

Родманъ: ср. Срб. Родманъ, образованное такъ же, какъ Драгъманъ, Калиманъ. Котроманъ. Ср. Герм. Radman.

— «Того лѣта посла Володимеръ гостей своихъ аки въ послѣхъ въ Римъ, а другыхъ во Іерусалимъ, и въ Египетъ, и въ Вавилонъ съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ» (Ник.).

— 6512. «Идоша Печенѣзи на Бѣлъградъ. Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца со многими силами. Печенѣзи же слышавше побѣгоша въ поле» (Ник.).

— «Т. л. митрополитъ Леонтъ посади въ темницу инока Андрѣяна скопца. Укоряше бо сей церковныа законы и епископы и пресвитеры и иноки. И помалѣ исправися и пріиде въ покояніе» (Ник.).

— «Т. л. знаменіе бысть въ солнци и въ лунѣ и въ звѣздахъ» (Ник.).

— «Т. л. Андриха Добрянкова храбраго отравою смертною окормиша свои его слуги» (Ник.).

— «Т. л. убиенъ бысть Темирь князь Печенѣжьскій отъ своихъ сродникъ» (Ник.).

— 6516. «Митрополитъ Іоанъ постави церковь камену въ Кіевѣ св. ап. Петра и Павла, и въ Переяславли постави церковь камену, Воздвиженіе Честнаго Креста» (Ник.).

— «Т. л. быша прузи мнози» (Ник.).

— «Т. л. изымаша хитростію нѣкоею славнаго разбоиника нарицаемаго Могута. И егда ста предъ Володимеромъ, въскрича зѣло, и многы слезы испущая изъ очію, сице глаголя: Поручника по себѣ даю, о Владимире, Господа Бога..., яко отнынѣ никако же не сътворю зла предъ Богомъ и предъ человѣки, но да буду въ покаяніи вся дни живота моего. Слышавъ же сіа Владимеръ умилися душею и сердцемъ и посла его ко отцу своему митрополиту Ивану, да пребываеть никогда же исходя изъ дому его. Могутъ же, заповѣдь храня, никако же исхожаше изъ дому митрополича и крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ живяше.... и, провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи о Господи» (Ник.).

Въ Словѣ о полку Игоревѣ вспомянуто о могутахъ: Ярославъ съ Черниговскими былями, съ могуты и съ татраны и съ шельбиры. Была у насъ и фамилія Могутовыхъ (Матв. Могутовъ писецъ поминается подъ 7082 г. А. А. Экс. I, № 304. А. Ист. II. № 57). Могутъ должно значить силачь. Ср. нар. могута=могита—сила; могутный—Чеш. mohutý. Для разумѣнія формы этого слова, какъ имени собственнаго, вспомнимъ слова: Богутъ, Борутъ, Драгутъ, Милутъ, Нѣгутинъ (отъ ж. Нѣгута).

— 6523. «Препод. отецъ нашъ Ефремъ Новоторжскій бѣ въ сія времена» (Новг. 3: слич. 6538).

О Новомъ Торгѣ упомянуто въ Соф. подъ 6643.

— 6524. «Приде Ярославъ на Святополка... и не смѣяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начатъ... И нача воевода Святополчь именемъ Волчій Хвостъ... и нача Днѣпръ мерзнути (Соф. Ник.)... И посла къ нему Ярославъ нощью отрокъ свой, рекъ къ нему: Онь си, что ты тому велиши творити, меду мало варено а дружины много. И (от)рече ему мужь тъ: Рчи тако Ярославу, даче меду мало а дружины много, да къ вечеру вдати. И разумѣ

Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися (Новг. 1, Соф. Ник.). И томъ вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другый полъ Дънѣпра и лодь отринуша отъ берега, и той нощи поидоша на сѣцю (Новг.; = Соф. Ник. Воскр.: Ярославъ же заутра исполчився воемъ противу свѣта перевезеся на ону страну Днѣпра, и высѣде на брегъ, и отринуша лодьи отъ брега, и тое нощи поидоша противу себѣ на сѣчу). И рече Ярославъ дружинѣ (=своимъ воемъ): Знаменайтеся, повивайте собѣ убрусы голову (. . .). И бысть сѣчи злѣ, и до свѣта побѣдиша Святополка» (Новг. 1. Соф. Воскр. Ник.).

— 6525. «Иде Ярославъ къ Кіеву, и погорѣ градъ и церьквеи много, яко до седмисотъ» (Ник.).

— «Ярославъ иде къ Берестію, и заложена бысть св. Софія Кыевѣ» (Новг. 1; ср. ниже 6545) = «Заложи Ярославъ градъ великій Кіевъ, и златыя врата постави, и церковь св. Софіа заложи» (Новг. 2. 3. Соф. Воскр. Ник.).

— «Пріидоша Печенѣзи къ Кіеву и сѣкошася у Кіева, и одва къ вечеру одолѣ Ярославъ Печенѣги, и отбѣгоша посрамлени» (Соф. Новг. 3. Воскр. Ник.).

— 6526. (Послѣ побѣды надъ Ярославомъ Болеславъ) «вниде въ Кіевъ... положи себѣ на ложи... Предславу дщерь Володимерову» (Соф. Воскр. Ник.).

— 6527. «Ярославъ... отпусти я (воя) вся домовь, и давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, яко же списахъ вамъ» (Соф. Новг. 6524 г.).

За этимъ слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Правда Русская — краткая или подробная.

— «Коснятинъ же (сынъ Добрыни, посадникъ) бяше тогда въ Новѣгородѣ, и разгнѣвався на нь в. к. Ярославъ и поточи и въ Ростовъ, и на третіе лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ на рѣцѣ на Оцѣ» (Соф. Воскр. Ник.).

— 6528. «Приходиша Печенѣги, и много зла сътвориша, и поидоша въ своа» (Ник.).

— 6529. (Побѣдивъ Брячислава, Ярославъ) «призва къ себѣ

Брячислава, и давъ ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною за одинъ. И воеваше Брячиславъ съ в. к. Ярославомъ вся дни живота своего» (Соф. Воскр. Ник.).

— 6533. «Поиде в. к. Ярославъ къ Чернигову съ воинствомъ» (Новг. 3, ср. Соф.). Битва была въ ночь рябиную... Послѣ битвы «Якунъ иде за море и тамо умре» (Соф. Воскр.).

— 6535. «В. к. Ярославъ побѣди Чюдь и постави градъ Юрьевъ» (Воскр.).

— 6538. «Родися четвертый сынъ Ярославу и нареченъ бысть Всеволодъ» (Новг. 3).

— «Преставися арх. Акимъ Новгородскiй (бѣ во епископiи 42 лѣта). Бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» (Новг. 2, 3, Соф. Ник.).

Якимъ былъ епископомъ 42 года, слѣд. съ 6496 г.; см. выше подъ этимъ годомъ.

— 6540. «Улѣбъ изиде изъ Новагорода на Желѣзная врата и опять мало ихъ прииде (но мнози тамо погибоша)» (Соф. Воскр. Ник.).

Улѣбъ былъ посадникъ Новг. послѣ Остромира и до Гюряты (упом. въ 6604 г. Новг. Акад. стр. 317). Желѣзныя врата — Дербентъ (Mem. de l'Acad. 1834. II. 218). Вспомнимъ Улѣба въ Договорѣ Игоря и Улѣба тысяцкаго въ 1146—1147 (Ипат. 23, 24, 31).

— 6541—42. «Ярославъ... посади сына своего Володимира Новѣгородѣ и епискупа постави Жиряту (Соф. Ник.) = Ярославъ иде въ Новгородъ и посади въ Новѣгородѣ сына своего Владимира 14 лѣтъ, и жилъ в. к. Ярославъ на Торговой сторонѣ близь р. Волхова, гдѣ нынѣ (стоить) церковь каменная Николая чюдотворца, яже и нынѣ словеть Ярославле дворище (Новг. 3). И людемъ написа грамоту, рекъ: По сей грамотѣ дадите дань. Бяше же хромоногъ, но умомъ свершенъ, и храборъ на рати, и христiянъ (+любя), чтяше самъ книги» (Соф. Воскр. Ник.).

Въ Воскр. по ошибкѣ отнесено это въ 6544 г. Влади-

миръ родился въ 6528 г. (Пов. врем. л.); слѣд. 14 лѣтъ ему было въ 6541—6542.

— 6545. Церковь св. Софіи (Кіевская) совершена (Соф. Воскр.) ноября въ 27 (= въ 25) день (Новг. 3).

По Пов. вр. л. церковь св. Софіи въ этомъ году была только заложена.

— 6546. «Иде в. к. Ярославъ веснѣ къ Кіеву и на зиму ходи на Ятвягы, и не возмаху ихъ взяти» (Соф. Воскр. Ник.).

— 6551. Разсказъ о походѣ Владиміра въ Греческую землю съ подробностями, которыхъ нѣтъ въ Пов. вр. лѣтъ: «Посла в. к. Ярославъ... вои многи, Варягы, Русь... Рекоша Русь Володимеру: Станемъ здѣ на поли; а Варязи рекоша: Поидемъ въ лодьяхъ подъ городъ. И послуша Володимеръ Варягъ, и отъ Дуная поиде ко Цареграду съ вои въ лодіяхъ. Греци же видѣвше, изидоша на море, и начаша погружати въ море пелены Христовы съ мощьми святыхъ, и Божіимъ гнѣвомъ възмутися море, и громъ бысть великъ и силенъ, и бысть буря велика..., прочія же вои Володимеровы... сташа на брезѣ нази» (Соф. Воскр. Ник.).

— 6551. «Той же осени к. в. Ярославъ дасть сестру свою за Казимира. И въ та лѣта обидаше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ дважды на Мазавшане, и рече Казимиру: Еги отець твой Болеславъ побѣдивъ мене и полони людій моихъ за ся, то дай ми за вѣно. И собра Казимиръ людій его Руси полоненыхъ осмьсотъ кромѣ женъ и дѣтей и вда за вѣно Ярославу шурину своему. Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля» (Соф. Воскр. Ник.).

О смерти Моислава въ Пов. вр. л. подъ 6555.

— 6552. «Ходи в. к. Ярославъ Владимировичъ на Литву» (Новг. 3, Соф.).

— «На весну (Ярославъ) заложи Новъгородъ (Соф. Воскр. Ник.) и сдѣла на Софійской сторонѣ каменной городъ» (Новгор. 3).

— 6553. «Съгорѣ св. Софія въ суботу по заутрьніи, въ

часъ 3 мѣсяца марта въ 15» (Новг. 1). «Поднялась церковь св. Софія отъ огня мѣсяца марта въ 4 въ суботный день, бывше честно устроена и украшена (Новг. 2), 13 верхы имущи; а стояла конець Пискупли улици надъ Волховомъ, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену св. Бориса и Глѣба» (Соф. Воскр. Ник. Новг. 2).

Сотко поставилъ церковь св. Бориса и Глѣба въ 1167 = 6675 (Новг. 1, стр. 14). Марта 15 приходилось въ субботу въ 1046 году, равно и марта 1 также въ субботу.

— «Въ то же лѣто заложена бысть св. Софія Новѣгородѣ Володимиромъ княземъ (Новг. 1) при второмъ епископѣ Луки, а дѣлали ю 7 лѣтъ, и устроиша вельми прекрасну и превелику, а въ то время служили во храмѣ св. прав. богоотець Іоакима и Анны. И устроивъ церковь, приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда и начаша подписывати во главѣ и написаша образъ Господа... со благословящею рукою. Во утрій день видѣ епископъ Лука образъ Господень написанъ не благословящею рукою. Иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня иконнымъ писцемъ, глаголющь: писари, писари, о писари, не пишите мя благословящею рукою, напишите мя сжатою рукою: азъ бо въ сей руцѣ моей сей Великій Новъградъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе (слѣдуетъ описаніе образа). А писали Спасова образа годищное время и болѣ.... Освящена бысть церковь св. Софѣи премудрости Божіи мѣсяца септемврія въ 14 день... въ лѣто 6560» (Новг. 3).

— 6558. «Родися Святопълкъ» (Новг. 1).

— 6558 (=6660). «Священа бысть св. Софія въ Новѣгородѣ на Въздвиженіе честнаго креста повелѣніемъ в. к. Ярослава (Соф. Воскр.) при князѣ Ярославли и сынѣ его Володимерѣ епископомъ Лукою Жидятою» (Ник.).

— 6560. «Преставися Володимеръ сынъ Ярослава старѣйшій въ Новѣгороди мѣсяца октября въ 4 день въ недѣлю» (Новг. 2, 1, 3. Воскр. Ник.).

Окт. 4 въ воскресенье приходилось въ 1052 г.

— «Того же лѣта... въ Кіевъ пришли тріе пѣвци изъ Грекъ съ роды своими» (Соф. Новг. 3. Воскр., въ Ник. подъ 6559).

— 6562. По смерти Ярослава «раздѣлиша Смоленьскъ на три части» (Соф.).

— «И прииде Изяславъ къ Новугороду и посади Остромира въ Новѣгородѣ. И иде Остромиръ съ Новогородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много паде съ нимъ Новгородцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдь и взя осѣкъ Декипивъ (=Кедипивъ) сирѣчь Солнца рука» (Соф. Воскр. Ник.).

Въ этомъ сказаніи подъ одинъ годъ, годъ кончины Ярослава, соединены происшествія нѣсколькихъ лѣтъ. Походъ Остромира на Чудь не могъ быть ранѣе 6565 года, потому что и въ этомъ году Остромиръ былъ еще живъ, какъ свидѣтельствуетъ приписка діакона Григорія къ книгѣ евангельской, писанной въ 6564—65 г. для этого посадника Новгородскаго. Походъ Изяслава долженъ былъ быть еще позднѣе: можетъ быть, это—походъ его на Сосоловъ въ 6568 г. *Кедипивъ*—Солнца рука: käsi, käden—рука, päiwä—солнце; или же ket Черем.—солнце; piw Фин.—горсть (рука).

— 6563. «Того же лѣта клевета бысть на архіеп. Луку отъ своего холопа Дудики. И изыде изъ Новагорода и иде къ Кіеву, и осуди и митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо три лѣта (Соф. Новг. 2, Ник.) по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ» (Ник.).

— 6566. «Арх. Лука пріа столъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть. Дудицѣ же холопу оскомины бѣша, урѣзаша ему носъ (=устну и носъ) и (обѣ) руцѣ отсѣкоша, и сбѣже въ Нѣмци (Новг. 2, 1. Соф. Ник.). Сице же и его лукавымъ совѣтникомъ Козмѣ и Даміану достойное воздаша по злодѣанію ихъ» (Ник. подъ 6565).

— 6568. «Преставися арх. Лука, идя изъ Кіева, на Копысѣ мѣс. октября 15. Того мѣсяца преданъ бысть гробу своимъ кли-

росомъ, бывшу ему епископомъ лѣтъ 23» (Соф. Новг. 3, въ Ник. подъ 6567).

— «Того же лѣта ходи Изяславъ на Сосолы (=Сосылъ) и дань даяти заповѣда 2000 гривенъ. Они же, поручившеся дань дати, и изгнаша данникы. На весну же пришедше, повоеваша села о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сътвориша, и до Пскова доидоша воююще. И идоша противу имъ Пьсковичи съ Новгородци на сѣчю, и падоша Руси 1000, а Сосолъ безчислено» (Соф. Воскр. Псков., въ Ник. 6567).

Сосолы = Сосылы, очевидно, жили на западъ или сѣверозападъ отъ Юрьева (Дерпта), слѣд. въ нынѣшней Эстляндіи за Чудскимъ озеромъ.

— 6569. «Поставленъ бысть Новугороду арх. Стефанъ» (Соф. Нов. 3. Воскр., въ Ник. подъ 6568).

— 6574. Приде Всеславъ и взя Новъгородъ съ женами и съ дѣтми, и колоколы съима у св. Софіѣ. О велика бяше бѣда въ часъ тый. И понекадила съима» (Новг. 1) = «Князь Всеславъ сынъ Брячиславль Полоцкой взя Новгородъ до Неревскаго конца и пожже, и поима все у св. Софіи и паникадила и колоколы, и отъиде» (Новг. 3 подъ 6575. Соф.).

— 6575. «Побѣдиша Всеслава на Немизѣ. Того же лѣта яша и на Рши» (Новг. 1. Ср. Пов. вр. л. подъ 6574).

— 6576. «Гнѣвъ Божій бысть: придоша Половци и побѣдиша Русьскую землю» (Новг. 1).

— «Въ то же лѣто высѣкоша Кыяне Всеслава изъ поруба» (Новг. 1).

— «Томъ же лѣтѣ побѣди Святославъ Половцѣ у Снъвьска, а Изяславъ бѣжа въ Ляхы» (Новг. 1. Въ Пов. вр. л. подъ 6575).

— «Иде владыка Стефанъ въ Кіевъ и тамо свои (+его) холопи удавиша его» (Соф. Новг. 3. Ник.).

— 6577. «Поставленъ бысть Новугороду епископъ Ѳеодоръ» (Новг. 2, 3).

— «Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всеславъ бѣжа Полотьску (по Пов. вр. л. это было въ 6576), и погорѣ Подоліе» (Новг. 1).

— «Въ то же лѣто осень мѣс. октября въ 23 на св. Якова брата Господня въ пятницю въ часъ 6 дни опять приде Всеславъ къ Новугороду. Новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ у звѣринця на Кълемли, и пособи Богъ Глѣбу князю съ Новгородци. О велика баше сѣця Вожаномъ, и паде ихъ бесчисельное число, а самого князя отпустиша Бога дѣля. А на заутріе обрѣтеся крестъ честный Володимирь у св. Софіѣ Новѣгородѣ при еп. Өедорѣ» (Новг. 1).=«Побѣди Глѣбъ князь съ Новогородци Всеслава князя на Кзени (=Гзени) мѣсяца октября въ 23 день въ пятокъ на память св. ап. Іякова брата Господня. Велика бѣ сѣча тогда Вожаномъ, а заутра обрѣтеся крестъ князя Володимера въ св. Софѣи на палатахъ, его же взялъ бѣ кн. Всеславъ ратію въ св. Софѣи» (Соф. Воскр. Пск. 1. Ник.).

Окт. 25 въ пятницу приходилось въ 1069 г.

— 6580. Въ описаніи перенесенія мощей Бориса и Глѣба, кромѣ другихъ, обозначены еще Никита Бѣлгородскій (Соф. Воскр.), Стефанъ Бѣлгородскій и Иванъ Холмскій (Ник.). При разсказѣ есть подробности, взятыя изъ Житія, которыхъ нѣтъ въ Пов. вр. л.

— 6581. «Преставися Антоній игуменъ Печерскій, благословивъ и знаменавъ мѣсто церкви св. Богородица (Ник.).

— 6585. «Преставися Өеодоръ арх. Новгородскій» (Новг. 1, Соф. Воскр.), и свои его песъ уяде, и отъ того умре» (Новг. 3).

— 6586. «Поставленъ бысть арх. Новугороду Германъ» (Соф. Новг. 2, 3).

— 6587. «Убиша за Волокомь князя Глѣба мѣсяца маия въ 30» (Новг. 1).

— «Сѣде Всеволодъ опять на столѣ въ Кіевѣ и посади сына своего Володимера въ Черниговѣ, а Ярополка въ Володимирѣ (Изяславича, придавъ ему Туровъ: Воскр. Ник.), а Святополку Изяславичу сидящю въ Новѣгородѣ, а (преже того) Ярополку въ Вышегородѣ, а Володимеру въ Смоленьску» (Соф. Воскр. Ник.).

— 6596. «Бысть знаменіе въ солнци.... маія въ 21» (Соф. Воскр., а въ Пов. вр. л. подъ 6599).

Солнечное затменіе 21 мая было въ 1091 = 6599; а въ 1088 было оно 20 іюля.

— 6597. «Преставися Всеволожа дщи» (Новг. Акад.).

— 6598. «Градъ Переяславль заложенъ бысть каменъ» (Соф. Воскр.).

— 6599. «Преставися Іоаннъ скопечь митрополитъ» (Новг. 1. Въ Пов. вр. л. см. 6597).

— «Пріиде Ѳеодоръ Грекъ митрополичь отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ» (Ник.).

— При перенесеніи мощей Ѳеодосія былъ кромѣ другихъ епископъ Онтонъ Порожскій (Соф.).

— 6603. «Иде Святопълкъ и Володимеръ на Давыда Смоленьску, и въдаша Давиду Новъгородъ» (Новг. 1).

Въ Пов. вр. л. сказано, что Давыдъ пошелъ изъ Новгорода къ Смоленску, а Новгородцы приняли Мстислава.

— «Иде владыка Германъ изъ Новагорода въ Кіевъ и тамо преставися при Ефремѣ митрополитѣ» (Ник.).

— 6604. «Поставленъ бысть епископомъ Новугороду Никита митрополитомъ Ефремомъ» (Ник. Новг. 2. 3. Воскр. По нѣкоторымъ спискамъ Новг. 3—въ 6605).

— 6605. «Томъ же лѣтѣ на весну погорѣ онъ полъ (въ Новгородѣ), а 3-й день дѣтиньць съгорѣ городъ (Новг. 1) = При епископѣ Никитѣ на другое лѣто святительства его бысть въ Великомъ Новѣградѣ пожаръ велми великъ. И въ кондаки его написано: прилежно моленіе за люди своя принося овогда же и граду запаленіе угасилъ еси» (Новг. 3).

— «А Книну (= Илькину) чадь избиша» (Новг. 1. Акад.).

— 6606. (Подъ этимъ годомъ записано событіе, отмѣченное въ Пов. вр. л. подъ 6610).

— 6607. «Заложи Мьстиславъ Володимеричь церковь Благовѣщенья на Городищи (Соф.), иже стоить и до сего дне» (Воскр., по Новг. 2, 3 въ 6611 г.).

— «Священа бысть церкви Успеніе св. Богородици Печерьская Іоаномъ митрополитомъ при в. к. Всеволодѣ Ярославичѣ» (Соф.).

— 6613. «Идоша въ Ладогу на воину (Новг. 1, 2), и погорѣша хороми отъ ручія мимо Славьно до св. Ильѣ» (Новг. 1).

— 6614. «Избиша Половьчѣ на Дунаи» (Новг. 1).

Въ Пов. вр. л. сказано, что Половцы воевали у Зарѣчьска и что ихъ угонили Янъ Вышатичь, братъ его Путята, Иванъ Захарьичь (+ и) Козаринъ.

— «Приплылъ въ Великій Новградъ изъ Рима преподобный отецъ нашъ Антоній: жилъ 40 лѣтъ и преставися въ лѣто 6655 августа въ 3 день» (Новг. 3).

— 6616. «Преставися арх. Никита мѣсяця генваря въ 30 (Новг. 1. 3, по Соф. 15 янв.) и положенъ бысть въ св. Софіи въ Іакимѣ и Аннѣ (Соф.); а на весну почаша пьсати св. Софію стяжаніемъ св. владыки» (Новг. 1. 3).

— 6617. «Бысть вода велика въ Дьнѣпри и въ Деснѣ и въ Припетѣ. И конщяша трьпезницю Печерьскаго манастыря. Въ то же лѣто заложена бысть церкы княземъ Святопълкомъ Кыевѣ» (Новг. 1; по Пов. вр. л. въ 6616).

— «Явися въ Кіевѣ на церкви св. арх. Михаила Златоверхаго птица незнаема; величествомъ бѣ со овна, и сіаше всякими цвѣты, и пѣсни безпрестанно и много сладости имуще изношашеся отъ неа. И сѣде на церкви той 6 дній и отлетѣ; и никто же нигдѣ же можаше видѣти еа къ тому» (Ник.).

Въ 6616 церковь эта была только заложена.

— 6618. «Приде арх. Іоаннъ въ Новъгородъ мѣс. января въ 20 (Новг. 1), попомъ жилъ 20 лѣтъ, отвержеся епископьи» (Нов. 2; по Новг. 3—въ 6616 поставленъ бысть В. Новуграду епископъ Іоаннъ Попынинъ. Ср. Соф. 1).

II.

Соображенія по вопросу, когда и кѣмъ написана Повѣсть временныхъ лѣтъ.

Изъ окончательнаго даннаго того перечня лѣтъ, который помѣщенъ въ началѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ послѣ вступленія, подъ 6360 годомъ, видно, что Повѣсть писана не ранѣе 1113 года. Тамъ отмѣчено, что «отъ смьрти Святославли до смерти Ярославли» прошло «лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Святополкъ Михаилъ, князь Кіевскій, о которомъ здѣсь говорится, скончался «априля въ 16 дьнь 6622 года»: по соображенію показаній другихъ лѣтописей видно, что подъ 6622 годомъ надобно понимать 1113 годъ по Р. Х. Что замѣтка о смерти Святополка Михаила въ перечнѣ лѣтъ сдѣлана современникомъ, это доказывается тѣмъ, что въ Повѣсти временныхъ лѣтъ позднѣйшимъ по времени, еще живущимъ лицемъ является князь Василько слѣпецъ: «Торчинъ», сказано подъ 1097 г. — ослѣпляя Василька, «грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та Василькѣ и *нынѣ*». Князь Василько умеръ въ 1124 году.

Повѣсть врем. лѣтъ написана, впрочемъ, не позже 1115 года: это видно изъ сказанія о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 году въ новую церковь, «юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и *нынѣ*» (Лавр. 78). Церковь эта стояла до 1115 года, въ которомъ освящена новая каменная церковь, куда и перенесены были мощи Бориса и Глѣба въ 1115 году.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ, и между прочимъ въ спискѣ Лаврентьевскомъ 1377 года, есть въ концѣ приписка отъ имени игумена Сильвестра, гдѣ отмѣчено, что онъ «игуменъ Селивестръ написа книгы си лѣтописець въ лѣто 6624 индикта 9», то есть въ 1116 году по Р. Х. Передъ этой припиской

описаны событія 6618 = 1110 года. Изъ этого заключили, что 6618 = 1110 годомъ и оканчивалась Повѣсть временныхъ лѣтъ. Думаю, что такое заключеніе не справедливо, что и описаніе событій 6619 = 1111 года находилось также въ ней, и основываю свою догадку на слѣдующихъ данныхъ:

1. Подъ 6618 = 1110 годомъ подробно описано знаменіе, явившееся надъ Печерскимъ монастыремъ въ видѣ огненнаго столба. «Се же бѣаше не огньныи стълпъ, но видъ ангельскъ». Объяснивши, какъ это онъ понялъ, лѣтописецъ прибавилъ: «Молитвами св. Богородица и св. ангелъ умилосьрдися Богъ и посла ангелы въ помощь Русьскымъ княземъ на поганыя», и болѣе ничего. Для чего это сказано, понять можно только изъ описанія 6619 = 1111 года, какъ оно находится въ такъ называемой Ипатьевской лѣтописи (за исключеніемъ вставки о сеймѣ Долобскомъ): тамъ разсказанъ походъ Русскихъ князей на Половцевъ и ихъ пораженіе на Сальницѣ 27 марта, и между прочимъ отмѣчено лѣтописцемъ, что «падаху Половци передъ полкомъ Володимировымъ невидимо биеми ангеломъ, яко се видяху мнози человѣци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю», что сами плѣнные говорили: «како можемъ битися съ вами, а друзии ѣздяху вьрху васъ въ оружьи свѣтьлѣ и страшнѣ, иже помагаху вамъ». Лѣтописецъ прибавилъ къ этому: «Се бо ангелъ вложи въ сьрдце Володимеру Мономаху поустити братью свою на иноплеменьникы. Се бо, *яко же рекохомъ, видньие видьша въ Печерьскомъ монастыри*, еже стояше столпъ огньнъ, и тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сьрдце, нача понужати, яко же рекохомъ. Тѣмъ же достоино похвалити ангелы». Не ясно ли, что описывая видѣніе и передавая свой взглядъ на него подъ 1110 годомъ, лѣтописецъ имѣлъ въ виду то, что хотѣлъ сказать и что сказано подъ 1111 годомъ.

2. Что 6619 = 1111 годомъ оканчивалась Повѣсть врем. лѣтъ, это видно и изъ конца описанія этого года: «съ Божиею помощью молитвами св. Богородица и святыхъ ангелъ възвратишася Русьстии князи въ своя си съ славою великою къ сво-

имъ людемъ. И (проиде слава побѣды ихъ) ко всимъ странамъ дальнимъ, рекуще къ Грькомъ и Угромъ и Ляхомъ и Чехомъ, доньдеже и до Рима проиде на славу Богу всегда и ныня и присно во вѣкы. *Аминь*». Этотъ *аминь*, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены данныя, ведущія къ другому заключенію, должно, мнѣ кажется, считать послѣднимъ словомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Какъ бы то ни было, неопровержимымъ остается, что Повѣсть врем. лѣтъ въ томъ видѣ, какъ сохранилась, составлена въ началѣ XII вѣка, именно между 1113—1115 гг. современникомъ событій этого времени. Кѣмъ именно? Это такой вопросъ, на который нельзя отвѣчать прямо.

Пересматривая Повѣсть въ этомъ отношеніи въ томъ видѣ, какъ она дошла, видимъ только, что она составлена изъ замѣтокъ и сказаній нѣсколькихъ разныхъ лицъ, изъ которыхъ ни на одно нельзя указать, какъ на главное. Для ясности разсмотримъ тѣ мѣста, въ которыхъ видно лицо лѣтописца:

— Подъ 1044 (6552) годомъ отмѣчено, что «въ се лѣто умре Брячиславъ, князь Полотьскый,.. и Всеславъ сынъ его сѣде на столѣ его, его же роди мати отъ вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его. Рекоша же вълсви матери его: се язвено навяжи на нь, да носить е на себѣ до живота своего, еже носить Всеславъ и до *сего дне* на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кръвопролитие». Всеславъ умеръ въ 1101 году: слѣдовательно, замѣтка лѣтописца сдѣлана раньше 1101 года.

— Подъ 1051 (6559) г. отмѣчено, что «Θеодосьеви живущю въ манастыри и правящю добродѣтельное житье и чьрнечьское правило и примающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и *азъ* придохъ худыи и недостойныи рабъ. И приятъ мя, лѣтъ *ми* сущю 17 отъ роженья моего. Се же *написахъ* и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти манастырь и что ради зоветься Печерьскыи, а о Θеодосовѣ житьи пакы скажемъ». Такъ же оканчивается эта статья и въ Патерикѣ Печерскомъ со

вставкою при словѣ азъ имени *Несторъ*. Замѣтимъ, что о Ѳеодосіевомъ житіи въ лѣтописи нѣтъ ничего, а есть только о кончинѣ; имя же Нестора упоминается въ Патерикѣ и при разсказѣ о перенесеніи мощей Ѳеодосія подъ 1091 годомъ.

— Подъ 1060 (6568) годомъ отмѣченъ походъ Русскихъ князей на Торковъ,—и потомъ: «Се слышавъше Торци убояшася, пробѣгоша и *до сего дне*, и помроша бѣгаючи... Тако Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ». Позже, подъ 1080, 1093, 1095, 1097, 1103, 1105 гг. вновь упомянуты тѣ же Торки. Можно думать, что въ этихъ замѣткахъ о Торкахъ остались слѣды двухъ лѣтописцевъ: одного подъ 1060 годомъ, а другого подъ 1080—1113 гг.

— Подъ 1055 (6563) г. упомянуто о нападеніи Половцевъ съ Болушемъ, а подъ 1061 (6569) годомъ, при воспоминаніи, что Половцы побѣдили Всеволода, сказано: «Се бысть *первое зло* отъ безбожныхъ и поганыхъ врагъ». За тѣмъ вспоминаются бѣдствія отъ набѣговъ Половцевъ подъ 1067 (6675), 1071 (6579), 1078 (6586), 1079 (6587) гг. Далѣе подъ 1093 (6601) разсказываются дѣла съ Половцами и говорится: «въ праздники Богъ намъ наводить сѣтованье, яко же се створи въ се лѣто *первое* зло на възнесенье Господне, еже у Трьполя, *второе* же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новыи Русьскыя земля»; а подъ слѣдующимъ годомъ, 1094 (6602) г., при новомъ воспоминаніи о Половцахъ, сказано: «се уже *третьее* наведе (Олегъ) поганыя на землю Русьскую». Можно думать, что въ этихъ сказаніяхъ о Половцахъ, участіе приняли по крайней мѣрѣ три лѣтописца: первый подъ 1055 г.; второй подъ 1061 г. и слѣдующими; третій подъ 1093 и 1094 гг.

— Подъ 1064 (6572) г. записано извѣстіе о появленіи кометы и потомъ: «Въ си же времена бысть дѣтищь въвьрженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоро*вахомъ* до вечера» — слова современника-самовидца.

— Подъ 1074 (6582) г. при воспоминаніи о кончинѣ Θеодосія, въ похвалѣ чернецамъ Печерскимъ его времени, сказано: «Таци бо бѣша любовьници и въздержьници и постьници, отъ нихъ же наменю нѣколико мужь чюдныхъ» (Лавр. 81). Тутъ же объ Исакіи сказано: «ина многа повѣдаху о немь, а *другое и самовидецъ быхъ*» (Лавр. 84). Исакій умеръ при игуменѣ Іоаннѣ (Лавр. 85), упоминаемомъ подъ 1090 годомъ. Не забудемъ при этомъ, что все это сказаніе составляетъ въ Повѣсти особую статью, оканчивающуюся словомъ *аминь*, почти такъ, какъ и въ Патерикѣ Печерскомъ. Можно думать, что эта статья вставлена въ лѣтопись изъ другой книги.

— Подъ 1091 (6599) г. подробно разсказывается о перенесеніи мощей Θеодосія, въ чемъ повѣствователь, какъ самъ разсказываетъ, принималъ живое участіе и самъ откопалъ гробъ Θеодосія: игуменъ Іоаннъ, упоминаемый подъ 1090 г., «повелѣ рушити гдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Θеодосья, *его же повельнью быхъ азъ грѣшныи* первое *самовидець*, *еже скажю* не слухомъ бо слышавъ, *но самъ о семь начальникъ*». Обращаясь къ Θеодосію, онъ говоритъ: «азъ грѣшныи твои рабъ и *ученикъ* недоумѣю, чимь похвалити добраго твоего житья и въздьржанья»; а въ концѣ: «молися за *мя*, отче чьстьный, избавлену быти отъ сѣти неприязнины, и отъ противника врага съблюди *мя* твоими молитвами». Эта статья находится и въ Патерикѣ Печерскомъ, только со вставкою два раза имени *Нестера*: «азъ грѣшныи Нестеръ» и «азъ грѣшный и недостойный рабъ его и ученикъ Нестеръ недоумѣю» и пр.

— Подъ 1092 (6600) г. замѣчено о видѣньи въ Полотскѣ: «Предивно бысть въ Полотьскѣ, въ мечтѣ ны бываше тутьнъ» и пр. Очевидно, сказаніе самовидца.

— Подъ 1093 (6601) г. поученіе, приложенное къ разсказу о битвахъ съ Половцами, оканчивается словами: «Се бо *азъ* грѣшныи и много и часто Бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни» (Лавр. 96).

— Подъ 1096 (6604) г. о Половцахъ: «Придоша въ мана-

стырь Печерьскыи, *намъ* сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два передъ враты манастырьскыми, *намъ* же бѣжащимъ задомъ манастыря» и пр.

— Подъ тѣмъ же 1096 годомъ: «Се же хощю сказати, яже слыш*ахъ* преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа *ми* Гюрята Роговичь Новгородецъ» (о Югрѣ).

— Подъ 1097 (6605) г. въ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька повѣствователь назвалъ себя Василіемъ. Къ нему обращается князь Давидъ: «да се, Василю, шлю тя, иди къ Василкови тезу своему... *Азъ* же идохъ къ Василкови и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы» и пр.

— Подъ 1098 (6606) г. вспоминается о Городецкомъ мирѣ, «яко же и въ прежнее лѣто сказ*ахъ*». Дѣйствительно и сказано подъ 6605 г., вслѣдъ за описаніемъ ослѣпленія Василька. Точно такъ же подъ 6605 годомъ сказано, только безъ оговорки, и о Перемышльской битвѣ, отмѣченной послѣ подъ 1099 (6607) годомъ.

— Подъ 1106 (6614) г., при упоминаніи о смерти старца Яна воеводы, который «живъ лѣтъ 90, преставися въ старости маститѣ», сказано: «отъ него же и *азъ* многа словеса слышахъ, еже и въписахъ въ лѣтописаньи семъ, отъ него же слышахъ».

— Подъ 1111 (6619) годомъ, послѣ описанія похода Русскихъ князей на Половцевъ, замѣчено: «Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Мономаху поустити братью свою на иноплеменникы. Се бо, яко же рекохомъ, видѣнье видѣша въ Печерскомъ монастыри, еже стояше стълпъ огненъ на тряпезници, таже преступи на църковь и отъ туда къ Городьцю, ту бо бяше Володимеръ въ Радосыни, и тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, яко же рекохомъ».

— Въ началѣ лѣтописи, послѣ обозначенія перваго годового числа «6360 г. индикта 15», замѣчено: «отселѣ поч*немъ* и числа полож*имъ*», и потомъ: «отъ смерти Ярославли

до смерти Святополчи (прошло) лѣтъ 60». Лѣтописецъ записать это могъ не ранѣе 1113 года, уже послѣ смерти Святополка-Михаила.

Вникнувъ въ эти выписки, не трудно замѣтить:

1. Что одни изъ нихъ сдѣланы въ началѣ второй половины XI вѣка (около 1055, 1060, 1061, 1064 гг.), другія же въ концѣ его и въ началѣ XII вѣка (около 1090, 1091, 1092, 1093, 1094, 1096, 1097, 1098, 1101, 1103, 1106, 1111, 1113 гг.) и что по этому одному можно думать, что въ написаніи лѣтописи приняли участіе послѣдовательно по крайней мѣрѣ два лица, отдѣленныя одно отъ другого чуть не полувѣкомъ.

2. Что въ описаніи событій конца XI и начала XII вѣка видны въ лѣтописи два разноименные лѣтописца: одинъ—монахъ кіево-печерскій, по Патерику Несторъ, другой — Василій, лице можетъ быть тоже духовное; а если приписка 1116 года сдѣлана не простымъ переписчикомъ, то къ числу лѣтописателей Повѣсти врем. лѣтъ, извѣстныхъ по имени, надобно присоединить и Сильвестра игумена Кіевскаго Михайловскаго монастыря. Несторъ виденъ въ описаніи 1091 и прежнихъ лѣтъ; Василій — въ описаніи 1096 — 1098 г., Сильвестръ является еще позже—послѣ описанія событій 1110 года.

3. Въ Повѣсти врем. лѣтъ есть довольно сказаній, касающихся Печерскаго монастыря, но ничто не заставляетъ выводить, что всѣ они писаны однимъ лицемъ, и что вся Повѣсть врем. лѣтъ писана въ этомъ монастырѣ. При этомъ замѣчательно, что, не смотря на подробности, сообщаемыя о Печерскомъ монастырѣ, нѣтъ сказанія о житіи Ѳеодосія, хотя оно и обѣщано («а о Ѳеодосовѣ житьи пакы скажемъ», 6559 г.). Остается кромѣ того вопросъ: не была ли ведена особая лѣтопись Печерскаго монастыря со времени его основанія, до насъ не дошедшая въ первоначальномъ видѣ? Нельзя опустить изъ виду и вопроса: если и была ведена общая Русская или Кіевская лѣтопись въ Печерскомъ монастырѣ, то гдѣ же она ведена была до основанія Печерскаго монастыря?

Нѣтъ никакой возможности думать, что Повѣсть врем. лѣтъ составлена однимъ лицемъ: голосъ современника слышенъ во многихъ воспоминаніяхъ о событіяхъ самаго древняго времени (какъ было уже прежде показано); лѣтописецъ послѣдующаго времени переписывалъ до слова сказанія уже до него записанныя, гдѣ прибавляя то или другое отъ себя, гдѣ ничего не прибавляя. Такимъ сводомъ записей разнаго времени представляется Повѣсть врем. лѣтъ, такъ же какъ и другія наши лѣтописи. Не мудрено, что невозможно уже угадать, кому именно что̀ въ ней принадлежитъ.

Во всякомъ случаѣ, Повѣсть врем. лѣтъ, какъ сводъ разныхъ другихъ лѣтописей, должна быть произведеніемъ когонибудь одного. Кого же именно?

Обыкновенно говорятъ: Нестора.

Что Несторъ написалъ Повѣсть врем. лѣтъ, это доказывается очень немногими данными:

1) тѣмъ, что, какъ было уже отмѣчено, въ статьяхъ, касающихся Ѳеодосія Печерскаго, по спискамъ ихъ въ Патерикѣ Печерскомъ, Несторъ самъ себя называетъ по имени;

2) тѣмъ, что въ Патерикѣ же Печерскомъ къ имени мниха Нестора приложено выраженіе: «иже списа лѣтописецъ»;

3) тѣмъ, что въ Хлѣбниковскомъ спискѣ Повѣсти вр. лѣтъ въ заглавіи означено имя Нестора: «Повѣсть временныхъ лѣтъ Нестера черноризца Ѳедосьева манастыря Печерскаго»; по свидѣтельству же Татищева, оно означено и въ трехъ другихъ спискахъ.

Противъ перваго можно сказать: отчего же въ статьяхъ о Ѳеодосіи Печерскомъ есть имя Нестора только въ спискахъ Патерика? Отчего выпало это имя въ лѣтописи? Не потому ли, что послѣдній составитель Повѣсти врем. лѣтъ пользовался статьями Нестора, какъ однимъ изъ источниковъ, и не счелъ нужнымъ оставить имя, для него не нужное?

Противъ второго можно сказать, что упоминаніе Печерскаго Патерика о Несторѣ, какъ о лѣтописцѣ, не даетъ никакого

права заключать, что лѣтопись, которую написалъ Несторъ, есть именно Повѣсть врем. лѣтъ, а не другая. Лѣтопись, которую написалъ Несторъ, могла взойдти и вся въ Повѣсть врем. лѣтъ, и все-таки Повѣсть врем. лѣтъ могла быть написана другимъ лицемъ.

Противъ третьяго можно сказать, что Хлѣбниковскій списокъ Повѣсти врем. лѣтъ есть повтореніе списка Ипатьевскаго, сдѣланное въ XVI вѣкѣ, а въ этомъ Ипатьевскомъ спискѣ имени Нестора нѣтъ, какъ нѣтъ и ни въ какомъ другомъ изъ сохранившихся. Указаніе Татищева можетъ быть и вѣрно; но само по себѣ, относясь къ спискамъ, не разсмотрѣннымъ критически, не можетъ быть почитаемо важнымъ. Позволительно только предполагать, что нѣкоторые изъ переписчиковъ Повѣсти врем. лѣтъ въ XVI, а можетъ быть и въ XV вѣкѣ, или и раньше, ознакомясь съ Патерикомъ, сдѣлали такое же заключеніе относительно Нестора, какое сдѣлано послѣ новыми нашими учеными, и включили имя его въ заглавіе такъ же, какъ включено оно было въ заглавія изданій Повѣсти врем. лѣтъ Шлецеромъ, Бередниковымъ, Миклошичемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ припомнимъ:

1) Что Несторъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ назвалъ себя по имени: отъ чего же только Повѣсть врем. лѣтъ осталась безъ этой отмѣтки? Переписчикамъ не изъ-за чего было сойтись такъ единодушно въ отношеніи къ Нестору только въ этомъ случаѣ, а во всѣхъ другихъ сохранить его имя.

2) Что имя Нестора и въ началѣ XIII столѣтія не соединялось съ Повѣстью врем. лѣтъ въ самомъ Печерскомъ монастырѣ: это свидѣтельствуетъ ссылка на нее черноризца Поликарпа въ Повѣстяхъ о Печерскихъ подвижникахъ, безъ упоминанія имени лѣтописца; въ этой ссылкѣ почти дословно повторяется мѣсто о мятежѣ Польскомъ, занесенное въ Повѣсть врем. лѣтъ подъ 6538 г., съ прибавленіемъ: «яко же въ лѣтописьци повѣдаеть(ся)».

3) Что между Повѣстью временныхъ лѣтъ и однимъ изъ

тѣхъ сочиненій, которыя неоспоримо принадлежатъ Нестору, Чтеніемъ о житіи Бориса и Глѣба, есть замѣтное отличіе. Довольно сказать, что сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ воспользовался въ ней не этимъ Чтеніемъ, а другимъ подобнымъ трудомъ, Сказаніемъ Іакова, выписывая изъ него не только слова и выраженія, но и данныя, не такія, какія вошли въ Чтеніе. Естественнѣе было это сдѣлать не Нестору, а кому нибудь другому.

Все это, кажется, мѣшаетъ признать преп. Нестора послѣднимъ составителемъ свода лѣтописнаго, названнаго Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Съ другой стороны припомнимъ, что Повѣсть врем. лѣтъ, какъ показано выше, составлена не ранѣе 1113 года и не позже 1115 года, и что въ 1116 году уже «написа книгы си» Михайловскій игуменъ Сильвестръ. Игуменъ важнаго монастыря Кіевскаго, черезъ два года позже (1118 г.) возведенный въ санъ епископа Переяславскаго и менѣе чѣмъ черезъ пять лѣтъ послѣ того (1123 г.) уже скончавшійся, могъ ли заняться дѣломъ переписки чужого труда чуть не непосредственно послѣ его составленія? Если и могъ, то только потому развѣ, что самое содержаніе книги его занимало особенно; а если же оно его особенно занимало, если его особенное вниманіе привлекали къ себѣ дѣла минувшихъ дней земли родной, то онъ долженъ былъ съ ними познакомиться въ первый разъ не тогда, когда взялся за написаніе книги въ 1116 году, а ранѣе, и, по тогдашнему состоянію занятій исторіей, не иначе какъ при личномъ участіи въ собираніи фактовъ. Если же онъ лично собиралъ факты, то могъ ли онъ оставить и лѣтописный сводъ, при перепискѣ его, безъ всякихъ измѣненій, безъ дополненій? Можно, слѣдовательно, заключать, что въ Повѣсти врем. лѣтъ есть хоть что нибудь Сильвестрово. Ничто вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшаетъ предполагать, что и весь сводъ, какъ онъ есть, составилъ онъ самъ, т. е. что онъ собралъ въ одно цѣлое всѣ частныя сказанія, какія только могъ найдти, и потому опустилъ между прочимъ то, чего бы не

опустилъ, если бы писалъ въ Печерскомъ монастырѣ, слѣдя за всѣми его событіями.

III.

Убѣжденія лѣтописца.

Сочинитель Повѣсти врем. лѣтъ провелъ въ своемъ трудѣ одни и тѣ же убѣжденія,—и эти убѣжденія достойны вниманія, какъ отголосокъ дальняго времени, отъ котораго намъ осталось очень немногое въ этомъ родѣ.

Основанія этихъ убѣжденій — книги священнаго писанія; но ни въ какомъ случаѣ не исключительно. Кстати здѣсь замѣтить, что, приводя въ разныхъ мѣстахъ выраженія изъ св. писанія, онъ приводитъ ихъ вовсе не такъ часто, какъ можетъ казаться тому, кто бы имѣлъ въ виду только то, что такихъ выраженій вообще довольно много. Отмѣтимъ всѣ главныя мѣста:

— 6463. Въ разсказѣ о крещеніи Ольги (26—27).

— 6488. — о началѣ княженія Владимира (32—35).

— 6491. — о мученіи Варяга и сына (35).

— 6496. — о принятіи христіанской вѣры Владимиромъ (51—52).

— 6523. — о смерти Владимира и о убіеніи Бориса и Глѣба (56—60).

— 6545. — о любви къ просвѣщенію Ярослава (65—66).

— 6573. Въ поученіи по случаю нападенія Половцевъ (72—73).

— 6586. Въ разсужденіи о характерѣ Изяслава (87).

— 6601 и 6604. Въ разсужденіи по поводу нападеній Половцевъ (95—99).

— 6618. — по поводу знаменья въ Печерскомъ монастырѣ.

Не можемъ забыть при этомъ, что нѣкоторыя изъ мѣстъ св.

писанія припомянуты тутъ не самимъ лѣтописцемъ, а взяты имъ изъ готовыхъ источниковъ вмѣстѣ съ цѣлыми мѣстами, имъ выписанными изъ нихъ.

По убѣжденію лѣтописца событія совершаются по Божью строю и милости (51) и по пронырству дьявола. По Божью строю возвеличилась Русь, какъ предсказано было еще Андреемъ Первозваннымъ и какъ предугадано было потомъ Козарами. — «Богъ свѣсть помышленья человѣчьская (76)» и наставляя наказываетъ людей. «Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладомь, или моромь, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничто же (64). Земли же съгрѣшивъшеи которѣи либо, казнить Богъ смьртью, ли гладомь, ли наведеньемь поганыхъ, ли ведромъ (зноемъ), ли гусеницею, ли инѣми казньми. (72). Наводить Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако съкрушенымъ имъ въспомянуться къ Богу (72). На ны Богъ попусти поганымъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся въстягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли въстягнувшеся въспомянемъся отъ злаго пути своего. (95). Богъ кажеть рабы своя напастьми ратьными, да явяться яко злато искушено въ горну (99)». Насылаетъ Богъ и моръ за грѣхъ и неправды (6600. 92). Вообще «Богъ есть отместникъ за зло». (61. 114).

— «Но да никто не дьрзнеть рещи, яко ненавидимы Богомь есмы, да не будеть (96)». «Богъ не хощетъ зла человѣкомъ», и въ добрѣ помогаетъ имъ, особенно когда они просятъ его молитвой, какъ видно изъ разсказа о чудѣ Богородицы Влахернской (9), изъ молитвы Ярослава передъ Альтской битвой (62) и молитвы Мстислава во время поединка съ Редедей.

— «Творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящь, и шьлеми суть повелѣньемъ Божіимъ, амо же хощеть Владыка и Творець всѣхъ... Къ коей же твари ангелъ приставленъ: ангелъ облакомъ и мгламъ, и снѣгу и граду и мразу, ангелъ глаголяи громомъ, ангелъ зимѣ и зноеви, и осени и весны и лѣта, всему

духу твари его на земли, и тайныя бездьны, иже суть съкровены подъ землею, и преисподьнии тьмы, и сущи въ бездьнахъ, бывшия древле вьрху земля, отъ нея же тьмы вечеръ и нощь и свѣтъ и день. Ко всѣмъ тварямъ ангели приставлени. Тако же ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да съблюдаетъ куюждо землю, аще суть и погани. Аще Божій гнѣвъ будетъ на кую любо землю, повелѣвая ангелу тому на кую любо землю бранью ити, то оной землѣ ангелъ не въспротивиться повелѣнию Божию (121—122). Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянѣхъ не единъ ангелъ, но елико крестишася (122). Ангели на благое посылаеми. Ангелъ человѣку зла не сътворяеть, но благое мыслить ему всегда, паче же хрьстьяномъ помагаеть и заступаеть отъ супротивьнаго дьявола» (58).

Ангелами своими посылаеть Богъ и знаменья. «Знаменья бываютъ ово на зло, ово ли на добро (117). Знаменья бо въ небеси или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ не благо бывають, но знаменья сица на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють» (71). Впрочемъ, и злыя знаменья могли быть обращены на доброе, — и люди молились объ этомъ (117: 6610).

Бѣсы съ ихъ родоначальникомъ сатаною или сами «пакости дѣють», или наводятъ на нихъ людей, «на злое всегда ловять, завидяще..., понеже видять человѣка Богомъ почьщена» (58). Сами пакости дѣяли они монахамъ въ Печерскомъ монастырѣ (6522) и народу въ Полотскѣ, уязвляя людей невидимо (6600: 92). «Бѣси подътокше на зло вводять, по семъ же насмисаются, въвергъше въ пропасть смьртную (6579: 75). Бѣси не вѣдять мысли человѣческое, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще (76). Суть немощьни и худи взоромь» (70). Бѣсы владѣютъ язычниками и наущаютъ ихъ противъ христіанъ (6491: 35), сѣтуя, что люди обращаются ко Христу (66), научаютъ людей коби держать (73) и помогаютъ волхвамъ (63, 64, 75): «сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь, тѣмъ же прельщаютъ человѣкы, велящє имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ не-

съвершеньмъ вѣрою—во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако вълхвують наученьемъ бѣсовьскымь. Паче же женами бѣсовская вълъшвенья бывають, искони бо бѣсъ жену прельсти, си же мужа, тако въ си роды много вълхвують жены чародѣйствомь и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи прельщени бывають отъ бѣсовъ невѣрьнии (77). Дьяволъ радуеться злому убииству и кровопролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣния, клеветы» (72). Такъ и усобная рать «бываетъ отъ съблажненья дьяволя» (72); дьяволъ въздвиже Святополка, онъ же воздвиже котору въ братіи сей Ярославичихъ. «Тѣмъ же противитеся бѣсовьскому дѣйству и пронырьству ихъ» (79: 6582). Ученьемъ христіанскимъ «побѣжаемъ противьнаго врага, попирающе подъ нози» (35). Простодушно вѣритъ лѣтописецъ и исполненію предсказаній бѣсовскихъ. «Се же дивьно есть, яко отъ вълхнованья събываеться чародѣйствомь» (16). Это сказано при разсказѣ о смерти Олега, и прибавлены подтвердительные случаи изъ хроники Георгія Амартола. Безъ удивленія пересказано предсказаніе Козаръ о покореніи ихъ Русскими (7) и вспомянуто, что Всеславъ рожденъ отъ волхвованья (67).

Не одинъ разъ намеками лѣтописецъ высказываетъ свои понятія объ обязанностяхъ нравственныхъ вообще каждаго человѣка (73) и кромѣ чисто религіозныхъ выставляетъ любовь къ ближнимъ, особенно любовь между родными. Вспомня слово Соломона о любви (любы есть выше всего), и приведя еще нѣсколько мѣстъ св. писанія, онъ говоритъ о важности любви (87). «Въ любъви бо все съвьршаеться, любъве ради и грѣси расыпаються, любъве бо ради съниде Господь на землю, и распятъся за ны грѣшныя, въземъ грѣхы наша, пригвозди(ся) на крьстѣ, давъ намъ крьстъ свои на прогнанье ненависти бѣсовьское, любъве ради мученици прольяша кръви своя, любъве же ради сии князь (Изяславъ) пролья кръвь за брата своего, съвьршая заповѣдь Господьню». Въ другомъ мѣстѣ припоминаетъ слово: «се коль добро и коль красьно еже братома жити въкупѣ» (59), говоритъ о вѣрности взаимной (74, 114); символъ вѣрности —

крестъ. Еще въ одномъ: Велій есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего (78).

Противоположное добру зло онъ видитъ во враждѣ и въ лести—въ злыхъ женахъ, злыхъ совѣтникахъ, злыхъ слугахъ (33, 34, 58). О злѣ вообще говоритъ онъ: «золъ человѣкъ тъщася на злое не хужи есть бѣса: бѣси бо Бога бояться, а золъ человѣкъ ни Бога боиться, ни человѣкъ ся стыдить, бѣси бо креста ся боять Господьня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить» (58).

Но на нравственныя обязанности человѣка смотрѣлъ лѣтописецъ не исключительно со стороны его личной, душевной пользы. Онъ проникнутъ былъ любовью къ отечеству; хотя и нигдѣ не сказалъ онъ о ней ясно, тѣмъ не менѣе часто даетъ знать о ней:

— «Да никто же не дерзнетъ рещи, яко ненавидими Богомь есмы. Да не будеть. Кого бо тако Богъ любить, яко же ны възлюбилъ есть, кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же. Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко, паче всѣхъ почтени бывше, горѣе всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы» (96). (Срав. Лавр. 166: Кого Богъ такъ любить, яко же ны возлюбилъ есть и вознеслъ есть. 168, 170, 171).

Любовь къ отчизнѣ заставляетъ его часто говорить о землѣ Русской. Сквозь слова другихъ, имъ приводимыя, онъ виденъ самъ: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли, аще бо возмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великымъ и храборствомъ, поборающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хощете погубити землю Русьскую» (112).

Не случайно приведенъ приговоръ князей на Любечи: «да нонѣ отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ земли Русьскыѣ... да аще кто отселѣ на кого будеть,.. да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская» (109). Не случайно приведены и слова Василька: «да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложу

за Русьскую землю» (113). Не напрасно вспомянуто, что и Θеодосій молился за люди хрестьяньскыя, за землю Русьскую (91). То же чувство дышетъ и въ выраженіи «наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь» (93: 6601), и въ словахъ Мономаха, гдѣ онъ пеняетъ князьямъ, что они не жалѣютъ смердовъ (118: 6611).

Нѣсколько мѣстъ выражаютъ довольно ясно понятія лѣтописца объ обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и дурныхъ качествахъ князя.

— О Владимирѣ Святомъ: «Бѣ Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи землянѣмъ и о ратѣхъ и уставѣ землянѣмъ и бѣ жива съ князи околними миромъ... Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи... Рѣша епископи Володимеру:... ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье: достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ» (6504: 54). «Сей же умеръ во исповѣдании добрѣмъ, покаяньемъ расыпа грѣхы своя, милостынями, иже есть паче всего добрѣй... Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю» (54—55:6523).

— О Мстиславѣ: «Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чьрмьнъ лицемъ, великома очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше» (65: 6544).

— О Ярославѣ: «При семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти.... И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто... И собра писцѣ многы и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское письмо. И списаша книгы многы и списка, ими же поучащеся вѣрнии людие наслажаются ученья божественаго» (65). Церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди (66: 6545).

О Ростиславѣ: «Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, възрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь, и милостивъ убогымъ» (72: 6573).

— О Глѣбѣ: «Бѣ... милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ» (85: 6586).

— О Изяславѣ: «Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо въ немъ льсти, но простъ мужь умомъ, не вздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кияне: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не взда противу тому зла... По истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семь етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего..., за братню обиду» (86—87: 6586).

— О Ярополкѣ: «Бяше блаженый сь князь тихъ, кротокъ, смиренъ и братолюбивъ, десятину дая Св. Богородици отъ всего своего имѣнья по вся лѣта» (88: 6594).

— О Всеволодѣ: «Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и пресвутеромъ, излиха же любяше черноризци, подаяше требованіе имъ, бѣ же и самъ воздержася отъ пияньства и отъ похотей... Сѣдящу же ему Кыевѣ печаль бысть ему отъ сыновець... Сей же омиряя ихъ, раздаваше власти имъ; въ сихъ печали всташа и недузи ему, приспѣваше старость къ симъ и нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя и людемъ не доходити княже правды; начаша ти унии грабити, людей продавати, сему не вѣдущю въ болѣзняхъ своихъ» (92—93: 6601).

Не такъ глядѣлъ лѣтописецъ на нѣкоторыхъ другихъ князей, напр. на Святополка: «Есть же могыла его въ пустыни и до сего дне, исходить же отъ нея смрадъ золъ. Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскымъ, да аще сии еще сице же створять, се слышавше, ту же казнь примуть, но и больши сее (63: 6527).

— на Святослава, хвалившагося своимъ богатствомъ: «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво, сего суть кметье луче: мужи бо ся доищуть и больше сего. Сице ся похвали Иезекий..,

его же вся взята быша въ Вавилонъ. Тако и по смерти все имѣнье разсыпася разно» (85: 6585).

— на Олега: «Олегъ же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ» (98: 6604).

Вообще о князьяхъ высказано такое понятіе: «Аще бо князи правьдиви бывають въ земли, то многа отдаються согрѣшенья, аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводить Богъ на землю, понеже то глава есть земли... Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяи вино пити съ гусльми и съ младыми съвѣтники» (60: 6523).

О значеніи которъ княжихъ лѣтописецъ даетъ знать нерѣдко, между прочимъ его понятія ясно выражаются въ завѣщаніи Ярослава (69), въ разсказѣ о бѣдахъ Василька (111, 116) и пр.

Важно очень слѣдующее мѣсто: «Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянѣхъ не единъ ангелъ, но елико крестишася, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ (т. е. можно это примѣнить), но противу Божью повелѣнью не могуть противитися, но молять Бога прилежно за хрестьяньскія люди, яко же и бысть...: умилосердися Богъ и посла ангелы въ помощь Русьскимъ княземъ на поганыя» (122: 6618).

Изъ не князей не похваленъ почти никто, развѣ Янъ—«старецъ добръ, живъ лѣтъ 90 въ старости маститѣ, живъ по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ..., бѣ бо мужь благъ и кротокъ и смиренъ, огребаяся всякоя вещи» (120: 6614). Намекомъ похваленъ Вышата, отецъ Яна, сказавшій: «аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною» (66: 6551).

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ выражены понятія объ обязанностяхъ и добрыхъ дѣлахъ монашества—подъ 6582 г. высказаны понятія Ѳеодосія: «Бѣси бо, рече, насѣвають черноризцемъ помышленья, похотѣнья лукава, вжагающе ему помыслы, и тѣми врежаеми бывають имъ молитвы, да приходящая таковыя

мысли възбраняти знаменьемъ крестнымъ... и къ симъ воздержанье имѣти отъ многаго брашна...; блюстися отъ лѣности и отъ многаго сна, бодру быти на пѣнье церковное и на преданья отеческая и почитанья книжная;... паче же имѣти въ собѣ любовь всѣмъ меньшимъ и къ старѣйшимъ покоренье и послушанье, старѣишимъ же къ меньшимъ любовь и наказанье, и образъ бывати собою въздержаньемъ и бдѣньемъ, хоженьемъ и смиреньемъ, тако наказывати меньшая и утѣшати я и тако проводити постъ» (79). Игумену преемнику Өеодосій совѣтовалъ такъ: «преданья манастырская и уставы не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырску» (80). И далѣе лѣтописецъ отъ себя: «Ови (черньци) бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на клананье колѣньное, ови на пощенье..., въ любви пребывающе, меньшии покоряющеся старѣйшемъ.., тако же и старѣйшии имяху любовь къ меньшимъ, наказаху утѣшающа... Тако бо бяше любы въ братьи той, въздержанье велико. Аще братъ етеръ выидяше изъ монастыря, вся братья имяху о томъ печаль велику... Бѣша любовници и въздержници и постници» (81).

О попахъ сказано только одно: «Попомъ поручено есть Богомъ учити люди» (16).

Восхваляя митрополита Іоанна, лѣтописецъ говоритъ такъ: «Бысть же Іоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальныя. И сякого не бысть преже въ Руси, ни по немъ не будеть сякъ» (89: 6597). Тутъ же о другомъ митрополитѣ Іоаннѣ Скопцѣ: «Бѣ же сь мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ». Это конечно не похвала.

Заключимъ наше обозрѣніе словами лѣтописца о важности книгъ.

«Велика бываеть польза отъ ученья книжнаго. Книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянию, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы напаяющи вселеную. Се суть исходища мудрости. Книгамъ бо есть

неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда воздержанью» (6545: 65—66).

IV.

Языкъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Разсматривая Повѣсть временныхъ лѣтъ въ отношеніи къ языку, видимъ постоянное смѣшеніе двухъ нарѣчій, Церковно-славянскаго и Русскаго, какъ будто бы это былъ одинъ языкъ, въ родѣ напр. Французскаго, въ которомъ неотдѣлимо соединены элементы языка собственно Французскаго—народнаго съ Латинскимъ—книжнымъ. Для указанія этого смѣшенія прочтемъ небольшой отрывокъ.

«Въ лѣто 6500 (Володимеръ) иде на Хорваты. Пришедьшю бо ему с воины Хорватск*ыя*, и се Печенѣзи придоша по оной *сторо*нѣ отъ Сулы. Во*лодимеръ* же поиде противу имъ и срѣте и на Трубежи на бродѣ, где *нынѣ Пере*славль. И ста Володимеръ на сеи *сторо*нѣ, а Печенѣзи на оной, и не смяху си на ону *стра*ну, ни они на *сю стра*ну. И *прѣ*ѣха князь Печенѣжьскый к рѣ*к*ѣ, возва Володимера и рече ему: *Вы*пусти ты свои мужь, а *я* свои, да ся борета, да *аще* твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта, *аще* ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта. И *раз*идостася разно. Володимеръ же приде въ *товары*, посла *биричи* по *товаромъ*, глаголя: нѣ*ту* ли тако*го* мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ, и не обрѣтеся нигдѣ же. Заутра приѣхаша Печенѣзи, и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть, и нача тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ. И приде единъ старъ мужь ко князю, и рече ему: княже, есть у мен*е* единъ сынъ менше*и* дома, а с четырмя есмь *вы*шелъ, а онъ дома, отъ дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ, единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усние, разъгнѣвався на мя, *пре*торже *чере*вы рукама. Князь же, се слышавъ, радъ бысть, посла по нь.

И приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся. Се (=сь) же рече: княже, не вѣдѣ, могу ли съ него (=съ нь), и да искусятъ мя; *нѣту* ли быка велика и силна. И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка. Возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо и. И похвати быка рукою за бокъ, и *вы*ня кожю с мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: можеши ся с нимъ *боро*ти. И на утрия придоша Печенѣзи, почаша звати: *нѣ* ли мужа, се нашь доспѣлъ. Володимеръ же повелѣ тои *нощи* облещися въ оружье. И приступиша ту обои. *Вы*пустиша Печенѣзи мужь свои, бѣ бо великъ зѣло и страшенъ, и *вы*ступи мужь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ, и посмѣяся, бѣ бо *сере*днии тѣломъ. И размѣривше ме*жи* обѣма полкома, пустиша я къ *собѣ*, и ястася, почаста ся крѣпко держати. И удави Печенѣзина в руку до смерти и удари имъ о землю, и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша. И Русь погнаша по нихъ сѣкуще и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи г*оро*дъ на бродѣ томъ и нарече и П*ере*яславль. Зане п*ере*я славу отроко-тъ (=зане П*ере*яславъ отроку тому имя). Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Во*ло*димеръ же воз*вра*тися въ Киевъ съ побѣдою и славою великою».

По мѣстамъ кое-гдѣ замѣтно болѣе вліяніе Церковнославянское, а кое-гдѣ болѣе вліяніе Русское, но нигдѣ нѣтъ ни того, ни другого нарѣчія отдѣльно.

Таковъ вообще, вѣроятно, и былъ языкъ подлинной лѣтописи. Нельзя, впрочемъ, утвердительно сказать, что онъ былъ именно такимъ и во всѣхъ мелочахъ, какимъ мы его видимъ въ уцѣлѣвшихъ спискахъ. Самое разнообразіе списковъ свидѣтельствуетъ о противномъ. Позволительно думать, что вслѣдствіе измѣненій подлинника, которыя дѣланы были писцами, появилось и кое-что, какъ Славянское, такъ и Русское, чего не только не было, но и не могло быть въ подлинной лѣтописи XII вѣка. Такъ, между прочимъ, есть мѣстоименіе *я*, которое въ другихъ памятникахъ не только древнѣйшихъ, но и XIII—XIV в. почти постоянно замѣнялось мѣстоименіемъ *азъ*, *язъ*.

Что на языкъ нашего древняго лѣтописца должна быланалечь сила книжнаго языка Старославянскаго, это не удивительно: всѣ стремленія образованности того времени этого требовали. Удивительно скорѣе то, что не смотря на всѣ требованія образованности, Русскій лѣтописецъ могъ задерживать въ своемъ языкѣ его Русскія особенности; ихъ такъ много, что выкинуть ихъ, какъ попытался было Миклошичь (въ своемъ изданіи Повѣсти временныхъ лѣтъ), значитъ передѣлать языкъ и его выразительность.

Вотъ для образца нѣкоторыя изъ Русскихъ чертъ языка Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ онѣ видны въ ея сохранившихся спискахъ:

— *о* въ началѣ словъ вм. ѥ: *о*два, *о*ле, *о*зеро, *о*динъ.

— *о* вм. *а:* р*о*зути, р*о*зно.

— *оро-ере* вм. *ра*, *рѣ:* в*оро*бьи, в*оро*гъ, г*оро*дъ, зам*оро*зъ, д*оро*говь, с*оро*чка, м*оро*морянъ, прост*оро*нство. Ж*ере*ло, ч*ере*зъ, ч*ере*сла, п*ере*возникъ, п*ере*вѣсище, ч*ере*во, д*ере*во.

— *оло* вмѣсто *ла:* з*оло*то, к*оло*да, к*оло*дникъ, б*оло*нье, ут*оло*чена, в*оло*дѣти, к*оло*дѣзь, м*оло*дъ.

— *е* вм. ѧ: свято*е* Богородицѣ, свое*е* пагубы, ненависти бѣсовьско*е*, у мен*е*.

— *е* вм. *и:* старѣиш*е*и, меньш*е*и.

— *ѣ* вм. *я* и *и:* св. Богородиц*ѣ* (род.), имуща златы одеж*ѣ*, исковати лжиц*ѣ* сребрены, пшениц*ѣ* (род.), отъ земл*ѣ*, отбѣже луды злато*ѣ*, на Половц*ѣ*, по верховьни*ѣ* во*ѣ*, пояша лучьши*ѣ* мужи, дѣти мо*ѣ*.

— *кѣ* вмѣсто *цѣ* или *тѣ:* къ рѣ*кѣ*, въ земли Лядьс*кѣ*, въ Русьс*кѣ*й земли, земли Русьс*кѣ*й (дат.), по Русьс*кѣ*й земли, на Русьс*кѣ*й земли, Смолиньс*кѣ*, Туриис*кѣ*, въ Бужьс*кѣ*мъ, на Василь*кѣ*, прос*кѣ*помъ.

— *ж* вм. *жд:* пере*ж*е, ну*ж*а, съзи*ж*ю, жа*ж*а, во*ж*ь, да*ж*ь, ме*ж*и = ме*ж*ю.

— *ч* вм. *щ:* лу*ч*е, хо*ч*ю, ходя*ч*е, лежа*ч*е, заиду*ч*е, воюю*ч*и, о*ч*ютише, *ч*южии, трепе*ч*уть.

Въ отношеніи къ склоненію, кромѣ очень частаго употребленія прилагательнаго одночленнаго, отмѣтимъ:

— *им. ед.* Старѣйшии, меньшеи.

— *именит. множ.* Русьскыи (= Русьскыѣ) князи. 6575, 6604, 6609, 6611. Русьскыѣ сторожеве. 6611. Трие Ярославичи. 6574. Обои (= тѣ и другія) приступиша. 6505.

— *род.* Трии поприщь. 6512.

— *мѣст.* По двѣ гривнѣ[1]).

Въ отношеніи къ употребленію глагольныхъ формъ отмѣтимъ:

— Частое опущеніе существ. глагола: князь уже почалъ. 6454. Всеславъ рать почалъ. 6572. Сътворилъ Богъ человѣка. 6574. Володимеръ реклъ тако. 6603. Оже межю нами рати. 6604.

— Прошедшее на *ть:* доидеть, прославить, купить, боряшеться, звахуться.

— Прошед. двойств.: убивашета, отъимашета. 6505.

— Повелит.: вдаимы ся. 6505.

— Причастіе на *а:* вида, неса, река, жива, жда, переима.

— Дѣепричастіе: Половци ступиша воюючи. 6601. Другымъ въ монастырь идуще. 6604. Ходяче въ руку. 6604. Суть горы заидуче луку моря.

— Неопредѣл.: Кдѣ бы жити. 6559. Стати Гречьскы земли на Русьской, а Русьской на Гречьской. 6579. Вама здѣ муку пріяти, нама стати. Не быти нама живымъ отъ тобе. 6579. Не умрети нама. 6579. Яко сѣсти Володимеру Кыевѣ. 6604. На пятое лѣто Днѣпру потещи въспять и землямъ преступати на ина мѣста. 6574. Бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобе. 6579.

---

1) Не какъ особенность, а какъ принадлежность древняго Русскаго языка можемъ считать употребленіе дательнаго и мѣстнаго безъ предлога.

Дат. безъ предлога: Приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву: 6605. Володимеръ поиде Переяславлю: 6611. Ведена дщи Володарева Царюгороду: 6612. Приде Новугороду: 6533.

Мѣст. безъ предлога: Княжащю ему Кыевѣ: 6624. Ярославъ всади Судислава въ порубъ Плесковѣ: 6544. Ц. Св. Богородица стоить и до сего дне Тмутаракани: 6530. Заратися Ярославъ Берестьи: 6609. Давыдъ сѣдѣ Божьскѣмь: 6608. Томъ же мѣсяцѣ, томъ же лѣтѣ.

Двойственное число соблюдено вообще вездѣ правильно. Прошед. простое очень часто и правильно. Неопредѣленное достигательное на своемъ мѣстѣ (съидевѣ ся сама боротъ. 6530. азъ пошлю молится. 6604. поидемъ искатъ лапотниковъ. 6493).

Любопытенъ языкъ Повѣсти временныхъ лѣтъ по многимъ словамъ и выраженіямъ.

Прежде другихъ отмѣтимъ частое употребленіе предлога *вы:* выпусти 6500. выступи 6501. вынемевѣ 6579. выгнанье 6580. выидяше 6582. высѣчися 6604. выбѣгоста 6592. выгна 6592. вылѣзе 6605. вынзе 6530.

— *Хвостатися*—париться (видѣвъ люди..., како ся мыють и хвощються); ср. хвость, хвостье, хвощь.

— *Рубити*, срубити городъ (Кий приде къ Дунаеви... и сруби градокъ малъ. Поча нарубати мужѣ лучьшиѣ. Володимиръ заложи градъ Бѣлъгородъ и наруби въ не отъ инѣхъ городовъ).

— *Вежа* (идоша Угри мимо Кіевъ... сташа вежами).

— *Толковины* (яже суть толковины, си вси звахуться великая Скуфь). Слово это встрѣтилось еще только разъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: Тулы поганыхъ тльковинъ).

— *Прѣ* (и рече Олегъ, ишіите пре паволочити Руси, а Словеномъ кропиипныя...; раздра я вѣтръ, и ркоша Словенѣ: имемъся своимъ толъстинамъ, не даны суть Словѣномъ пре кропинныя).

— *Узорочье* (приде Олегъ къ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина и всяко узорочье).

— *Кудесникъ* (бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ, отъ чего ми есть умьрети. Два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ).

— *Думати* (Игорь... созва дружину и нача думати).

— *Дружина* (потягнемъ мужьски, братья и дружино).

— *Теремъ* (надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ).

— *Погостъ* (Ольга устави по Мьстѣ повосты и дани... Ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты. Встаста

два волхва... и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ, ту же нарицаху лучьшиѣ жены).

— *Шатеръ* (Святославъ... ни шатра имяше).

— *Охабитися* (ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ).

— *Комонь* (изъ Чехъ же изъ Угоръ сребро и комони).

— *Коверъ* (налѣзоша на Ольга... и положиша и на коврѣ. Обертѣвше (тѣло) въ коверъ, и ужи съвѣсиша на землю).

— *Куны* (пождѣте, да же вы куны сберуть).

— *Расточити* и *поточити*.

— *Отѣника* — сынъ и отецъ вмѣстѣ (попраста и си отѣника). Срав. древн.-Нѣмец. Sunufatorungos.

— *Лапоть, лапотникъ* (съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ).

— *Рота* (ротѣ заходивше межи собою).

— *Дѣти, дѣю*—говорить (аще кто, дѣеть, въ нашу вѣру ступить, то пакы умеръ станеть, и не умрети ему въ вѣки).

— *Лихъ*—худой и злой (аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя пріяла Ольга).

— *Вѣно* (Володимеръ... вдасть же за вѣно Грекомь Курсунь. Вдасть Казимиръ за вѣно людій 8 сотъ).

— *Рѣнь* (изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня рѣнь).

— *Товаръ* (Володимеръ приде въ товары, посла биричи по товаромъ).

— *Биричь* (см. выше).

— *Вира* (рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди).

— *Вѣче* (бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпраша, что ради вѣче было).

— *Корста* (вложиша и въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемь).

— *Корзно* (Святополкъ нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами).

— *Гривна* (начаша скотъ брати, отъ мужа по четыри куны, а отъ старостѣ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по осмидесять гривенъ).

— *Луда* (приде Якунъ..., луда бѣ у него золотомь истъкана... Отбѣже луды златоѣ).

— *Рядъ* (Ѳеодосій... устави въ манастыри... весь рядъ церковный).

— *Котора*, *которатися* (аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ).

— *Усобица* (быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю).

— *Гобино* (ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино).

— *Лошадь* (лошади жаль, а самого не жаль ли).

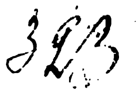
— *Язвено* (матери бо родивши его (Всеслава), бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего, еже носить Всеславъ и до сего дне).

Словъ Русскихъ, сходныхъ по значенію со словами болѣе сѣверозападныхъ Славянъ, чѣмъ съ тѣми, которыя находятся въ памятникахъ церковныхъ, много. Лѣтописецъ выражалъ обстоятельства жизни тѣми самыми словами, которыми они выражались въ самой жизни. Когда же онъ хотѣлъ быть краснорѣчивѣе, то употреблялъ, болѣе въ вставныхъ фразахъ и періодахъ, выраженія изъ языка церковнаго.

На какомъ же языкѣ писаны наши лѣтописи? На Славянско-церковномъ, смѣшанномъ съ Русскимъ, или же, напротивъ, на Русскомъ, смѣшанномъ съ церковнымъ? Думаю, что на Русскомъ. Въ книгахъ церковныхъ языкъ церковный подчинялся нѣкоторымъ прихотямъ Русскаго выговора; въ лѣтописяхъ древнихъ языкъ Русскій подчинялся прихотямъ церковнаго краснорѣчія, которое простиралось иногда и на самый выговоръ. Это послѣднее

видимъ и на нашемъ современномъ языкѣ, литературномъ. Но постоянное правильное употребленіе прошедшаго простого и двойственнаго числа — развѣ не признакъ церковнаго языка? Почему же признакъ? Потому ли, что теперь мы въ своемъ языкѣ этого не имѣемъ? Если только потому, то это не доказательство. А отчего, скажутъ, рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ этихъ формъ лѣтописецъ часто ошибался въ склоненіи причастій? Отчего употреблялъ дѣепричастіе? Отчего онъ и въ этомъ не держался безошибочности церковнаго языка, если писалъ имъ? Это было не труднѣе. Намъ теперь и то и другое одинаково трудно безъ особеннаго навыка. Древнему лѣтописцу легче даже было ошибаться въ двойственномъ числѣ, какъ рѣдко употреблявшемся, чѣмъ въ причастіи, къ которому легко бы, казалось, можно было присмотрѣться. Не значитъ ли, что лѣтописецъ ни къ чему не присматривался, а писалъ такъ, какъ случилось, заботясь не о правильности языка церковнаго, а о достоинствѣ слога, и черпая для этого изъ церковнаго языка такъ же, какъ дѣлаемъ это мы и теперь.

Оглавленіе.



DATE DUE